

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 1 (33)

2025

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:

**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.

Журнал издается с 2016 года

Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, профессор, Россия

О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия

Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова

С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан

В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия

К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония

Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия

Д. Рансел, доктор истории (PhD), США

М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия

Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай

Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Full Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

ТЕМА НОМЕРА

СЕМЬЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
(ПО ИТОГАМ ГОДА СЕМЬИ В РОССИИ)

СОДЕРЖАНИЕ

• СЕМЬЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ •

А. С. Новиков

Взаимоотношения «взрослых детей» с родителями и прародителями как аспект семейной повседневности населения Северо-Запада Руси (по материалам берестяных грамот XII–XIV вв.) [10]

И. В. Дубинин

К проблеме изучения родственных отношений историка казачества И. Д. Попко. Письмо Матроны Анфимовны Ревнивых дяде [31]

К. С. Коваль, Н. Л. Пушкарева

Профессиональное и семейное в повседневности русской художницы второй половины XIX – начала XX в. [43]

О. И. Секенова

Память о материальном: семейный быт и домашнее хозяйство семьи арабистов в воспоминаниях В. А. Крачковской [62]

О. А. Валькова

Я б в ученые пошел, пусть меня научат... Семья за спиной молодого ученого: преимущество или обуза? (По материалам биографий физика А. А. Глаголевой-Аркадьевой и историка физики О. А. Старосельской-Никитиной) [77]

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

П. С. Кабытов, Е. П. Баринова

Крестьянский мир глазами земского начальника [99]

Н. В. Некрасов

Буфет Государственной думы Российской империи в 1906–1907 гг.: от второстепенного ресторана к политическому клубу [113]

Е. В. Дианова

«Кино против водки»: санитарно-просветительный кинематограф 1920-х гг. в борьбе с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом)

[132]

Р. А. Бадиков

Практика мобилизационного рекрутирования кадров для советской военно-исторической науки: микроисторическое исследование

[158]

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Г. В. Карандашев

Повседневная жизнь уездного города: проституция в Ростове во второй половине XIX – начале XX в.

[174]

В. Шмидт

Колониальные журналы как источник по вопросам переселения в немецкие колонии

[190]

Т. В. Власов

Техническая интеллигенция и движение изобретателей и рационализаторов в Псковской области в 1960-е гг.

[203]

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Р. А. Мишков, О. А. Семёнова

Производство резиновых игрушек в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Часть 1

[215]

Иллюстрации

[237]

CONTENTS

• THE FAMILY IN EVERYDAY LIFE •

Alexander S. Novikov

The Relations of “Grown-up” Children with Their Parents
and Grandparents as an Aspect of North Western Rus’
Population Familial Everyday Life [10]
(as Revealed in the 12th–14th Centuries Birch Bark Letters)

Igor V. Dubinin

To the Problem of Studying Kinship Relations [31]
of the Cossacks Historian I. D. Popko.
A letter from Matriona Anfimovna Revnivkykh to Her Uncle

Karolina K. Koval, Natalya L. Pushkareva

The Professional and the Familial in Everyday Life [43]
of Russian 1850s – 1900s Women Artists

Olga. I. Sekenova

The Memory of the Material: Family Life and Household [62]
of an Arabists’ Family Described in V. A. Krachkovskaya
Memoirs

Olga A. Valkova

I’d Become a Scholar if Taught... Is a Young Scholar’s [77]
Family a Benefit of a Burden? (Based on the Biographies
of the Physicist A. A. Glagoleva-Arkadieva and the Historian
of Physics O. A. Staroselskaya-Nikitina)

THE AUTHORITIES AND SOCIETY

Petr S. Kabytov, Ekaterina P. Barinova

The Peasant World through the Eyes of a Zemstvo Chief [99]

Nikolay V. Nekrasov

The Russian Empire State Duma Buffet in 1906–1907: [113]
From a Second-Rate Restaurant to a Political Club

Elena V. Dianova

«Cinema Against Vodka»: The 1920s Health Education
Cinema in the Struggle with Social Deviations [132]
(Drunkenness and Alcoholism)

Roman A. Badikov

The Practice of Mobilization Recruiting Researchers [158]
for Soviet Military Historical Science: a Microhistorical Study

REGIONAL EVERYDAY LIFE

Gleb V. Karandashev

Everyday Life of a County Town: [174]
Prostitution in Rostov in the 1850s through 1900s

Waldemar Schmidt

Colonial Magazines as a Source to Study Relocation [190]
to German Colonies

Timofey V. Vlasov

Technical Intelligentsia and the Inventors [203]
and Rationalizers Movement in Pskov Region in the 1960s

ECONOMIC EVERYDAY LIFE

Roman A. Mishkov, Olga A. Semenova

Rubber Toys Production in the Russian Empire in the second [216]
half of the 19th – early 20th centuries. Part 1

Illustrations [237]

Взаимоотношения «взрослых детей» с родителями и прародителями как аспект семейной повседневности населения Северо-Запада Руси (по материалам берестяных грамот XII–XIV вв.)

А. С. Новиков

В статье рассматриваются различные грани взаимоотношений, прошедших стадию взросления детей с их родителями и прародителями (бабушками и дедушками). Проблема раскрывается в качестве одного из аспектов семейной повседневности населения северо-западных земель Руси в XII–XIV вв. (преимущественно Новгородской и Псковской земель). Констатируется, что и после создания собственной семьи, дети продолжали взаимодействовать с «родительским домом». Прослеживаются различные формы и обстоятельства этого взаимодействия – экономические, юридические или культурно-антропологические (личностные в контексте заботы и опеки). Экономическая форма рассматривается в контексте совместной экономической (в частности торговой) деятельности, финансовой и иной материальной поддержки, а также других специфических обстоятельств. Юридическая форма взаимодействия освещается с опорой на различные прецеденты – поручительства, взятия на себя долговых обязательств и даже попыток избежать юридической ответственности. Культурно-антропологическая сторона вопроса раскрывается в выяснении обстоятельств взятия на себя «молодыми» различных попечительских функций над старшим поколением, а также в ходе обозначения тех психоэмоциональных процессов, которые можно квалифицировать как заботу. Статья на основе такого исторического источника, как берестяные грамоты, предлагает интерпретацию социальных и личностных процессов, определявших семейную (в широком смысле) жизнь человека средневековой Руси.

Ключевые слова: семья, детство, родители, прародители, средневековая Русь, Новгородская земля, берестяные грамоты.

Благодарности: автор выносит глубочайшую признательность людям, благодаря которым предложенная статья выходит в свет: *Валентине Александровне Веремко*, доктору исторических наук, профессору, научному руководителю кандидатской диссертации – за веру в научный потенциал автора, постоянную исследовательскую и личностную поддержку, за огромное количество вложенных усилий в становление автора как исследователя и постоянную мотивацию к научной работе; *Марине Николаевне Новиковой*, любимой матери – за неиссякаемую уверенность в силах автора, неоценимую помощь в определении жизненного пути и поддержку при любых обстоятельствах; *Раисе Андреевне Полягошко*, дорогой бабушке, *matrona familias* – за колоссальную роль в складывании характера, убеждений и твердой жизненной позиции автора. Эта статья посвящается Вам.

Для цитирования: Новиков А. С. Взаимоотношения «взрослых детей» с родителями и прародителями как аспект семейной повседневности населения Северо-Запада Руси (по материалам берестяных грамот XII–XIV вв.) // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 10–30. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_10. EDN: ZBSVDE

Введение

В современном обществе отношения между эмансипированными детьми и их родителями и прародителями (бабушками и дедушками) заканчиваются далеко не всегда; помощь и поддержка в различных обстоятельствах остаются неотъемлемой частью семейной повседневности. Казалось бы, что в социальной системе средневековой Руси выдача вчерашнего ребенка в брак однозначно вела к созданию отдельной независимой семьи – особенно если замуж выдавали дочь. Однако при пристальном рассмотрении ситуация могла демонстрировать совершенно иные грани.

Проблема данного исследования лежит во всестороннем рассмотрении и интерпретации такого аспекта семейной повседневности, как взаимодействие взрослых сыновей и дочерей, проживавших на территории Северо-Западной Руси в XII–XIV вв., с их родителями и прародителями. Проблема предложена к разработке с трех ключевых сторон – экономической, юридической и культурно-антропологической (личностной в контексте заботы и опеки).

Вопросы детства и семейной повседневности сравнительно недавно заняли свое место в исторических исследованиях. Фактически только Ф. Арьес в своем труде 1960 г. [1] впервые начал исследование семьи и детства не «сверху» (имея в виду организационные основы), а изнутри (с точки зрения людей, проживавших детство и жизнь в семье). С его исследованиями коррелируют и иные научные труды школы Анналов [см. напр.: 2]. Впрочем, по очевидным причинам, вопросы повседневности на Руси французскими анналистами не затрагивались.

В отечественной историографии темы семейной повседневности появились чуть позднее – в последней четверти XX в., и затрагивались Ю. Л. Бессмертным [3], который, однако, сосредоточился на историко-демографических процессах, а также формах и историческом пути семьи западноевропейского (преимущественно, французского) Средневековья. Вклад в проблематику внёс также И. С. Кон [4], уделивший существенное внимание вопросам этнографии детства и родительства. В контексте работ по анализу различных аспектов жизни средневекового Новгорода и источниковедению истории Новгородской земли нельзя не отметить вклад В. Л. Янина [5].

Семейная жизнь и повседневность населения Руси также стала предметом исследования Н. Л. Пушкаревой [6], во многом определившей целое направление в исторической науке в предметном поле гендерной истории, исторической феминологии и истории сексуальности. Вопросы семейной повседневности всесторонне разрабатываются В. А. Веременко [7], однако основная часть ее научных публикаций находится в хронологических рамках XIX – начала XX в. Серьезный вклад в изучение социально-политической структуры средневекового Новгорода внес П. В. Лукин [8], хотя его исследования относятся в большей степени к сфере истории народного собрания (в т. ч. новгородского вече) и истории городской культуры. Хронологически близки к предложенному исследованию научные изыскания А. П. Богданова [9], вместе с тем его работы о повседневности средневековой Руси затрагивают более ранние периоды, а обозначенную выше проблему обходят стороной. Также стоит отметить существенную роль А. А. Гиппиуса в раскрытие различных аспектов исторической лингвистики, экономической истории, нумизматики и источниковедения средневековой Руси (и, в частности, средневекового Новгорода) [10], однако его научные изыскания в малой степени коснулись вопросов семьи и отношений между поколениями. В любом случае вопросы взаимоотношений взрослых детей с родителями и прародителями освещены в историографии достаточно бегло, а в отношении Северо-Запада средневековой Руси – и вовсе не рассматривались.

Вместе с тем историографический материал дает возможность наметить отправную точку предлагаемого исследования, обозначая характер средневекового человека, средневекового общества и средневековой семьи как специфических исторических явлений (как в рамках эпохи в целом, так и в регионе в частности). Средневековому человеку был свойственен «дух консерватизма... мировой порядок был установлен по воле Божьей, любое изменение грозило нарушить это равновесие: любое новшество было символом зла» [2, с. 205], что могло приводить к продолжительному отсутствию перемен в различных сферах общественной жизни (что, впрочем, не означает полное отсутствие динамического развития). Человек Средневековья теснейшим образом связан со своей социальной группой, так что «работы на земле, организацию обмена, этапы ремесленно-

го производства, военную или умственную деятельность сложно представить вне группы, семейства, соседей, людей одного общественного слоя» [2, с. 205]. В ведении группы (семьи или клана), но не индивида, находилась сфера земельных и имущественных вопросов [2, с. 206]. Новгородская земля в этом отношении не являлась исключением из правил: наметившаяся в XII–XIII вв. тенденция к объединению населения того или иного конца города (а затем и земли) «под властью или влиянием владевших ими боярских семей», в XIV–XV вв. уже стала традицией [5, с. 33]. В исследованиях отмечается принадлежность человека к социальной группе и в более широком плане, о чем свидетельствует тезис о функционировании Новгорода «единой гражданской общиной» [8, с. 118]. Средневековая семейная организация предложена исследователями в форме большой патриархальной семьи, основной целью существования которой формально называлось деторождение [см. напр.: 3, с. 30–31; 33–39]. В рамках этой концепции существовала и Русь, где активное зачатие и рождение детей сопровождалось высокой детской смертностью, так что до взрослых лет доживали один-два ребенка (реже три-четыре) [6, с. 75], а отношение к потомству носило двойственный характер: одновременно и «с ними горе, а без них вдвое», и «без них горе, а с ними вдвое» [6, с. 71–72], т. е., хотя продолжение рода и препровождение детей во взрослую жизнь являлось важным и буквально обязательным, но сопровождалось большим количеством разнообразных трудностей. Таким образом, хотя повзрослевший ребенок в реалиях средневекового общества приступал к обязанностям взрослого и образовывал свою семью так рано, насколько это возможно, тесные связи внутри социальных групп различных уровней затрудняли (если не делали невозможным) полный разрыв с поколениями родителей и прародителей.

В данном исследовании основной используемой группой исторических источников являются берестяные грамоты происхождением преимущественно из Новгородской земли. Подавляющее большинство грамот можно отнести к документальным источникам личного происхождения – они демонстрируют личную переписку по различным вопросам между жителями Новгорода, Торжка, Смоленска и других городов [11–26]. Эти грамоты объединяют и сходная структура (приветствие от автора

к адресату, основное содержание письма, заключение с пожеланиями здоровья или указаниями на продолжение диалога), и сходное содержание (хозяйственные, бытовые, микрзокономические и личные вопросы). Ценность этой группы источников в том, что они способны не только выявить характеристику форм взаимодействия детей, вышедших из детского состояния, с родителями и прародителями, но и продемонстрировать личное отношение автора к контексту письма и его адресату.

Отдельно стоит отметить обособленную от основного массива новгородскую берестяную грамоту № 893 (датирована 1120–1140 гг.) [27]. В историографии она зафиксирована под условным названием «Записи Марты» [28–30]. Сам по себе этот документ представлял собой свод правил по организации быта (в том числе семейного).

Вспомогательным источником в исследовании может послужить Новгородская первая летопись Старшего извода [31], которая позволит вывести обстоятельства, описанные в берестяных грамотах, с микроуровня (автор–адресат) на макроуровень (события в масштабе Новгородской земли, а иногда и всей Руси).

Для полноценного раскрытия обозначенной проблематики, необходимо определить методологическую основу предложенного исследования. В исследовании использованы: 1) метод критического анализа источника; 2) методология структур повседневности Фернана Броделя, позволяющая выделять основные грани повседневности на макроуровне; 3) гендерный подход, в данном случае предполагающий анализ гендерных аспектов взаимодействия поколений; 4) метод научно-исторического перевода, в данном случае подразумевающий перевод текста с новгородского диалекта древнерусского языка на современный русский с максимально точным сохранением лексической и синтаксической структуры оригинала (допуская употребление архаизмов, просторечий, обценной лексики и т. п.).

Целью предложенного исследования является выделение основных граней взаимодействия взрослых сыновей и дочерей, проживавших на территории Северо-Западной Руси в XII–XIV вв., с их отцами, матерями, бабушками и дедушками.

В соответствии с целью определены следующие задачи: 1) обозначить грани взаимодействия «взрослых детей» с их родителями и прародителями; 2) раскрыть особенности эко-

номического взаимодействия упомянутых категорий населения; 3) выявить прецеденты юридического взаимодействия представителей младшего взрослого поколения со старшими поколениями их семей; 4) определить место опеки и заботы, проявляемых повзрослевшими детьми в отношении их отцов, матерей, бабушек и дедушек.

Гипотеза исследования заключается в том, что после выхода из детского возраста «вчерашние дети» не только не отрывались от старших поколений их семьи, но и открывали для себя новые грани и формы взаимодействия.

«Поклон от Григори к матери! Дай 30 гривен...» или особенности экономических и хозяйственных взаимоотношений

Целый ряд берестяных грамот демонстрирует совместную экономическую (преимущественно торговую) деятельность родителей и их повзрослевших детей. В первую очередь рассмотрим взаимодействие отцов и их сыновей в различных экономических и финансовых вопросах, что в контексте традиционного общества выглядело бы абсолютно реалистичным.

Действительно, наиболее раннее подтверждение такого взаимодействия (середина XII в.) можно увидеть, обратившись к новгородской берестяной грамоте № 831. Текст сохранился не полностью, однако некоторые его фрагменты способны раскрыть особенности организации совместной экономической деятельности отцов и их взрослых детей. В частности, начальная часть текста, написанная на внешней стороне грамоты, служила отражением конфликта между новгородцем Кузьмой с его детьми, с одной стороны, и «старшим» Рагуилом, с другой: «Ѹтъ коузьме и отъ дети его къ рагоуилови ко старьшумоу <...> коръвоу тебе во полоуторъ гривьне <...> и сире а то гривьноу крилъ есмь и дьсать сигово и полтъ въ дьсать коуно а попови твоемоу коръвоу во гривьноу а троке твое чистило есмь и даалъ дары а съ еси поалъ оу мьне роубоу и паръбоко во съми гривьно а другоую роубоу во довоу гривьноу да благослови та бѣго а съ на ма чето въздираеши и на мое дети кото ли на ма тажоу дьеть...»¹ [20].

¹ От Кузьмы и от детей его к Рагуилу-старшому. [Дали] корову тебе на полторы гривны... и сыр на гривну, и десять сигов, и половину туши на десять кун; а попу твоему корову на гривну; а отроков твоих чистил (речь буквально идет об отмывании в бане; но, возможно, автор имел в виду «чистило есмь», т. е. оказывал почести) и одаривал дарами. А ты забрал у меня рабыню и парубка на семь гривен, а другую рабыню

Обратить внимание стоит на то, что автор текста писал не только от своего имени, но и от имени своих детей. Контекстуально наиболее очевидно, что все упомянутые товары – сыр, рыбу и пр. – Кузьма собирал вместе со своими детьми, где все предпринимали самостоятельные действия ради общей цели, однако их отец на правах старшего члена семьи выражал общее мнение перед Рагуилом. А текст продолжен и на обороте, акцентируя внимание на уязвленных чувствах автора: «...а ни а тобѣ кобѣжанино ни а тобѣ скоудѣтина а и горѣзно ми бѣшь...»¹ [20]. Эмоциональная подоплека продемонстрировала особую чувствительность новгородца (скорее всего, купца) к собственным хозяйственным делам, хотя обстоятельства бывшего «горѣзно» остались вне контекста. Как бы то ни было, наличие совместных экономических действий родительского поколения и поколения детей вполне очевидно.

Чуть более поздняя, датируемая первыми декадами XIII в., смоленская грамота № Смол. 9/8 способна куда более прозрачно раскрыть совместные дела отцов и детей. В ней содержится запись следующего содержания: «ѡтъ отѣча къ моисѣю възѣми оу <...> гривнѣ и осмѣ нѣгатѣ а оу арѣша пѣло сѣмѣ ргивнѣ...»² [25]. Отец давал сыну финансовые поручения, которые могли быть связаны либо с взятием денег в долг, либо наоборот – со сбором самих долгов или процентов по ним. Такая практика имела распространение в древнем и средневековом обществе Руси [32], так что в контексте совместной экономической деятельности делегирование определенных действий сыну вполне естественно.

Отцовские письма сыновьям могли содержать не только поручения, но и рекомендации по торговым вопросам. Так, в грамоте № 528 (датирована 1360–1380 гг.) можно увидеть отцовский совет продать товар с посредником: «от оци поклонѣ к олоскандру сто бы еси добрѣ доспѣле сто у тѣбѣ сирѣ то бы еси масло то бы еси продаде с климомѣ а а тобѣ кланаоса продава да бы еси миму...»³ [18]. В контексте исследования актуально то, что здесь нашла свое отражение практика передачи опыта от более поднаторевшего

на две гривны! Да Бог с тобой. А ты ко мне что-то придираешься, и к детям моим (здесь и далее перевод и примечания авт.).

¹ А я тебе не кобязанин, не бессребренник, хотя и горестно мне было [тогда].

² От отца – Моисею. Возьми у [пропущено имя] [пропущено число] гривен и восемь ногат, а у Ярыша без половины семь гривен.

³ От отца поклон Олоксандру! Если хорошо дозрели у тебя сыры и масло, то продал бы [их] с Климом. Я тебя прошу – продавал бы ты Климу.

в подобных делах отца к, похоже, начинающему своё собственное дело сыну. Казалось бы, процесс обучения и воспитания должен был закончиться с началом самостоятельной взрослой жизни упомянутого сына, однако цитируемый источник демонстрирует обратное, в определенной степени пролонгируя упомянутый процесс и «растягивая» его на более продолжительный период.

Впрочем, не только отцы могли раздавать сыновьям поручения. Стоит выделить датируемую серединой XIII в. грамоту № 404, где отец, похоже на регулярной основе, высылал сыну «ковриго», однако последний попросил его прекратить высылку, предварительно дав определенные указания: «ѿ михѡла к ѡтцевѣ оже поиде кнѡзѣ ѡ поими конѣ оу ѡѣдора и сѣдло возми ѡ ковриго не сли сѣмо дешево»¹ [15]. Вполне очевидна в данной ситуации регулярная экономическая помощь, которую осуществлял отец в виде высылки «ковриго», однако обстоятельства поручений сына источником оставлены вне контекста.

Случались и обратные ситуации: грамота № 1053 содержит прошение отца о высылке одежды и иных предметов быта: «ѿ оноса поклоно ко данилѣ сынѡ моемѡ приши ми сорю полотенѣце поротоки поводѡ сѣстрѣ моеѣ пришли полотно ѡ бѣдѡ живо заполащѣса»² [22]. Как становится очевидным из текста грамоты, сыновья помощь видится отцом совсем не безвозмездной – родитель намеревается оплатить упомянутые вещи, «ежели жив будет».

А если совместная экономическая деятельность отцов и сыновей очевидна, то могли ли подобные взаимоотношения возникнуть между *матерями* и их сыновьями в реалиях средневекового Северо-Запада Руси? Характеризуя статус женщины в традиционном обществе, исследователи нередко указывали на её экономически неполноправное положение [см. напр.: 33]. Вместе с тем содержание ряда берестяных грамот демонстрируют обратное.

Так, письмо Стоенег, автора грамоты № 384 (датируемой 1160–1180 гг.) в буквальном смысле содержало отчет перед матерью по расходам: «ѿ стѣнѣга къ матери то ти сѣмь далѣ савѣ: с: кѡнѣ вѣже трѣкѣвищѣ лѣжици: в: ножа: в: брѣсе вожѣ оленѣки»³ [13]. Неясно, кому изначально принадлежали упомянутые

¹ От Михаила – отцу. Если пойдет князь – возьми коня у Федора, и седло возьми. А хлебов не шли – здесь дешево.

² От Оноса поклон к Даниле, сыну моему. Пришли мне сорочку, полотенце, портки, поводья; сестре моей пришли полотно. А буду жив – расплачусь.

³ От Стоенег к матери. Я дал Саве 5 кун, вожжи, полотнище, ложки две, ножа два, брусок [точильный], вожжи оленины.

ценности – Стоенегу или его матери, а учитывая отсутствие контекста, невозможно утверждать о совместном ведении хозяйства, взятии вещей в долг (или без него) у матери, но факт отчетности способен говорить сам за себя.

Впрочем, сыновья не только отчитывались перед матерями о своих делах, но и просили у них финансовой помощи. Грамота № 395 (третья четверть XIII в.) недвусмысленно указала на проблемы сына: «поклоно ѿ григори ко матери 8дай ѿ гривво и та 8мули исца с татѣе сюда»¹ [14]. Показательно, что Григоря не только попросил у матери 30 гривен, что являлось в ту пору весьма существенной суммой [35], но и попросил её посодействовать в решении собственных проблем с законом. Контекст, очевидный для автора и адресата, тем не менее остался за пределами текста письма, так что прояснить обстоятельства целиком невозможно. Впрочем, текст письма подразумевал и юридическую сторону взаимодействия поколений, что будет раскрыто в следующем разделе предложенного исследования.

Два более поздних текста, датируемых серединой – второй половиной XIV в., способны раскрыть новые подробности совместной хозяйственной деятельности сыновей и их старших родственников.

Так, грамотой № 354 переданы поручения Онсифора матери, сходные с теми, какие высылали друг другу отцы и их сыновья: «челомъ битиѣ к огжи мѣтри ѿ Онсифора вели нестерю рубль скопити да ити к июрию к сукладнику молиса км что бы конь купилъ да иди с обросиємъ к степану жеребии возма или возметъ рубль купи и другии конь да прошаи оу юриа полтини да купи соли с обросиємъ а михи и серебра не добудеть до пути пошли с нестеромъ симъ да пошли ѿ кози коракую патень польсти веретища михи и медвидно вели оу максима оу ключника пшенки попрошати и диду молиса что бы ихалъ в июриевъ монастырь пшенки попрошалъ а сдисе не надиса»² [11]. Исходя из набора просьб и поручений, направленных матери, возможно пред-

¹ Поклон от Григори к матери! Дай 30 гривен, и так (буквально – с их помощью) упроси истца по краже [прійти] сюда.

² Челобитие госпоже матери от Онсифора. Вели Нестерю рубль собрать и идти к Июрию-складнику. Уговори его, чтобы коня купил, да иди с Обросием к Степану, взяв долю. Если рубль возьмет [за коня] – купи еще [одного] коня. Да попроси у Юрия полтину и соль купи с Обросием. А [если] не добудет он до пути мхи и серебро, [то] пришли их с Нестером этим. Да пошли два таганка-козы, коракую, тамги, сани, рогажу, мхи и медвежью шкуру. Вели у Максима-ключника пшенки попросить; и деда уговори, чтобы ехал в Юрьев монастырь пшенки попросить, а то здесь надежды [на пшенку] нет.

положить, что сын собирался в дальнюю дорогу, притом в более холодные места (о чем свидетельствуют, например, лыжи и медвежья шкура). Действительно, новгородцы еще с XIII в. организовывали торговые и иные экспедиции в Поморье [34, с. 13–21], т. е. на территории, которые впоследствии будут названы Русским Севером. В данном случае именно мать руководила организацией сбора сына в подобный поход.

Грамота № 578, продемонстрировав связь с более старшим поколением, содержит поручения Онцифора его бабушке Маремьяне: «поклонъ ѿ онцифора к бабѣ к марѣмьянѣ что кси́ми гѣже тобѣ далъ полтину дати биричу а грамота взать ажъ будешь грамоту взала даи онтану...»¹ [19]. Показательно, что Онцифор говорил о деньгах, которые он сам дал бабушке Маремьяне на конкретное дело – дать биричу с непременно́м взятием у него грамоты. Здесь возможно проследить и определенную форму заботы о старшем родственнике (в данном случае – о финансовой помощи), и, вероятно, совместно решаемые юридические вопросы. Такого рода контекст способен пролить свет на иные формы взаимодействия повзрослевших детей с их родителями и прародителями, которые будут раскрыты в предложенном исследовании ниже. Здесь же важно отметить и то, что процитированная выше грамота – единственная из содержащих информацию об экономическом и хозяйственном взаимодействии поколения внуков с поколением их бабушек и дедушек.

Совершенно немыслимым может казаться наличие совместных дел взрослых дочерей и их родителей, однако факт взаимодействия сыновей с матерями заставляет поставить вопрос ребром – взаимодействовали ли с родителями дочери?

Весь массив известных берестяных грамот XII–XIV вв. не содержит ни одного упоминания о том, чтобы дочери писали по экономическим и хозяйственным вопросам отцам, а те – дочерям. Известные на данные момент источники по упомянутому периоду не содержат прямого или косвенного указания на причины подобного расклада. Вместе с тем в условиях существования самостоятельной экономической деятельности женщин Северо-Запада средневековой Руси [36], а также наличия переписки мужчин старшего поколения с предста-

¹ Поклон от Онцифора к бабушке Маремьяне! То, госпожа, что я дал тебе полтину – это дать биричу (официальному глашатая), а грамоту [с него] взять. Как будешь грамоту брать – дай [ее] Онтану.

вительницами поколения их детей по иным вопросам, стоит предположить, что подходящие источники на данный момент попросту ещё не обнаружены.

Тем не менее, целый ряд берестяных грамот способен раскрыть особенности взаимодействия дочерей с их матерями.

Письмо Онуфреи из Торжка матери, написанное в начале XIII в., имело ту же специфику, что и письма сыновей отцам: «Ѡ онуѡрьѣ къ матери пошьлъ петръ къ тебѣ поѣмъ конь и матьль лазаревъ а воротите конь и матьль а самого послѣ сѣмо али не послешъ а таку же ми вѣсть присли и покланѣю ти са и цѣлую та»¹ [26]. Отсутствие серьезных отличий с хозяйственными поручениями, содержащимися в переписке мужчин-родственников, является лишним подтверждением экономической самостоятельности женщин Северо-Запада средневековой Руси, а также вновь подчеркивает наличие совместной хозяйственной деятельности между поколением детей и поколением их родителей. Немаловажным в контексте исследования стоит считать то, как Онуфрея завершила письмо: «покланѣю ти са и цѣлую та», что способно достаточно очевидно установить – отношения матери и дочери были весьма тёплыми, поскольку последняя даже в спешке отвела время на демонстрацию уважения и нежности к матери.

Написанная более чем через столетие после предыдущей, новгородская грамота № 1102 (1340–1360 гг.) раскрывает дополнительную грань взаимодействия дочерей с их матерями: «поклоно Ѡ лукерии ки макти коливка ѡстави а рубили свои возми а потину пришли кланиса про потинуу сварити а це рѣмѣа приди сама сѣмо сѣю ти бѣжа любо сѣсру пришли охѡи»² [24]. Исходя из контекста, наиболее закономерной была бы следующая реконструкция событий: дочь совместно с матерью и сестрой занималась организацией похоронного обряда для кого-то из умерших родственников, и просьбы её носили одновременно и бытовой, и имущественный характер. Дочь попросила мать оставить ей «коливка» (аналог кутьи как элемента погребальной трапезы [37, с. 357]) и подключила

¹ От Онуфреи к матери. Пошел Петр к тебе, а с ним конь и мятль Лазарев. Верните коня и мятль (широкий плащ в форме полукруга, скалываемый брошью-фибулой), а самого пошли сюда. Если не пошлешь – такую же (скорее всего, берестяную) весточку пришли. Кланяюсь тебе и целую!

² Поклон от Лукерии к матери! Коливка оставь. Рубли свои возьми, а полтину пришли. Поклонись за полтину. Свари. А что до обносков, [так] приходи сюда сама – шлю [грамоту] тебе на бегу. Либо сестру пришли. Ох!

мать к разделу «**рѣмѣа**» покойного. Совместное совершение погребальных обрядов восточнославянскими женщинами историографии известно [см. напр.: 38, с. 375–390], однако в контексте освещаемой проблемы важно другое: часть имущества покойного переходило к имуществу тех, кто организовывал похороны, в данном случае Лукерии и её матери. А зафиксированное в конце текста междометие «**оуои**» (недвусмысленно обозначавшее здесь определенную степень усталости) лишний раз подчеркнуло эмоциональную реакцию Лукерии на происходящее.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что для северо-западной Руси XII–XIV вв. был характерен целый спектр форм экономического и хозяйственного взаимодействия повзрослевших детей и их родителей и прародителей. Обоюдные хозяйственные и экономические поручения, совместные торговые и финансовые дела были естественными формами взаимодействия отцов и сыновей, сыновей и матерей, дочерей и матерей. Взаимоотношения же младших членов семьи (в данном случае – внуков) с поколением бабушек и дедушек, хотя и присутствуют, но в меньшей степени, нежели отношения детей с родителями. Нередким для содержания грамот явлением была демонстрация эмоционального отношения к обсуждаемому, включая и определенную теплоту в отношении близких родственников. Вопрос же взаимодействия отцов и дочерей остается открытым – возможно, из-за скудности доступных современной науке исторических источников.

«Иди к сыну домой – ты свободен», или прецеденты юридического взаимодействия

Вопросы юридического взаимодействия периодически становились поводом для переписки между поколениями на Северо-Западе Руси XII–XIV вв. Нередки были случаи, когда родственник являлся представителем или поручителем другого члена семьи в суде или брал на себя его финансовые обязательства.

Так, юридические перипетии отражены в новгородской грамоте № 421, датируемой 1120–1140 гг. Впрочем, её содержание способно породить не меньше вопросов, чем дать ответов: «Ѹ братаѣ къ нежилѹ поиди соупѹ домовъ свободнѣ еси пакѣ ли не идѣши а послѹи н тѣ абытъникъ а заплатишь ꙗко грѣшъ а тѣ

свобонь»¹ [16]. Вполне очевидно, что Братята пишет Нежилу о том, что последнего освободили под залог в 20 гривен, и он может идти домой. Но кем приходились автор и адресат друг другу и к кому домой следует направиться Нежилу? Так, А. В. Арциховский и В. Л. Янин, опубликовавшие цитируемую берестяную грамоту, склонялись к той версии, что слово «соуноу» является искаженной формой звательного падежа существительного «сынъ», однако допускали, что автор опустил предлог «к», т. е. речь идет о направлении Нежила к его сыну [16]. Предложенное допущение в большей степени соотносится с нормами древнерусского языка [39, с. 273–277], нежели версия, принятая за основную, так что предпочтительнее реконструировать фрагмент фразы как «к сыноу». В любом случае и освобождение сына отцом под залог, и направление отца в сыновний дом после освобождения из заключения способны отражать специфику правового взаимодействия поколений.

Но не только отцы могли выступать поручителями за сыновей, а сыновья – за отцов в юридических вопросах. В грамоте № 1087, датированной серединой XII в., содержалось известие от деда Лекши о его пропащем внуке и связанных с ним событиях: «ѿ ѡкъшы къ дѣмѣанѣкоу какъ ты за мѣною творишь коуноу <...> за вѣноухѣца ти Ѡ коунъ показаль ти данило ем <...> вѣзми жь на нь вѣ трѣть а азъ ти съ зна <...> вѣнь дѣвь гривенѣ а вѣноухѣца бѣжал...»² [23]. Лекша не называл внука по имени, но его действия в отношении последнего, сбежавшего в неведомом направлении, говорили сами за себя. Дед вместо внука вступил в экономические правоотношения, принимая на себя его долги и выплачивая также и проценты по долгу. Особо стоит отметить и лексику, использованную автором – не упоминая имени внука, он дважды использовал оборот «вѣноухѣца», т. е. буквально «внучек». С большой долей вероятности стоит предположить, что здесь речь идет именно о теплом родственном отношении к «внучку» (что достаточно трудоёмко осветить, используя собственно историческую методологию), а не о тех или иных обязательствах, которые могла быть наложены на деда в силу родственной связи.

¹ От Братяты к Нежилу. Иди к сыну домой – ты свободен; а не пойдешь – пошло за тобой ябетника. Я заплатил 20 гривен, и ты свободен.

² От Олекши к Демьянку. За мной ты считаешь куну, за внучком – 9 кун, как показал Данило. Возьми на меня под треть (буквально – запиши всё это на меня и добавь ещё треть от общей суммы). [Получится] две гривны. А внучек бежал...

Впрочем, поколения могли помогать друг другу не только в форме выплаты залога или взятия на себя долгов. В грамоте № 952 (1160–1180 гг.) можно отследить обстоятельства механизма ухода от юридической ответственности: «ѿ радѣка къ отыцѣви покланнание товарѣць есѣмо посѣлалъ смольньскоу а поутилоу ти оубили а хотать ны ати въ фому съ вацѣшькою а мѣлѣва заплатите чѣтыри съта гривны или а зовите фому сѣмо пакы ли да въсадимъ въ въ погрьбо и покланнание ѿ вацѣшькѣ къ лазорѣви посѣлалъ есѣмъ конѣ юковууцѣко а самъ есѣмъ доспѣлъ»¹ [21]. Письмо от Радка и Вячешки Лазорю (отцу первого), помимо констатации трудной ситуации, в которую попали авторы, также утверждало и то, что составители письма готовы бежать из Смоленска и непрозрачно намекали Лазорю, что стоит либо помочь с уплатой огромной суммы в 400 гривен, либо принять беглецов у себя.

Показательно, что среди берестяных грамот нет упоминаний об участии в юридических коллизиях женщин – по крайней мере в виде стороны, нуждавшейся во вмешательстве в процесс. Представляется возможным, что это связано с традиционно меньшей степенью вовлеченности женщин в противоправную деятельность [40]. Однако возможно и решение таких вопросов внутри семьи, что является поводом для отдельного исследования.

Таким образом, хотя формы юридического взаимодействия и не изобиловали многообразием, но демонстрировали несколько возможных вариантов такового – посредничество в освобождении, приют освобожденного из заключения, взятие на себя долгов и даже фактическое укрывательство сбежавших от закона. Важно также отметить, что участниками подобного взаимодействия становились преимущественно (или целиком) мужчины. Вместе с тем прецедентов взаимодействия представителей поколения детей было меньше, нежели количество таковых, что соотносится с положениями предыдущего раздела.

«...Пришлите мне грамотку, здоровы ли», или проявления заботы о родных и опека взрослых детей над родителями

Вопросы опеки взрослых детей над родителями также определяли поступки людей на северо-западе средневековой Руси.

¹ От Радка к отцу поклон. Товарец я послал в Смоленск. А Путилу-то убили. А нас с Вячешкою хотят взять за Фому, говорят – заплатите 400 гривен или зовите Фому, а не то посадим вас в поруб. И поклон от Вячешки Лазорю: послал я коня въичного, да и сам готов.

Например, грамота № 424, написанная 1100–1120 гг., содержала буквальное приглашение родителей к переезду поближе к сыну: «ѿ гюрьга къ отчѹви и къ матери продавшѹ дворъ идите же сѣмо смольнску ли кыеву ли дешевѹ ти хлѣбе али не идѣте а присѣте ми грамотичу сторови ли естѣ»¹ [17]. Гюрьги уговаривает родителей перебраться к нему в Смоленск, и аргументом стала дешевизна хлеба. Сына, похоже, устроил бы переезд и в Киев под тем же предлогом. Возможно, причина, движимая Гюрьгой, была более серьезной, чем могла бы казаться – за упомянутое время новгородцы пережили землетрясение в 1107 г., пожары в 1111 и 1113 гг. и мор среди лошадей в 1115 г. (в итоге в 1116 г. князю Мстиславу пришлось его отстраивать «болии пьрваго») [31, с. 19–20]. Так что желание сына в переезде родителей было предельно ясным. Завершено послание вопросом о здоровье родителей, что, похоже, было традиционной практикой.

В контексте поднимаемой темы необходимо обратиться к грамоте № 893 (1120–1140 гг.), которая в историографии зафиксирована под условным названием «Записи Марты». Об опеке взрослых детей над родителями свидетельствует следующий фрагмент текста: «али ти не дѣлаета а наѣми еъ на наимито»² [27]. Хотя прямого указания на родителей в тексте нет, реконструкция «ти» как «ѿицѹ и матѹ» является единственным возможным вариантом в системе социальных отношений средневековой Руси, что можно считать историографическим консенсусом [28; 29].

Забота могла проявляться и в форме финансовой помощи, о чем свидетельствует грамота середины XIV в. № 358: «поклонъ ѿспѣи мѣтри послааъ ксѣмъ с посадничимъ мануиломъ к бѣлъ к тобѣ...»³ [12]. Если запросы на денежную помощь, обозначенные выше, в значительной степени находятся в сфере экономических отношений, то в данном случае примечателен сам факт отсылки денежных средств без дополнительной просьбы или поручения, что вполне логично интерпретировать как проявление заботы.

Итак, во взаимодействии взрослых детей и представителей старших поколений их семей действительно можно выделить заботу о родителях и опеку над последними. Среди форм, предложенных берестяными грамотами, возможно выделить спо-

¹ От Гюрьга к отцу и к матери. Продав двор, идите сюда, в Смоленск, ну или в Киев. Дешевле-то [здесь] хлеб! А не пойдете – пришлите мне грамотку, здоровы ли.

² Если те не работают (т. е. буквально не могут, не в состоянии), то найми им работника за плату.

³ Поклон госпоже матери! Послаа я с посадничим [человеком] Мануилом 20 белок тебе.

собствование переезду в более благоприятную локацию, найм работника для нетрудоспособных родителей (что и вовсе было закреплено в специфическом своде бытовых рекомендаций), а также прямую высылку денежных средств.

Обсуждение и выводы

Исследование взаимоотношений «взрослых детей» с родителями и прародителями в роли аспекта семейной повседневности населения Северо-Запада Руси XII–XIV вв. на основе берестяных грамот соответствующего периода может дать основание для ряда выводов.

Прежде всего стало очевидным, что переход «вчерашнего ребенка» во взрослое состояние и создание им новой семьи в реалиях средневековой Руси совершенно не означали полного разрыва с родительской семьей. Более того, поколение повзрослевших детей поддерживало определенные отношения и с более старшим поколением – своими бабушками и дедушками, хотя и в меньшей степени, чем с матерями и отцами.

Экономическое взаимодействие «взрослых детей» со старшими членами их семей сводилось к определенным формам. Прежде всего это совместное ведение дел (торговых, финансовых и хозяйственных), где прослеживаются и ситуации, когда координатором такого взаимодействия выступал старший родственник (отец или мать), и ситуации обратного характера. Нередкими были случаи финансовой или хозяйственной помощи, где та или иная сторона просила (или принимала) денежные средства или предметы быта (притом для любой из сторон такие запросы или отдачи не были чем-либо из ряда вон выходящим). Достаточно часто родители выступали посредниками в экономических делах своих повзрослевших детей, а те в свою очередь выполняли различные деловые поручения. Актуальной оставалась и практика передачи опыта, вышедшая за пределы детства и выражавшаяся в советах по ведению личной экономики (например по продаже произведенной ремесленной продукции).

Прецеденты юридического взаимодействия не нашли столь серьезного отражения в источниках, как формы совместных экономических действий, однако способны пролить свет на различные правовые ситуации. Близкие родственники (взрослые дети и их родители) выступали поручителями друг друга

в юридических коллизиях, способствуя выпуску родича под залог и перенимая внушительные долги. Кроме того, были зафиксированы и определенные попытки обойти закон, поспособствовав бегству родственника «из лап правосудия».

Неотъемлемыми элементами взаимоотношений сыновей и дочерей с их родителями и прародителями оставались забота друг о друге и различные формы опеки. В случае если родителям угрожал экономический или гуманитарный кризис (рост цен на ключевые продукты – например, на хлеб), «взрослые дети» настаивали на переезде родителей в более благоприятную локацию. Естественным и зафиксированным в своего рода поучении считался розыск и наём подсобного рабочего, если родители утрачивали работоспособность. И наконец, практиковалась актуальная во все времена форма поддержки – финансовая помощь.

Таким образом, характеризуя взаимодействие «взрослых детей» со старшими поколениями их семей, необходимо констатировать, что существовали как минимум три грани такого взаимодействия, подразумевающие широчайший спектр внутренних форм. Наступление взрослости не означало разрыв связей, но лишь подразумевало их трансформацию и модернизацию. Вместе с тем предложенная статья требует концептуальной связи с последующими работами на сходную проблематику, в частности касающимися структуры семьи в средневековом Новгороде и динамики её развития. Исследование, хотя и закрывает одну из существующих в исторической науке лакун, тем не менее создает почву для дальнейших исследований, в частности в отношении социального статуса матери, отца и прародителей в обществе средневековой Северо-Западной Руси, а также раскрытия специфики взаимоотношений приемных детей с их родителями и усыновителями.

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
2. Фоссье Р. Люди средневековья. СПб.: Евразия, 2020. 352 с.
3. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.
4. Кон И. С. Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. 270 с.
5. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.

6. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М.: Ломоносовъ, 2022. 216 с.
7. Веремченко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: СПбГЭУ, 2015. 204 с. – EDN: UXZPAL.
8. Лукин П. В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический вестник. – 2012. – № 1. – С. 98–119.
9. Богданов А. П. Повседневная жизнь Древней Руси. М.: Молодая гвардия, 2016. 526 с.
10. Гиппиус А. А. К истории реформирования Новгородской денежной системы в первой четверти XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2023. – № 1(91). – С. 38–45. – DOI 10.25986/IRI.2023.91.1.006. – EDN YFLDCD.
11. Грамота № 354 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 43.
12. Грамота № 358 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 50–52.
13. Грамота № 384 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 84–86.
14. Грамота № 395 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 97.
15. Грамота № 404 // Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. М.: АН СССР, 1963. С. 104–106.
16. Грамота № 421 // Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978. С. 30.
17. Грамота № 424 // Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978. С. 32–33.
18. Грамота № 528 // Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1978. С. 128–129.
19. Грамота № 578 // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1986. С. 42–43.
20. Грамота № 831 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. С. 48–52.
21. Грамота № 952 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 46–49.
22. Грамота № 1053 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 153–154.
23. Грамота № 1087 // Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Торопова Е. В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. – 2017. – № 4. – С. 19.
24. Грамота № 1102 // Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. – 2018. – № 4. – С. 16–17.
25. Грамота № Смол. 9/8 // Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. – 1985. – С. 199–211.
26. Грамота № Торж. 10 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. С. 126–127.
27. Грамота № 893 // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. С. 89–91.
28. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Русские словари, 2004. 288 с.
29. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: ЯСК, 2004. 872 с.
30. Алпатов С. В. Берестяные грамоты в контексте фольклорной и литературной традиции // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2004. – № 4 (18). – С. 123–128.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: АН СССР, 1950. 568 с.
32. Тихомиров М. Н. Ростовщичество и торговый кредит // Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. С. 104–110.

33. Грузков И. В., Рабаданова Х. А., Халидова С. Ш. Женщина в традиционном обществе: традиции, обычаи, факторы роста влияния // *Kant.* – 2014. – № 2 (11). – С. 101–103.

34. Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: очерки по истории колонизации Поморья. Петроград: Время, 1923. 79 с.

35. Бассальго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. // Новгородский исторический сборник. – 2020. № 6/н. – С. 218–233.

36. Яшина М. И. Финансовая деятельность женщин привилегированных социальных групп в Новгороде в XI–XV вв. (по материалам берестяных грамот) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 291–295. – EDN: BWEUNA.

37. Тихомиров Е. А. Загробная жизнь, или Последняя участь человека. СПб.: Т. Ф. Кузин, 1888. 640 с.

38. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Русские аграрные праздники. М.: МИФ, 2024. 544 с.

39. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

40. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. М.: Унив. тип., 1905. 203 с.

The Relations of “Grown-up” Children with Their Parents and Grandparents as an Aspect of North Western Rus’ Population Familial Everyday Life (as Revealed in the 12th–14th Centuries Birch Bark Letters)

Alexander S. Novikov

The article analyzes various sides of the relationship of “adult children” with their parents and grandparents. The problem is revealed as one of the aspects of familial everyday life among the population of the Northwestern lands of Rus’ in 12th–14th century (mainly about Novgorod and Pskov lands). Stated that even after creating their own family, offsprings continued to communicate with the “parental home”. There are traced various forms and circumstances of this interaction – economic, juridical or caring. The economic form is considered in the context of joint economic (in particular, trade) activities, financial and other material support, as well as other specific circumstances. The legal form of interaction is covered on the base of various precedents – sureties, taking on debt obligations and even attempts to avoid legal liability. The cultural and anthropological side of the issue is revealed in clarifying the circumstances of the “young” taking on various guardianship functions over the older generation, as well as in the course of designating those psycho-emotional processes that can be qualified as care. Based on such a historical source as birch bark letters, the article offers an interpretation of the social and personal processes that determined the family (in the broad sense) life of a person in medieval Rus’.

Key words: family, childhood, parents, grandparents, Medieval Rus’, Novgorod land, birch bark letters.

Acknowledgements: The author expresses his deepest gratitude to the people who helped the proposed article to be published: *Valentina Aleksandrovna Veremenko*, Doctor of Historical Sciences, Professor, scientific supervisor of the PhD thesis – for her faith in the author’s scientific potential, constant research and personal support, for the huge amount of effort invested in the author’s development as a researcher and constant motivation for scientific work; *Marina Nikolaevna Novikova*, beloved mother – for her inexhaustible confidence in the author’s abilities, invaluable help in determining the path of life and support under any circumstances; *Raisa Andreevna Polyagoshko*, dear grandmother, matrona familias – for her tremendous role in shaping the character, beliefs and firm life position of the author. This article is dedicated to you.

For citation: Novikov, A. S. (2025) Vzaimootnosheniya «vzroslykh detej» s roditel’nyami i praroditel’nyami kak aspekt semejnoi povsednevnosti naseleniya Severo-Zapada Rusi (po materialam berestyanykh gramot XII–XIV vv.) [The Relations of “Grown-up” Children with Their Parents and Grandparents as an Aspect of North Western Rus’ Population Familial Everyday Life (as Revealed in the 12th–14th Centuries Birch Bark Letters)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 10–30. (In Russ.). DOI: 10.3523/1/25422375_2025_1_10. EDN: ZBSVDE

References

1. Ariès, Ph. (1999) *Rebenok i semejnaya zhizn' pri Starom poryadke* [The child and the family life under the old order]. Ekaterinburg: Ural University Publishment. (In Russ.)
2. Fossier, R. (2020) *Lyudi srednevekov'ya* [People of the Middle Ages]. Saint-Petersburg: Eurasia. (In Russ.)
3. Bessmertny, Ju. L. (1991) *Zhizn' i smert' v srednie veka. Ocherki demograficheskoy istorii Francii* [Life and death in the Middle Ages. Essays on the demographic history of France]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Kon, I. S. (1988) *Rebenok i obshchestvo* [The child and society]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Yanin, V. L. (1981) *Novgorodskaya feodal'naya votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)* [Novgorod feudal ancestral land (Historical and genealogical research)]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Pushkareva, N. L. (2022) *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Drevnej Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovnica* [The private life of a woman in Ancient Rus' and Moscovia: the bride, the wife, the paramour]. Moscow: Lomonosov. (In Russ.)
7. Veremenko, V. A. (2015) *Deti v dvoryanskikh sem'yah Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Children in noble families of Russia (the 2nd half of the 19th – the beginning of the 20th century)]. Saint-Petersburg: SPbSEU. (In Russ.). EDN: UXZPAL.
8. Lukin, P. V. (2012) *Novgorodskoe veche: starye koncepcii i novye dannye* [Novgorod Veche: old concepts and new findings]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical bulletin]. No. 1. Pp. C. 98–119. (In Russ.)
9. Bogdanov, A. P. (2016) *Povsednevnyaya zhizn' Drevnej Rusi* [The daily life of Ancient Rus']. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
10. Gippius, A. A. (2023) *K istorii reformirovaniya Novgorodskoj denezhnoj sistemy v pervoy chetverti XV v.* [On the history of the Novgorod monetary system reforming in the first quarter of the 15th century]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Issues of Medieval Studies]. No. 1 (91). Pp. 38–45. (In Russ.). DOI: 10.25986/IRI.2023.91.1.006. EDN: YFLDCD.
11. Birch bark letter No. 354.
12. Birch bark letter No. 358.
13. Birch bark letter No. 384.
14. Birch bark letter No. 395.
15. Birch bark letter No. 404.
16. Birch bark letter No. 421.
17. Birch bark letter No. 424.
18. Birch bark letter No. 528.
19. Birch bark letter No. 578.
20. Birch bark letter No. 831.
21. Birch bark letter No. 952.
22. Birch bark letter No. 1053.
23. Birch bark letter No. 1087.
24. Birch bark letter No. 1102.
25. Birch bark letter No. Smolensk. 9/8.
26. Birch bark letter No. Torzhok 10.
27. Birch bark letter No. 893.
28. Yanin, V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. (2004) *Novgorodskie gramoty na bereste* [Novgorod letters on birch bark]. Moscow: Russian dictionaries. (In Russ.)
29. Zaliznyak A. A. (2004) *Drevnenovgorodskij dialect* [The Ancient Novgorod dialect]. Moscow: YSC. (In Russ.)
30. Alpatov S. V. (2004) *Berestyanye gramoty v kontekste fol'klornoj i literaturnoj tradicii* [Birch bark letters in the context of folklore and literary tradition]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki* [Ancient Rus': Issues of Medieval Studies]. No. 4 (18). Pp. 123–128. (In Russ.)
31. Tikhomirov, M. N. (ed.) (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod first Chronicle of the elder and younger editions]. Moscow, Leningrad: AoS USSR. (In Russ.)
32. Tikhomirov, M. N. (1956) *Rostovshchичество i torgovyy kredit* [Usury and trade credit]. *Drevnerusskie goroda* [Ancient Russian cities]. Moscow: SPP. Pp. 104–110. (In Russ.)

33. Gruzkov, I. V., Rabadanova, H. A., Khalidova, S. Sh. (2014) *Zhenshchina v tradicionnom obshchestve: tradicii, obychai, faktory rosta vliyaniya* [The woman in a traditional society: traditions, customs, factors of influence growth]. *Kant* [Kant]. No. 2 (11). Pp. 101–103. (In Russ.)

34. Platonov, S. F. (1923) *Proshloe russkogo Severa: ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya* [The Past of the Russian North: essays on the history of colonization of Pomorye]. Petrograd: Vremya. (In Russ.)

35. Bassalygo, L. A. (2020) *O sootnoshenii grivny serebra i grivny kun v Velikom Novgorode v XII–XV vv.* [On the ratio of the hryvnia of silver and the hryvnia of kuna in Novgorod in the 12th – 15th century]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod Historical Anthology]. Pp. 218–233. (In Russ.)

36. Yashina, M. I. (2023) *Finansovaya deyatel'nost' zhenshchin privilegirovannykh social'nykh grupp v Novgorode v XI–XV vv. (po materialam berestyanykh gramot)* [Privileged women's financial activity in the 11th–15th cent. Novgorod (on birch bark letters)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Saint-Petersburg: LSU n. a. A. S. Pushkin. Pp. 291–295. (In Russ.). EDN: BWEUHA.

37. Tikhomirov, M. N. (1888) *Zagrobnaya zhizn', ili Poslednyaya uchast' cheloveka* [The Afterlife, or the Last fate of human]. Saint-Petersburg: T. F. Kuzin. (In Russ.)

38. Propp, V. Ya. (2024) *Fol'klor i dejstvitel'nost'. Russkie agrarnye prazdniki* [Folklore and reality. Russian agricultural holidays]. Moscow: MIF. (In Russ.)

39. Ivanov, V. V. (1990) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Prosveschenie. (In Russ.)

40. Gernet, M. N. (1905) *Social'nye faktory prestupnosti* [The social factors of crime]. Moscow: University Publishment. (In Russ.)

Об авторе

Новиков Александр Сергеевич, аспирант кафедры истории России, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kafmfistori@lengu.ru; ORCID ID: 0009-0003-8999-4696

About the author

Alexander S. Novikov, Postgraduate Student of the Russian History department, Senior Lecturer of the History department, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kafmfistori@lengu.ru; ORCID ID: 0009-0003-8999-4696

Статья поступила в редакцию 03.12.2024

Одобрена после рецензирования 27.01.2025

Принята к публикации 03.02.2025

К проблеме изучения родственных отношений историка казачества И. Д. Попко.

Письмо Матроны Анфимовны Ревнивых дяде

И. В. Дубинин

В статье исследуются некоторые аспекты взаимоотношений историка, просветителя и генерала казачьих войск Ивана Диомидовича Попко с отдельными родственниками. О некоторых из них известно достаточно много, чтобы судить о том, что они из себя представляли и значили в жизни историка. Были родственники, сведения о которых встречаются всего несколько раз в письмах и воспоминаниях. Но были еще и те, о которых до сегодняшнего дня ничего не было известно. О них нет сведений ни в личных, ни в официальных документах. О их существовании удастся узнать лишь по одному-двум редким письмам. В Государственном архиве Ставропольского края было найдено и атрибутировано единственное письмо Матроны Анфимовны Ревнивых, дочери брата историка, дяде, отправленное 13 апреля 1886 г. из Тюмени, позволившее вернуть из небытия близкого И. Д. Попко человека и сделать некоторые выводы о взаимоотношениях в его семье.

Ключевые слова: родственные связи, И. Д. Попко, М. А. Ревнивых, Тюмень, племянница, Кавказ, Екатеринбург, Ставрополь.

Для цитирования: Дубинин И. В. К проблеме изучения родственных отношений И. Д. Попко: Письмо Матроны Анфимовны Ревнивых дяде // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 31–42. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_31. EDN: SPFTYL

Введение

Историк, этнограф, просветитель, библиофил и генерал казачьих войск Иван Диомидович Попко был достаточно общительным человеком, о чем свидетельствуют его личные письма.

Исследованию эпистолярного наследия И. Д. Попко посвящены работы А. С. Васильевой и В. В. Стрельцова [1], А. В. Ашихминой [2], К. Р. Амбарцумян [3], А. И. Слуцкого [4], И. Г. Иванцова [5; 6] и И. В. Дубинина [7; 8] и др. Анализируя различные аспекты жизни и деятельности И. Д. Попко, Анна Сергеевна Васильева и Вадим Вадимович Стрельцов обратились к эпистолярному наследию историка. Аркадий Иосифович Слуцкий, изучив письма директора училищ Черноморского казачьего войска и Екатеринодарской гимназии Николая Степановича Рындовского, направленные историку, на их основе предпринял попытку проанализировать взаимоотношения двух просветителей. Каринэ Размиковна Амбарцумян исследовала родственные взаимоотношения в семье И. Д. Попко, анализируя письма племянника Ивана Диомидовича, сына его родной сестры Анны. Антонина Викторовна Ашихмина обнаружила и опубликовала отсутствующее в Государственном архиве Ставропольского края письмо историка начальнице Кавказского женского епархиального училища Любови Михайловне Валицкой. Игорь Григорьевич Иванцов и Игорь Владимирович Дубинин в совместных работах рассматривали различные аспекты жизни историка.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы попытаться раскрыть некоторые черты характера Ивана Диомидовича во взаимоотношениях с близкими людьми.

В процессе работы были использованы документы из Государственного архива Ставропольского края, в частности письма к близкому другу Василию Федоровичу Золотаренко, с которым он был настолько близок, что в некоторых хартиях называл его братом и доверял самые сокровенные и интимные сведения; единичные письма родственников – Акелины Ракович и Александры Шепиленко. Особое внимание было уделено письму Матроны Анфимовны Ревнивых, дочери родного брата Ивана Диомидовича. Последние три письма вводятся в научный оборот впервые и могут представлять интерес для исследователей жизни историка.

Результаты

В биографии И. Д. Попко было все: серьезная административная работа, частые командировки по земле Черноморского казачьего войска, первые писательские (журналистские) опыты, веселые пирушки с друзьями, флирт с противоположным полом, иногда с поправлением 7-й заповеди ...

Но вот создать своей семье ему не удалось, хотя в конце 40-х гг. XIX в. среди жителей Екатеринодара ходили упорные и небезосновательные слухи о сватовстве Ивана Диомидовича к дочери «Вакха», предположительно купца Д. И. Смирнова. Нужно заметить, что в юности друзья многим уважаемым им людям давали прозвища. К примеру, Патриарх – отец И. Д. Попко, Экзарх – отец В. Ф. Золотаренко и т. д. [9, л. 23, 23 об.]. Из-за этого «мнимого сватовства», как утверждал сам молодой письмоводитель, его знакомство с войсковым старшиной, штатным попечителем Екатеринодарского войскового окружного училища Андреем Андреевичем Кучеровым почти прекратилось, потому что тот хотел выдать за И. Д. Попко свою дочь Лизу.

По поводу мнимости сватовства будущий историк в одном из писем другу замечал: «...дело по части Гименея вот в каком теперь положении: почтенные особы – в числе их и патриарх, улаживающий дельце. Это дошло до окончательных благоприятных результатов. Вакх рад от души этой партии» [9, л. 12].

Анализируя послания И. Д. Попко к В. Ф. Золотаренко, можно сделать выводы о том, что в молодости будущий историк делал несколько попыток устроить свою личную жизнь, но все они заканчивались неудачами. Почему так происходило? Судя по всему, на то было несколько причин.

С одной стороны, он не хотел связывать себя супружескими узами, по каким-то личным причинам. В одном из посланий он писал, что проник в чертоги Вакха, – пришел, увидел и не победил, но разочаровался в идеях супружества: «яко и сие есть суета и произволение духа» [9, л. 18а об.]. Добавляя, что это посещение дало ему возможность лучше оценить радости одиночества.

В другом письме, обращаясь к другу, он писал ему, что тот имеет способность к супружеской и семейной жизни, что он может позаботиться о себе, «сберечь копейку, приладить к обстоятельствам все помыслы и замыслы, и все поступки и делишки... Вы можете жить так, как бы шить по канве. Словом, Вы имеете

благоразумие» и добавляет, что «этого дара небес я не обретаю в себе, а стяжать его нельзя – на том основании, что человек каков в колыбельку, таков и в могилку» [9, л. 78].

Иван Диомидович был слишком требователен к себе и, сомневаясь в своих финансовых возможностях, сетовал в письме другу: «Сверх того, я ведь толкаюсь в стаде, запертом в хлеве, куда бросают так мало корму, что и одному, а не то, чтобы еще с самкой и приплодом, случается испытывать голод. Вот это стадо мычит, а выйти на поиск подножного корма не пускают...» [9, л. 78].

Но, пожалуй, главной причиной было то, что И. Д. Попко не собиравшись связывать свою жизнь с войсковой столицей, да и службу в Черноморском казачьем войске он считал тюрьмой [9, л. 61, 61 об.]. Одним из его желаний на тот момент было покинуть Екатеринодар, который он не любил, и найти другое место службы на Кавказе.

Конечно, его взгляды со временем менялись, юношеский максимализм постепенно сменился более критическим и рациональным взглядом на жизнь.

В 1864 г. Иван Диомидович был назначен командиром Псекупского полка со штабом во вновь образованной станице Ключевой. Осенью 1865 г. он построил дом и снова задумался о женитьбе. В письме друзьям в Санкт-Петербурге он просит их найти ему: «в благополучное супружество чреватую ученостью немку»: «относительно супруги германского происхождения прошу безотлагательно учинить распоряжение и меня о последующем уведомить» [9, л. 195].

Еще одной причиной сделать последнюю попытку устроить свою личную жизнь стало недовольство отца – Диомида Несторовича Попки: «мой бобыльский быт ему не доставил утешения... Напомнил он мне о женитьбе – хоть бы и в таком роде, как я думаю, т. е. из разряда петербургских гувернанток» [9, л. 198 об., 199].

В это время ему было 45 лет. Он – уже автор нескольких статей и книги по истории черноморского казачества – имеет на Кавказе репутацию одного из самых образованных людей. Почему последняя попытка устроить личную жизнь не удалась, неизвестно. Но после того, как в 1871 г. полк был расформирован, Иван Диомидович занялся осуществлением своей главной мечты – написания истории кавказского казачества.

Он не познал чувства отцовства в привычном для большинства людей смысле, но все-таки было несколько человек, которые называли его отцом.

В 1875 г. Иван Диомидович удочерил девочку, брошенную родителями, которая после всех официальных юридических процедур стала Ниной Ивановной Попко. Именно она после смерти приемного отца наследовала все его движимое и недвижимое имущество.

Короткий период: с 1 ноября 1877 г. по 8 июня 1878 г., И. Д. Попко в чине генерал-майора был начальником Карской области. В силу своего характера и душевных качеств он быстро завоевал репутацию благородного и честного человека. Возможно, именно поэтому в конце 1877 г. он взял под опеку двух турецких мальчиков-сирот – Мугеддина Вали-Оглы и Али Эфенди Абдул-Рахим-Оглы. Первому было не более 10 лет, и по настоянию И. Д. Попко он поступил в Александропольское начальное училище. Вероятно, он остался в Александрополе, потому что о нем больше ничего неизвестно.

Второй какое-то время учился в том же училище, что и Мугеддин, а после отъезда Ивана Диомидовича из Карса в Ставрополь последовал за ним, где продолжил учебу в Ставропольской духовной семинарии. Закончив ее, служил в управлении магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии, переводчиком. Последнее место работы, которое удалось восстановить по его письмам, находилось в Кумской станции в Караногайской степи, близ р. Кума, в 125 верстах от ставки пристава Караногайского народа, в с. Терекли-Мектеб [9, л. 53, 53 об.].

У И. Д. Попко были брат Анфим и сестра Анна, у которых были дети. У брата – Антон, Григорий и Матрона, у сестры – Петр и Антонина.

В Государственном архиве Ставропольского края сохранились письма, написанные племянниками историка. В основном эти послания писались во время их учебы в Ставрополе. Племянники рассказывали дяде о том, как учатся, жаловались на свои проблемы и просили денег на дальнейшее существование и обучение.

Нужно заметить, что из всех родственников сделал карьеру и достиг относительного материального благополучия только

Иван Диомидович, поэтому ему долгое время приходилось финансово помогать своей менее обеспеченной родне, в том числе и племянникам.

К сыновьям Анфима, рано ушедшего из жизни, историк относился по-отечески, всячески опекал и следил за их судьбой. До поступления в Ставропольскую духовную семинарию они жили в доме деда, а в Ставрополе за их жизнью и обучением наблюдал дядя, в том числе финансово обеспечивая племянников. Антон, окончив семинарию, стал священником в ст. Тимашевской. Григорий при поддержке дяди отправился учиться в Петровско-Разумовскую академию в Москве, затем некоторое время обучался в Новороссийском университете на юридическом факультете. Но, как и многие студенты XIX в. увлекся революционными идеями, занимался пропагандой, в 1878 г. вступил в революционную организацию «Земля и Воля» и в этом же году по приговору суда был осужден на пожизненную каторгу за убийство в Киеве жандармского ротмистра Густава Эдуардовича фон Гейкинга. 8 февраля 1880 г. он вместе с друзьями бежал из Иркутской тюрьмы. Через месяц был пойман и отправлен на Карийскую каторгу, где и умер от туберкулеза 20 марта 1885 г.

В Государственном архиве Ставропольского края в фонде 377 среди личных писем историка удалось найти несколько писем от родных, о которых до сего дня не было ничего известно. Это единичные письма, объемом 2–3 листа, из которых невозможно узнать о подробностях их жизни, но они позволяют расширить наши знания не только о круге общения историка, но и о его характере и душевных качествах, о том, как к нему относились люди и насколько он был уважаем среди своего окружения.

Среди таких документов можно назвать письмо Акелины Ракович из Темрюка, которая жалуется И. Д. Попко на свою горестную жизнь и просит пристроить детей – трех дочерей и пятерых сыновей, потому что «никакой надежды своекоштно воспитывать несчастных детей из коих только старшему сыну 13 лет» [10, л. 93 об.], при больном муже она не имеет никакой возможности. Заканчивается письмо пожеланием: «от Бога всех благ пребываю к Вам от племени Попко, дочь священника Алексея Ивановича Попко» [10, л. 94].

Другое любопытное письмо написано еще одной племянницей историка Александрой Шепиленко из ст. Старолеуш-

ковской, в нем она благодарит дядю за присланный отрез для платья. Это письмо представляет интерес еще и тем, что дописывал его другой родственник Ивана Диомидовича, священник той же станицы Григорий, фамилию разобрать не удалось. Он интересовался у дяди, как и где можно приобрести очередной исторический труд И. Д. Попко: «Давно я имею, дядя, желание приобрести книгу, изданную Вами под заглавием "Терские казаки по стародавним преданиям", но никак не могу узнать откуда ее можно выписать, если для Вас, дядя, не будет обременительно, то потрудитесь пожалуйста уведомить куда адресоваться за этой книгой и какая ей цена» [10, л. 46 об., 47].

Если судьба сыновей младшего брата историка относительно хорошо известна, то об их сестре Матроне упоминаний нигде не встречается. Даже в письмах дяди не удалось найти ни одного упоминания о ней.

Вероятно, это произошло потому, что она рано покинула отчий дом, выйдя замуж в 1861 г. и с супругом переехала на другой конец страны, в г. Тобольск. В XIX в. поездка из Екатеринодара в Ставрополь была целым событием, а путешествие на другой конец империи могло быть главным эпизодом в жизни простого человека. Без постоянного сообщения и дорог путь на противоположную окраину государства у жителя Юга России занимал долгое время. При таком переезде зачастую связи между родственниками терялись безвозвратно. Происходило это по многим причинам, тут и плохая работа почты, корреспонденция оттуда могла идти годами, и переезд одного из родственников или его смерть и т. д.

Тем интереснее стала находка в Государственном архиве Ставропольского края ее письма, написанного 13 апреля 1886 г. из Тюмени и раскрывающего некоторые неизвестные детали ее судьбы, после того как она покинула родину.

В первых строках она поздравляла дядю с праздником «святого Христова Воскресения» и продолжала: «Много лет прошло с тех пор, как я уже не видела Вас и даже не знала до сих пор, где Вы находитесь, хотя несколько раз являлось у меня желание написать и подать Вам о себе весточку» [10, л. 59] и добавила: «Не знаю, насколько это верно, однако ж все-таки я решилась писать, в надежде, авось это письмо и дойдет к Вам» [10, л. 59 об.].

«Вышла (вероятно знаете в 61 году за ревизора в откупях, Матвея Петровича Ревнивых)» [10, л. 59 об.]. Судя по всему, в это же время она вместе с мужем покинула Кубань, т. е. с момента отъезда до написания письма прошло 25 лет. Восстановление отношений через такой огромный промежуток времени стало для нее важным событием. В основном в таких случаях их возобновление происходило случайно или в процессе поисков. В этом случае произошла счастливая случайность: «выезжая из Тобольска в Тюмень, сын мой Владимир, случайно встретившись с приезжим из Ставрополя, узнал, что Вы находитесь там» ... «не знаю, насколько это верно, однако ж все-таки я решилась писать, в надежде, авось это письмо и дойдет к Вам» [10, л. 59].

Она сетовала, что «у меня теперь никого почти нет из близких родных с моей стороны кроме Вас. Брат Антон со времени моего выезда с родины, не отвечал мне ни на одно письмо, а Григорий, Вы знаете, погиб несчастный, так что я решительно ничего не знаю о нем с тех пор, как его осудили» [10, л. 61, 61 об.].

Почему общительный и ценящий родственные связи Иван Диомидович не делал попыток связаться с племянницей, и почему младший брат не отвечал ни на одно письмо сестры, неизвестно. Возможно, это связано с отъездом Матроны и непростыми отношениями в семье после этого.

Из текста письма можно сделать вывод, что через какое-то время семья сменила место жительства, перебравшись из Тобольска в Тюмень. Вероятно, это произошло в первой половине 80-х гг. XIX в.

В коротком письме невозможно подробно рассказать о своей долгой жизни на другом конце империи, поэтому Матрона, начиная свое повествование, отметила: «рассказывать Вам последовательно о моей жизни с тех пор, как я вышла замуж интереса для Вас не составит» [10, л. 59 об.].

Она описывала свою жизнь вдали от родины: «живу до сих пор благодарение Богу, как и все живут добрые люди, хотя и не богато, но и не нуждаясь, тихо и мирно» [10, л. 59 об.].

Жаловалась дяде, что «муж мой после окончания откупов, занялся было своим делом, открыл в Тюмени свой склад по виноторговле, но не удачно: на поставке спирта его сильно наказал томский винокуренный заводчик жид Ициксон по иску с которого только в 81-м году был продан в нашу пользу его

завод, да и то по продаже на нашу долю пришлось получить всего около 1 600 руб. вместо присужденных с него с процентами до 6 000 руб. и вот с тех пор, как муж волей неволей ликвидировал свое дело, опять служил и до сих пор служит по частным делам» [10, л. 59 об., 60].

В 1863 г., после того, как в Российской империи было разрешено частное винокурение, одним из первых предпринимателей в этой отрасли стал Михаил Григорьевич Ицыксон, который в этом же году выкупил у казны Краснореченский винокуренный завод, названный вскоре в честь жены Александра II и в реестре одноименных заводов получивший название – Елизаветинский винокуренный завод № 11.

Сначала дела шли хорошо, продукция завода пользовалась популярностью. Владелец для продвижения товара в качестве маркетингового приема даже использовал имя старца Федора Кузьмича, который в числе других каторжан работал здесь в 1840-х гг. Слухи о том, что на Елизаветинском заводе работал бывший император Александр I, помогали отлично продвигать продукцию.

Но в 1871 г. предприятие разорилось, имущество вместе с заводом было описано Мариинским окружным судом и затем продано.

Невольной жертвой разорившегося купца стал муж Матроны – Матвей Петрович Ревнивых.

Рассказывая о своей семье, Матрона писала: «детей у меня четверо: два сына и две дочери. Старший сын Владимир 23 лет окончил курс в Сибирской военной гимназии и теперь состоит по службе по акцизному ведомству и занимает должность бухгалтера в Тюмени (до января был на этой же должности в Тобольске), младший Николай 18 лет тоже воспитывался в военной гимназии, но не окончил курса и теперь частно служит на заводе купца Сиромятникова в качестве кассира; дочь Вера 11 лет училась в Тобольской Мариинской школе, но теперь с нами выехала сюда и мы помещаем ее в здешнюю прогимназию или может быть отправим в омскую гимназию; и младшая дочь Маня 6 лет тоже понемножку, кой чем занимается» [10, л. 60, 60 об.].

Выражая надежду, что вновь налаживаемая связь с родными теперь не прекратится, Матрона Анфимовна Ревнивых писала Ивану Диомидовичу Попко: «Вот и все мой дорогой Дядюшка, что могу сказать Вам о себе, моей семье и житье-бытье моем. На первый раз я думаю и этого довольно» [10, л. 60 об., 61].

В конце письма она просила И. Д. Попко: «если вопреки моих сомнений это письмо дойдет до Вас, и Вы обрадуете меня в свою очередь весточкой о себе, я не замедлю прислать Вам и фотографию с моей семьей, как от души желала бы иметь я и Вашу карточку, о присылке которой и прошу Вас убедительно» [10, л. 60 об., 61].

Как сложилась дальнейшая судьба Матроны Анфимовны, не установлено, но на данный момент в Тюмени и Тобольске живут несколько десятков людей с фамилией Ревнивых.

Обсуждения и выводы

Иван Диомидович очень ценил родственные и дружеские связи. И отправителю, и получателю письма позволяли ощутить родственную поддержку в нелегких жизненных ситуациях и почувствовать себя частью чего-то большого. В некоторых случаях корреспонденты делились с историком воспоминаниями, предоставляли факты и давали свои оценки происходивших событий, все это он использовал в своих научных изысканиях.

После того, как он окончательно осел в Ставрополе, его поездки в Екатеринодар стали редкими. Поэтому единственной связью с родиной для него оставались письма, после прочтения которых перед нами предстает умный, искренний и благородный человек, в чем-то даже сентиментальный. Послания позволяют наполнить биографию Ивана Диомидовича деталями, фактами и событиями, которых нет в официальных документах, что в свою очередь делает жизнеописание И. Д. Попко более полным и позволяет взглянуть на некоторые аспекты его жизни по-другому.

Список литературы

1. Васильева А. С., Стрельцов В. В. Библиотека и личные письма И. Д. Попко как источники книжной и повседневной истории Кубани середины XIX века // Культура и время перемен. – 2020. – № 3. EDN: QNVHRZ
2. Ашихмина А. В. Из эпистолярного наследия И. Д. Попко. Письмо предводителя дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей, генерал-майора Ивана Диомидовича Попки к начальнице Кавказского женского епархиального училища // Книжное дело на Северном Кавказе. История и современность: сб. статей. – Краснодар: КГУКИ, 2007. – С. 186–188.
3. Амбарцумян К. Р. Взаимоотношения поколений в семье генерала И. Д. Попко (на материале переписки с племянником П. Кучеровским) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 117. – С. 32–37. EDN: KVATOP

4. Слуцкий А. И. Два письма Н. С. Рындовского И. Д. Попке // *Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: материалы науч.-практ. конф.* – Краснодар: б. и., 2002. – С. 241–248.

5. Дубинин И. В., Иванцов И. Г. «Я возвращаюсь в свое псекупское владение». Жизнь и деятельность И. Д. Попко на посту командира Псекупского полка (1864–1871 гг.) // *Гуманитарные и юридические исследования.* – 2022. – Т. 9. № 1. – С. 31–38. EDN: SBQILP

6. Дубинин И. В. «Да нам и стыдно было бы не поддержать сведения о старине». Письмо Алексея Корсунова в архиве И. Д. Попко // *История повседневности.* – 2024. – № 2. – С. 230–241. EDN: ZEROJT

7. Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «Любезный сын мой Иоанн». Из писем Диомида Нестеровича Попко Ивану Диомидовичу Попко (1857–1870 гг.) // *Гуманитарные и юридические исследования.* – 2023. – Т. 10. – № 1. – С. 50–56. EDN: YJGVDE

8. Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «Служба моя крайне хлопотна». И. Д. Попко – начальник Карского округа. 1855–1856 гг. // *Filo Ariadne.* – 2021. – № 4. – С. 45–60. EDN: JJCUII

9. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.

10. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 39.

To the Problem of Studying Kinship Relations of the Cossacks Historian I. D. Popko. A letter from Matrona Anfimovna Revnivnykh to Her Uncle

Igor V. Dubinin

The article examines some aspects of the relationship between historian, educator and General of the Cossack troops Ivan Diomidovich Popko and individual relatives. A lot is known about some of them to judge what they represented and meant in the life of a historian. There were those whose information is found only a few times in letters and memoirs. But there were also those about whom nothing was known until today. There is no information about them in either personal or official documents. It is possible to find out about their existence only by one or two rare letters. The only letter from Matrona Anfimovna Revnivnykh, daughter of historian's brother, to her uncle, sent on April 13, 1886 from Tyumen, was found and attributed in the State Archive of the Stavropol Territory. It allowed us to bring back from oblivion a person close to I. D. Popko and draw some conclusions about the relationships in his family.

Key words: family ties, I. D. Popko, M. A. Revnivnykh, Tyumen, niece, Caucasus, Yekaterinodar, Stavropol.

For citation: Dubinin, I. V. (2025) K problem izucheniya rodstvennykh otnosheniy I. D. Popko: Pis'mo Matrony Anfimovny Revnivnykh dyade [To the Problem of Studying Kinship Relations of the Cossacks Historian I. D. Popko. A letter from Matrona Anfimovna Revnivnykh to Her Uncle]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 31–42. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_31. EDN: SPFTYL

References

1. Vasil'eva, A. S., Strel'cov, V. V. (2020) *Biblioteka i lichnye pis'ma I. D. Popko kak istochniki knizhnoj i povsednevnoj istorii Kubani sereдины XIX veka* [The library and personal letters of I. D. Popko as sources of book and everyday history of Kuban in the mid-19th century]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and the Time of Change]. No. 3. (In Russ.). EDN: QNVHRZ

2. Ashihmina, A. V. (2007) *Iz epistolyarnogo naslediya I. D. Popko. Pis'mo predvoditelya dvoryanstva Stavropol'skoj gubernii, Kubanskoj i Terskoj oblastej, general-majora Ivana Diomidovicha Popki k na-*

chal'nice Kavkazskogo zhenskogo eparhial'nogo uchilishcha [From the epistolary heritage of I. D. Popko. Letter from the leader of the nobility of the Stavropol province, Kuban and Terek regions, Major General Ivan Diomidovich Popko to the headmistress of the Caucasian women's diocesan school]. *Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze. Istoriya i sovremennost'. Sb. statej* [Book publishing in the North Caucasus. History and modern times. Collection of articles]. Krasnodar: KSUKI. Pp. 186–188. (In Russ.)

3. Ambartsumyan, K. R. (2009) *Vzaimootnosheniya pokolenij v sem'e generala I. D. Popko (na material' perepiski s plemennikom P. Kuchеровским)* [The relationship of generations in the family of General I. D. Popko (based on correspondence with his nephew P. Kuchеровskiy)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. No. 117. Pp. 32–37. (In Russ.). EDN: KVATOP

4. Slutsky, A. I. (2002) *Dva pis'ma N. S. Ryndovskogo I. D. Popko* [Two letters of N. S. Ryndovskiy to I. D. Popko]. *Dvoryane Severnogo Kavkaza v istoriko-kul'turnom i ekonomicheskom razvitanii regiona: materialy nauch.-prakt. konf.* [The nobles of the North Caucasus in the historical, cultural and economic development of the region: materials of scientific and practical conference]. Krasnodar. Pp. 241–248. (In Russ.)

5. Dubinin, I. V., Ivantsov, I. G. (2022) *"Ya vozvrashchayus' v svoe psekupskoe vladenie". Zhizn' ideyatel'nost' I. D. Popko na postu komandira Psekupskogo polka (1864–1871 gg.)* ["I am returning to my Psekup possession". The life and work of I. D. Popko as commander of the Psekupskiy regiment (1864–1871)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. Vol. 9. No. 1. Pp. 31–38. (In Russ.). EDN: SBQILP

6. Dubinin, I. V. (2024) *"Da nam i stydno bylo by ne podderzhat' svedeniya o starine". Pis'mo Aleksey Korsunova v arhive I. D. Popko* ["We would be ashamed not to support information about antiquity". Letter from Alexey Korsunov in the archive of I. D. Popko]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 230–241. (In Russ.). EDN: ZEROJT

7. Ivantsov, I. G., Dubinin, I. V. (2023) *"Lyubeznyj syn moj Ioann". Iz pisem Diomida Nesterovicha Popko Ivanu Diomidovichu Popko (1857–1870 gg.)* ["My dear son Ioann". From the letters of Diomid Nesterovich Popko to Ivan Diomidovich Popko (1857–1870)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies]. Vol. 10. No. 1. Pp. 50–56. (In Russ.). EDN: YJGVDE

8. Ivancov, I. G., Dubinin, I. V. (2021) *"Sluzhba moya krajne hlopotna". I. D. Popko – nachal'nik Karskogo okruga. 1855–1856 gg.* ["My service is extremely troublesome". I. D. Popko – head of the Karsky District. 1855–1856.]. *Filo Ariadne*. No. 4. Pp. 45–60. (In Russ.). EDN: JJCUIT

9. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropolskogo kraja* [The State Archive of the Stavropol Territory] (hereinafter – GASK). F. 377. Op. 1. D. 7.

10. GASK. F. 377. Op. 1. D. 39.

Об авторе

Дубинин Игорь Владимирович, соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет; заведующий библиотекой, Динской механико-технологический техникум, ст. Динская, Краснодарский край, Российская Федерация; e-mail: titlo@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-5217-985X

About the author

Dubinin Igor V., Candidate of the North Caucasus Federal University, Head of the Library of the Dinskoy Mechanical and Technological College, st. Dinskaya, Krasnodar region, Russian Federation; e-mail: titlo@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0006-5217-985X

Статья поступила в редакцию 15.09.2024

Одобрена после рецензирования 23.01.2024

Принята к публикации 31.01.2025

Профессиональное и семейное в повседневности русской художницы второй половины XIX – начала XX в.

К. С. Коваль, Н. А. Пушкарёва

В статье проанализирована повседневная жизнь художниц, получивших признание в России во второй половине XIX – начале XX в. Цель исследования – реконструировать сложное сочетание профессиональной деятельности женщин в области искусства с семейными обязанностями и социокультурными ожиданиями того времени, выявить ключевые аспекты, которые влияли на жизнь и работу этих деятельниц искусства (доступность профессионального образования, возможность участия в художественной жизни страны, взаимоотношения с коллегами, внутрисемейные и родственные связи). Основываясь на анализе опубликованных воспоминаний и архивных материалов Государственной Третьяковской галереи и Российского Государственного архива литературы и искусства (некоторые из которых впервые введены в научный оборот), делается вывод о том, что на возможность совмещения профессионального и семейного сильное влияние оказывали возраст художниц, позднее рождение первого ребенка и в целом ограниченное количество детей, отложенное замужество до достижения успеха в искусстве, либо наличие родственной поддержки в семьях.

Ключевые слова: повседневность русской художницы, русские художницы, быт художниц, женщина-художница, женская повседневность, русское искусство, женская история.

Благодарности: исследование поддержано грантом РНФ № 24-18-00212.

Для цитирования: Коваль К. С., Пушкарёва Н. А. Профессиональное и семейное в повседневности русской художницы второй половины XIX – начала XX в. // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 43–61. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_43. EDN: YTRPWA

Введение

С начала 2000-х гг. *искусство женского рода*¹ стало модной темой у российских и зарубежных искусствоведов [1]. В 2020–2021 гг. Государственная Третьяковская галерея организовала специальную выставку «Мария Якунчикова-Вебер», посвященную творчеству одной из первых русских профессиональных художниц². В 2023 г. на выставке в ГМИИ им. А. С. Пушкина «После импрессионизма. Русская живопись в диалоге с новым западным искусством» были представлены работы этой же художницы в редкой технике выжигания³. Не меньше внимания уделено и Елизавете Бём: в Художественном музее им. Ф. А. Коваленко в Краснодаре в 2022 г. посетители увидели «Волшебную кисть Елизаветы Бём», в 2023 г. выставка «Многообразие творчества Елизаветы Бём» прошла в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве⁴. Современные историки искусства готовы жарко спорить с А. И. Сомовым, бывшим старшим хранителем Государственного Эрмитажа, считавшим, что женщины уступают мужскому таланту и не способны «прокладывать, подобно им (великим художникам), новые пути в искусстве» [2, с. 521].

Признавая и подчеркивая тернистость женского пути в истории искусства, мы ставим задачей попытку истолкования социального поведения первых русских художниц, исходя из норм и ценностей российской культуры обыденности того времени, т. е. с позиции антропологии российской повседневности.

Нам хотелось бы проникнуть в особенности женских миров, женских смыслов, реконструировать хотя бы частично систему ценностей творческих женских личностей второй половины XIX – начала XX в., исходя из «контекста социальной действительности в её исчерпывающей полноте», с помощью «материала, из которого история лепит биографии» [3, с. 25].

Природа женского художественного творчества и совмещение его с домашним бытом, применительно к русской истории

¹ Титаренко Е. Третьяковская галерея показывает «Искусство женского рода» // РИА новости. 22.01.2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20020122/56593.html> (дата обращения: 14.09.2023).

² Мария Якунчикова-Вебер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tretyakovgallery.ru/exhibitions/o/mariya-yakunchikova-veber-1/> (дата обращения: 14.09.2023).

³ После импрессионизма. Русская живопись в диалоге с новым западным искусством [Электронный ресурс]. URL: https://pushkinmuseum.art/events/archive/2023/exhibitions/after_impressionism/index.php (дата обращения: 15.09.2023).

⁴ Многообразие творчества Елизаветы Бём. К 180-летию со дня рождения художника. Из частного собрания Сергея Ляха [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pushkinmuseum.ru/?q=exhibition/vystavka-mnogooobrazie-tvorchestva-elizavety-bem-k-180-letiyu-so-dnya-rozhdeniya> (дата обращения: 22.09.2023).

искусства рубежа XIX–XX вв. практически не освещена ни российскими, ни зарубежными исследователями. В изучении проблемы карьеры женщин-художниц рассматриваемого периода мы опирались на исследования историков и искусствоведов от начала 1900-х гг. до современности и на труды авторов биографий художниц и художников. Собственно, начало изучению вклада русских женщин в изобразительное искусство было положено статьей Е. Ф. Юнге в 1900 г. Ею она хотела подчеркнуть «особое место и особую роль интеллигентной русской женщины XIX–XX вв. в истории искусства», поскольку «почти все женщины... занимались рукоделиями, вышивали тонкими шелками целые картины», «были первыми учительницами рисования наших знаменитых художников» [4, л. 30]. О нужности специального изучения женского вклада в историю русского искусства размышляла спустя почти век и М. Н. Яблонская: «Сегодня, определяя творческие достижения женщин-художниц, принято оценивать их, возвышая до «мужских» критериев («мужской характер дарования», «мужская сила выразительности», «мужское искусство»), хотя «особая предрасположенность женщин к образному анализу действительности обладает своей яркой спецификой, нисколько не менее ценной, чем «мужская» [5, с. 21]. В недавнем исследовании О. Авраменко и Г. Леонова впервые попытались собрать фактический материал, характеризующий именно быт русских художниц [6], их социальное происхождение, семейное положение, однако они не ставили перед собой задачи генерализировать собранные данные по антропологии повседневности, чтобы оценить остроту гендерных асимметрий, сложностей на пути женской самореализации, ставя в центр рассмотрения лишь самых известных представительниц художественной профессии и оставляя за рамками героинь второго и третьего ряда, не уделяя вообще внимания забытым женским именам в истории русской живописи.

Что касается западных ученых, то в зарубежной историографии большее внимание принято уделять не столько российским женщинам-живописцам, сколько «прикладницам». Действительно, россиянки долгое время не могли равноправно учиться в художественных вузах, зато во все века преуспевали в прикладном искусстве. Превращение «женщин-художниц из меньшинства в значительную силу было тесно связано с их деятельностью

в прикладном и декоративно-прикладном искусстве», полагает профессор Джорджтаунского университета (США) А. Хилтон, потому-то Запад и старался «возродить те области искусства и дизайна, в которых русские женщины процветали, не особо стремясь к мужскому стандарту в 'высших' сферах» [7, с. 347].

Ставя своей целью привлечь внимание именно к быту, к обстоятельствам жизни первых русских художниц, сделавших рывок от любительства к профессионализму, мы обратились к материалам Государственного Исторического музея, Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея, исследовали воспоминания и письма Е. Д. Поленовой, М. В. Якунчиковой, К. Э. Левашовой-Стюнкель, Е. М. Бём, А. П. Остромоумовой-Лебедевой др. Число русских художниц того времени невелико, но и из этой условной дюжины известных искусствоведам имен мы отобрали лишь те, чьи подробности судеб восстановимы на основе воспоминаний и материалов сохранившихся личных дел. В ходе анализа семейной жизни художниц мы сформировали для работы необходимый комплекс секвенций (выписок) преимущественно о замужних женщинах, имевших детей и сообщавших в своих письмах, дневниках и мемуарах отношение к бытовым вопросам. В качестве метода исследования была выбрана комбинация биографического метода и концепции «качества семейной жизни». Согласно ей, «семья представляет собой гендерно-сформированный социальный институт, где члены семьи выполняют как семейные (отец, мать, бабушка, дедушка, ребенок), так и гендерные роли (глава семьи, кормилец, работающая домохозяйка)» [8].

Таким образом, рабочая гипотеза исследования состоит в предположении о том, что одной из причин недооцененности русских художниц в общей истории русского искусства является их неполная отдача своей профессии в связи с необходимостью постоянно выполнять семейные роли (матери, жены, дочери, заботливой родственницы), а также оправдывать общественные ожидания («служения» мужу и семье). Ниже мы попробуем ответить на вопрос, удалось ли художницам рассматриваемого периода найти баланс между семьей и профессиональной деятельностью и определить, насколько распределение гендерных ролей зависело от взглядов супружеской пары на семейные отношения.

Результаты

Возможностью получить специальное образование в художественной сфере россиянки долгое время не обладали, хотя ни в Императорской академии художеств, ни в школе, созданной при Императорском обществе поощрения художников в С.-Петербурге (1821) не было прямого запрета принимать женщин. Вначале женщины поступали в художественные заведения в качестве вольнослушательниц, без права получения диплома, для них открывались специальные «мастерские для дам» (например, в Строгановском училище технического и прикладного искусства с 1847 г.). Одной из первых особ женского пола, которой удалось получить художественное образование в России, была С. В. Сухово-Кобылина (1825–1867), принятая в Академию по рекомендации пейзажиста, академика Е. Е. Мейера. 10 октября 1854 г. она была удостоена золотой медали и пансиона (гранта) для продолжения обучения за рубежом за счет казны [9, с. 83, 429].

В 1858 г. звания «академиков портретной живописи» были удостоены Н. Е. Макухина и Ю. Шварц-Гаген, что стало мощным стимулом для женщин к получению образования в этой сфере [4, л. 30].

К началу 1860-х гг. в обеих столицах все чаще стали звучать женские имена среди пейзажистов, портретистов, в том числе и имя *Марии Дмитриевны Ивановой-Раевской* (1840–1912) – яркой представительницы русского академизма. Получив в 1868 г. в столичной Академии художеств звание художника, она основала в 1870 г. в Харькове собственную школу и в тот же год вышла замуж за преподавателя Харьковского университета С. А. Раевского [10, с. 114]. Через два года в звании «почётного вольного общника Академии художеств» она родила сына, и все силы стала отдавать ему и своему образовательному проекту. Позднее заключение брака означало для Марии, реализовавшейся и как художница, и как организатор, ладную супружескую жизнь; по чертежам мужа был построен их семейный дом (на первом этаже его велись занятия, а на втором жили они сами). Сам С. А. Раевский преподавал в школе черчение, а Марию Академия художеств удостоила высочайшей награды «за успешное ведение преподавания, за рациональный метод и успехи учеников». Со временем (потеряв зрение) М. Д. Раевская проявила себя и общественной деятельницей, став все в том же Харькове одной из учредительниц «Общества

взаимопомощи трудящихся женщин», председательствовала на Высших женских курсах [11, с. 5–51]. Впоследствии она признавалась, что семейное счастье способствовало творчеству: «я продолжала ходить на [творческую] охоту с мужем», постоянно задаваясь вопросом, как «передать в красках все, что вижу, запечатлеть... всю эту красоту?» [11, с. 57].

Схожим вопросом была, вероятно, мучима в те годы и *Елизавета Меркурьевна Бём* (1843–1914). Назвав 1860-е «лучшими, счастливыми годами», когда она занималась в рисовальной школе Императорского общества поощрения художников, она в дальнейшем проявила себя и как график, и как литограф, и как портретист, и как автор иллюстраций, и творец художественного стекла¹. И все же в С.-Петербурге женщин, подобных Е. М. Бём – признанных художественным сообществом, было крайне мало до конца 1860-х гг., и лишь с начала 1870-х число их, принятых в художественные вузы, стало явно расти. Именно в 1870-е гг. открылись уже не только правительственные, но и частные школы общего и технического рисования², в частности Центральное училище технического рисования (ставшее впоследствии академией) мецената барона А. Л. Штиглица [10, с. 114; 15, с. 5–51].

Но женщины не ощущали себя в профессии равными с мужчинами. В частности, сестра живописца В. Д. Поленова и сама художница *Елена Дмитриевна Поленова* (1850–1898) с детских лет являла художественные таланты и особо поддерживалась в них бабушкой, В. Н. Воейковой. В том числе П. П. Чистяков, будущий действительный член Академии художеств, преподавал ей с братом основы живописи, да и мать Елены была не лишена живописного дара. Но когда Елена одной из первых русских художниц получила стажировку в Париже, то неожиданно засмушалась, написав в письме брату, что стыдится того, что она, представительница «бабьего сословия», едет обучаться [12, с. 278]. Она вообще, похоже, слишком доверяла мнению брата и семьи: когда она в 1874 г. познакомилась в Киеве с хирургом Алексеем Шкляревским, так тут же стала темой для обсуждения сонма родственников. Они писали друг другу о своих опасениях, сомневаясь в серьезности чувств Шкляревского,

¹ Благодарен вам за прекрасные ваши картинки [Электронный ресурс]. URL: <https://tolstoymuseum.ru/news/2030/08/15/67968/> (дата обращения: 30.11.2023).

² Боровская Е. А. Санкт-Петербургская рисовальная школа для вольноприходящих учеников и ее роль в развитии русского искусства: дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2012. 177 с. EDN: QFMOON

беспокоились о творческой судьбе Елены в случае её замужества с человеком из другой среды [12, с. 162]. Дело закончилось победой родственников, брак девушки был расстроен, в итоге она замуж вообще не вышла, посвятив себя искусству. Творчество не было для нее вопросом заработка, хотя в письме к П. Д. Антиповой она упомянула о том, что её акварели хорошо продаются и она сделала для ремесленной мастерской в Абрамцево более ста эскизов мебели. Трепетно относясь к народному искусству, Елена решила дать ему новую жизнь в Абрамцево: *«Дела производства пошли вдруг до того успешно, что все расхваливают, и мастерская завалена заказами»*. В том же письме она хвасталась, что *«на днях был П. М. Третьяков le grand, который приобрел на выставке её "Зиму"»* [12, с. 363].

Действительно, 1880–1890-е гг. были временем быстрого расцвета женского художественного творчества в России. В 1884 г. пейзажистка П. П. Куриар открыла *«первый дамский художественный кружок»* для поддержки художниц и их семей [13, с. 227–229]. И в те самые 1880-е гг. в профессиональную жизнь вступило поколение женщин, рожденных после отмены крепостного права, в годы буржуазных реформ, коснувшихся и сферы образования. Одна из них – *Антонина Леонардовна Ржевская (урожд. Попова)* (1861–1934), посещавшая с 1880 г. вольнослушательницей занятия в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (мастерская В. Е. Маковского). В 1886 г. она стала женой представителя старинного дворянского рода Н. Ф. Ржевского, мать которого отнеслась к художественным увлечениям невестки неодобрительно, полагая, что ее картины не окупают стоимости красок и холста и даже звала молодую художницу *«бездельницей»* [14]. Вступив в Товарищество передвижных выставок, Антонина выставлялась под шифром и без указания имени, чтобы избежать конфликтов с богатой и властной свекровью. Та всем говорила о невестке *«Транжира она!»*, полагая, что Антонина слишком мало занимается детьми [11, с. 80].

Вопрос о соотношении профессионального и семейного стоял, видимо, особенно остро перед теми из женщин, кто выбирал самоутверждение не только в роли воспитательниц детей и помощниц мужей. Сама же Антонина, сирота, получившая образование в гимназии и успевшая до замужества даже поработать в типографии, была очень зависима от свойственницы,

но все же смогла отстоять своё творчество и свою семью. Любовь к мужу проступает с ее полотен (она часто его изображала), дочери взяли пример с матери и тоже посвятили жизни искусству. *«Девочки мои работают каждая над своим, иногда ходят на концерты, – писала А. Л. Ржевская в 1904 г. – Искусства, несмотря на гимназии курсы – не бросают. Нина сегодня упростила не посылать ее в гимназию, чтобы два дня писать красками; Лёля же между лекциями усердно играет скучнейшие...упражнения, которые им задаёт новый учитель»* [11, с. 85].

Под стать А. Л. Ржевской и получившая скорое признание в столице *Екатерина Сергеевна Зарудная-Кавос* (1861–1917). Она шесть лет училась в Петербургской Академии художеств, совершенствовалась и в Париже, в Академии Р. Жулиана. Но, родив в марте 1889 г. сына и следуя рекомендациям врачей и педагогов, она с апреля 1889 г. посвящала себя уже не столько искусству, сколько ребенку и даже вела специальный дневник, в который записывала данные о здоровье и поведении сына, переписывала рекомендации по уходу и вскармливанию [15, с. 91–93]. Стоит отметить, что не каждой художнице удавалось заручиться поддержкой няни или гувернантки. Е. С. Зарудной-Кавос столкнулась с проблемой подборки персонала. *«Как трудно с нянями; и как бы я хотела, чтобы мы с этой ужились. Что это у меня дурной характер. Вот уже 5-я няня, а Сереже еще нет 10-ти месяцев»* [16]. Кроме частных заказов, которые приносили основной доход художнице (в частности, ее кисти принадлежит портрет К. С. Станиславского и сохранилась его переписка с нею)¹, она зарабатывала на жизнь сотрудничеством с сатирическими и детскими журналами, в 1905 г. открыла в Петербурге школу живописи, добившись согласия Б. М. Кустодиева в ней преподавать [17].

Поскольку И. Е. Репин с 1894 г. уже открыто приглашал художниц работать с женскими моделями (записи сеансов в его студии 1890-х гг. подтверждают это [18, с. 104]), постольку отношение к тем, кто владел кистью, на рубеже столетий явно переменилось. *«Женщине, жаждавшей свободы и самостоятельности, оставалась одна дорога: в искусство!»* – резюмировала в воспоминаниях Т. Н. Щепкина-Куперник [19, с. 151–152]. Действительно, 1890-е гг. были временем открытия множества заведений, распахнувших

¹ Станиславский К. С. – Зарудной-Кавос Е. С. 23 марта 1904 // ВикиЧтение. Письма 1886–1917 [Электронный ресурс]. URL: <https://pub.wikireading.ru/106849> (дата обращения: 10.10.2023).

двери женщинам [4. л. 31], в том числе школы при «Обществе распространения между образованными женщинами полезных знаний» [4, л. 32]. К началу XX в. список русских художниц пополнился именами О. А. Лагоды-Шишкиной, О. А. Кочетовой, Сони Терк-Делоне (Сары Штерн), Н. А. Удальцовой.

...Выбор ими профессии был свободным. В 1900 г. знаменитая в будущем художница-«лучистка» Н. С. Гончарова вначале испытала себя на медицинских курсах, но бросила их через три дня: *«не вынесла мужеподобного вида студенток-медичек»*¹. В том же году поступила на историческое отделение Высших Женских курсов, но и оставила и их. В 1901 г. она уже была с слушательницей Московского училища живописи, воодушевленная отражением «своего внутреннего мира на просторах искусства» [20].

Вслед за своей старшей соратницей Е. Д. Поленовой, оказавшей немалое влияние на её формирование как художницы, обучаться за рубежом после получения базовых знаний в России стали отправляться все новые женщины-творцы, в их числе и Мария Владимировна Якунчикова-Вебер (1870–1902). Она работала в мастерских, писала с натуры и, кажется, не ощущала неполноправия, скорее, мучилась «вечным вопросом» о совместимости семьи и карьеры [15, с. 115]. Рожденная в немецком Висбадене, она в юности все силы отдавала рисованию. В 1885 г. поступила в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и стала участницей поленовских рисовальных вечеров, которые В. Д. Поленов с сестрой организовали в своём московском доме. В 1897 г. Мария вышла замуж за бывавшего на тех вечерах доктора Л. Н. Вебера, «человека всей душой преданного ей и с любовью понимавшего и ценившего её талант» [21, с. 1–42].

Поддерживавший жену в её творческой карьере, стремившийся создать подходящие условия для ее работы (Мария Васильевна была слаба здоровьем), он обеспечил комфортное проживание семьи в Швейцарии, а когда Мария забеременела – в России. Старшая подруга и соратница Марии, вышеупомянутая Е. Д. Поленова, записала о долгожданной беременности Марии в частном письме от 3 мая 1898 г.: *«Всё это время провожу с Машей. [...] Теперь она работает, только немного и очень много шьёт для своего будущего детёныша»* [22, л. 1–2].

¹ Цветаева М. Наталья Гончарова (жизнь и творчество) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/cwetaewa_m_i/text_1929_natalia_goncharova.shtml?ysclid=luu5s2oujl6207293 (дата обращения: 16.02.2024).

М. В. Якунчикова тогда равно преуспевала и в станковой живописи, и в офорте, увлекалась книжной графикой и декоративно-прикладным искусством. Переписка ее семьи с Поленовыми – история жизненных обстоятельств и профессионального становления двух художниц [21]. Мария любила русскую природу и именно природу своего родного Введенского сделала предметом творений, хотела передать свои чувства сыну Степану. По словам ее сестры, Н. В. Поленовой (урожд. Якунчиковой, ставшей женой В. Д. Поленова), заботы о сыне отвлекали Марию от работы, но *«ей так хотелось с колыбели окружить [его] поэзией природы, и именно русской природы. Она сделала для него деревянную кроватку, в которую вставила дощечки панно с детски-стилизованными сценами русской деревни. Ей хотелось, чтоб его первые сознательные впечатления были от русской жизни»* [23, с. 1–42]. Мать Марии – З. Н. Якунчикова – помогала дочери с внуком, поддерживала её творчество. В письме дочери она писала: *«Дорогая Махира. Будь спокойна, я с удовольствием еду в Нарук Стёпе уже 8 сен. Живи спокойно, т. е. гости с вольным духом у Поленовых, а в Москву приедешь, поезжай в театр»* [24, л. 1].

В 1900 г., наслаждаясь материнством, Мария начала работы для Русского Кустарного отдела на Всемирной выставке в Париже [25], трудясь и дома, и в павильоне, посылала примеры своих творений журналу «Мир искусства». Невероятный творческий подъем был оборван вестью о серьезном диагнозе у двухлетнего сына. *«Мне кажется, что судьба хочет меня проучить, – сокрушалась художница в письме к сестре Наталье, – за то, что я не всецело поглощена материнским чувством», именовала радость от профессионального успеха "эгоизмом", который "идет в ущерб Стёпе"»* [26, л. 1–2]. Наталья поддержала сестру, немедленно отдавшую себя ребенку и его лечению. Профессиональные амбиции тут же отошли в жизни художницы на второй план. Но это не спасло ее: художница умерла в 32 года. О сохранении ее творческого наследия позаботился муж, Л. Н. Вебер.

Младшая соученица М. В. Якунчиковой, в те же годы тоже совершенствовавшая мастерство в Московском училище живописи, ваяния и зодчества – Елена Андреевна Карзинкина-Телешова (1869–1943), – была рождена в состоятельной семье купца 1-й гильдии мецената А. А. Карзинкина, *«в самой видной и просвещенной купеческой фамилии»* [27], с детства была окру-

жена атмосферой искусства. В 1892 г. ее работа удостоилась похвал на Пятой ученической выставке, а с 1899 г., став супругой литератора Н. Д. Телешова и родив сына Андрея, уже вовсю иллюстрировала очерки и рассказы мужа [11, с. 87], блистала на литературно-музыкальном кружке «Среда», организованном супругом, проявляя «ближайшее участие» в его создании и развитии. Именно жене Н. Телешов впоследствии посвятил свои «Записки писателя» – воспоминания о культурной жизни столицы рубежа XIX–XX в., ведь в их дом были благодаря Елене Андреевне вхожи художники А. Я. Головин, Э. Я. Шанкс, И. И. Левитан, писатели – А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. П. Чехов, А. М. Горький, музыкальные деятели Ф. И. Шаляпин, С. Рахманинов¹.

Женщины как музы и вдохновительницы мужчин – нередкая тема в истории искусства. Напомним об еще одной современнице Е. А. Карзинкиной, оставившей о себе память как о талантливой художнице. Это Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1871–1955), вышедшая замуж за химика С. В. Лебедева. Муж во многом её поддерживал, уважал выбор профессии жены, восхищался её работами. *«В лице Сергея Васильевича, как я потом увидела, я нашла внимательного, чуткого и снисходительного мужа. Обладая сам огромным творческим даром в научной области (химии), будучи знаком с внутренним волнением, которое сопровождает творческую работу и приносит столько мучительных, но прекрасных переживаний, он лучше многих мог меня понять. Отсюда его бережливость к моим силам, внимательное отношение к моему времени и к моей работе. Он стал для меня главной опорой в моей творческой работе. Обладая врожденным художественным чутьем, сделался моим самым строгим, внимательным судьей. У него никогда не было ко мне зависти, мужской ревности, как к работающей женщине, завоевывающей свое самостоятельное место в жизни, все усилия прилагал к тому, чтобы облегчить мне работу и обеспечить ее успех»* [28, с. 45].

На торжестве по случаю 25-летнего юбилея своей работы в науке, С. В. Лебедев заметил: *«Если вы находите эти качества в моей работе, то благодарите Анну Петровну, в её искусстве я этому всему научился»* [28, с. 45]. Анна была в их браке подчас ведущей, а не ведомой. *«Я решила, что мне надо своим ис-*

¹ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина (1870–1906) [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1890-3.shtml (дата обращения: 15.02.2024).

куством зарабатывать деньги – вспоминала она позже – Здесь я встретила неодобрение моей семьи, моего отца, который сам себе противоречил. Старалась им представить доводы, что, если бы я была мужчиной, да еще семейным, им не казалось бы странным, что я продаю свои гравюры, чтобы прокормить семью. Почему же я не могу этого делать? Доказывала им, что всякий человек за свой труд, за свое знание имеет право на плату, что нет ничего неловкого брать за это деньги. Если мне стыдно это делать, то это ложный стыд и мне надо его преодолеть. Ведь мое искусство приобретает какой-то любительский характер. Барышня от нечего делать занялась каким-то дамским рукоделием и раздает свою продукцию. Утешала себя мыслью, что первые шаги всегда трудны. Людей посторонних (близкие не интересовались моими гравюрами) надо было приучать платить за них» [28, с. 265].

Представительница самого младшего поколения первых российских художниц, вошедшего в публичное пространство в первые годы XX в., Ксения Эрнестовна Левашова-Стюнкель (1885–1961) прошла схожий со своими сестрами по профессии путь в юности. Отучась в течение нескольких лет в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (где ее сокурсниками были К. Ф. Юон, В. А. Серов и К. А. Коровин), она вышла замуж. *«Имея двух дочерей [1908 и 1911 гг. – Авт.], я увлеклась живописью, все дни проводила в студии, а заботу о детях возложила на родителей. Порой это меня мучило»,* – признавалась она, но родители мирились с ее увлечением, да и муж утешал (*«Ксюшенька, они бы со скуки умерли, если бы не было детей! Ведь у них жизнь полна и освящена только благодаря детям!»*) [29, с. 17–22]. Увлеченная творчеством, К. Э. Левашова не прекращала трудиться как художница до конца жизни¹, когда и написала прекрасные воспоминания. Глубокая саморефлексия в сочетании с непосредственностью переживаний, точность исторических деталей быта и повседневности, безыскусность письма придали мемуарам художницы особое обаяние.

Художниц, которые бы искали вдохновение и поддержку в своих семьях – мужьях и детях, было в России немало. Выше уже сказано о работах А. Л. Ржевской и Е. М. Бём, к ним стоит добавить творчество Зинаиды Евгеньевны Серебряковой (1884–1967), чьи полотна мы часто представляем именно как автопортреты

¹ Трудно-счастливая жизнь неизвестной художницы, писавшей картины цветными лоскутками // Дзен. 31.11.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YaSpIu7dSXWhT3pn>. (дата обращения: 14.03.2024).

с дочерью. У всех перечисленных авторов моделями часто выступали именно их дети (куда чаще, чем у художников-мужчин). Е. М. Бём, в частности, писала по этому поводу в 1910 г.: *«Имея за своими плечами 67 лет, имея взрослых внуков, я всё ещё не оставляю своих занятий, и не столько в силу необходимости, сколько любя по-прежнему своё дело»* [30, с. 17], – и писала как раз детей, уже не своих, но выбирая именно детей в качестве моделей.

Бездетные художницы с большим рвением посвящали себя творчеству. При том, что деятельность женщин в искусстве нередко воспринималась как хобби и способ занять себя, многие представительницы мира искусства готовы были доказывать на собственном примере, что совмещать работу с семейными делами, приносить доход семье своей деятельностью возможно. Иные из них ничуть не меньше мужчин-соратников желали прижизненной славы, стремились выставляться на лучших площадках (этим прославилась, скажем, юная М. К. Башкирцева (1858–1884), которая будто предчувствовала, что ей отведено мало времени в земной жизни), это была, безусловно, «сила воли и уверенность в собственных дарованиях» [31, с. 172].

Бездетной была и А. П. Остроумова-Лебедева, писавшая: *«Мысль, что можно умереть и после тебя ничего не останется, меня приводила почему-то в ужас. Когда я рассказывала об этом маме, она говорила: – Выйдешь замуж, будут дети, вот тебе и след. Они вместо тебя будут жить. – Это не то! Я сама хочу жить после смерти. Я, сама я! Как вы все этого не понимаете! И я, огорченная, уходила от нее»* [28, с. 45]. Подобный размышления были, однако, не столько прямым стремлением к славе и вниманию, сколько внутренней потребностью жизни. *«Меня мучает мысль о моем будущем – смогу ли я работать? Мои гравюры! Мое искусство! Если придется бросить искусство, тогда мне погибель. Ничто меня не утешит. Не работая в искусстве... я спокойно буду проходить мой жизненный круг в семье. Но я буду калеккой...»* [28, с. 305–307].

Обсуждение и выводы

Подводя итоги краткому обзору деятельности русских художниц конца XIX – начала XX в. и попыткам соотнести их достижения с семейным положением этих деятельниц русского искусства, с их отношением к браку, детям, повседневным хлопотам, трудно не прийти к выводу о том, что для этих женщин-

творцов наличие семьи и сам статус замужней женщины были очень важны. Они могли даже стать определяющими в момент решения о выборе жизненного пути и стратегий личной самореализации – в какой бы области изобразительного искусства они ни пробовали свои силы, а русские художницы рассматриваемого времени трудились в разных стилях (академизм, передвижничество, национально-романтическое направление русского модерна, зарождавшиеся символизм и авангард). Многие из героинь данного очерка лично повлияли на формирование этих течений, ставили прямую цель способствовать сохранению того или иного стиля (прежде всего – «русского стиля»).

Анализ случайных обрывков в письмах и воспоминаниях самих художниц, близких им родственников и людей их круга убедил в том, что с 1870-х гг. можно наблюдать в России переход от женского любительства в изобразительном искусстве к профессионализации, от бесплатного энтузиазма к стремлению и возможности заработать своим природным даром. Прокладывавшие самостоятельные пути к профессиональной деятельности, и художницы, чье творчество было сразу замечено и оценено профессионалами, и те, кто может быть отнесен к деятельницам искусства второго ряда, постоянно сталкивались с ограничениями и стереотипами, исключавшими женщин из профессионального поля. Практически все испытали на себе ограничения в доступе к профессиональным возможностям, с предубеждением в отношении их мастерства как художниц.

Выяснилось, что в мире российского искусства второй половины XIX – начала XX в. выполнение предписанной полу социальной роли (гендерное поведение) оказывало существенное влияние на профессиональную деятельность. Мужчины доминировали во всех областях искусства, женщины считались не обладающими достаточной компетентностью для занятий художественным ремеслом как профессией. Следствием этих предубеждений были ограничения, мешавшие созданию собственных стилей художественного выражения, развитию профессиональной карьеры. Если у художницы не было покровителя в лице мужа или друга, возможности выставлять свои работы у нее также были весьма и весьма узки, как была слаба и неопределенна перспектива получения признания в профессиональном художественном сообществе.

И все же, несмотря на все препятствия, крохотная часть русских художниц рассматриваемого времени добилась успеха. Их работы могли быть даже куплены выдающимися меценатами, находиться в запасниках общих коллекций, но эти женщины проявляли упорство и настойчивость, преодолевая социальные барьеры и продвигаясь в профессиональной среде. Они не пытались подражать получившим признание мужчинам-художникам, но с неутомимостью и в известной мере страстью старались найти собственные темы в искусстве, изображали в своих работах то, что волновало именно их. Эти женские темы (материнство, домашний семейный уют, бытовые хлопоты, вроде найма гувернантки или выбора домашнего учителя для детей) отражали женский взгляд на то, что их волновало и представлялось достойным специальной фиксации, на роль и положение женщины в обществе.

Трудясь в собственных мастерских, развивая навыки экспериментирования с различными техниками и стилями, они не рассматривали творчество как способ физического выживания: практически все они были обеспеченными замужними дамами, либо стремившимися изменить в этом направлении свой семейный статус (как М. К. Башкирцева, умершая в 25-летнем возрасте). Помимо творческой работы, все эти художницы были в семье обычными женами и матерями, занятыми выполнением домашних обязанностей: заботились о родных, детях, домашнем хозяйстве. Чем старше они были по возрасту, чем позднее выходили замуж и рожали детей, тем больше успевали совершить в своей профессиональной области до начала семейных забот. Стараясь найти оптимальное сочетание семейного быта с творчеством, многие из них изначально рассчитывали на поддержку и помощь своих семей. Мужья, родители, братья могли быть и были для них опорой: давали им необходимое финансовое обеспечение; их матери помогали с воспитанием детей, наймом прислуги, домашними обязанностями. Это позволяло художницам уделять больше времени своему творчеству. Одни из них выбирали необычные пути и нестандартный образ жизни, чтобы осуществить свои амбиции (Е. Д. Поленова, А. П. Остроумова-Лебедева). Многие вообще оставались незамужними, либо не соглашались иметь детей, дабы иметь больше свободы и возможностей для работы. Наконец, те, кто детей как раз имел (Е. М. Бём, З. Е. Се-

ребрякова и др.), очевидно использовали свой семейный опыт в качестве источника вдохновения для творчества.

После множества военных и революционных потрясений российские художницы были поставлены перед сложным выбором: оставаться в стране или покинуть ее. Часть из них поменяли прежние жизненные стратегии, изменили соотношение профессионального и семейного в траектории собственных судеб. На этом пути и в тех социальных трансформациях не только творчество, но и имена многих женщин были забыты или утрачены... Лишь в последние годы искусствоведы ставят своей задачей возвращение женских имен из небытия, а антропологи выясняют особенности влияния социокультурного контекста на искусство, обнаруживая все новые взаимосвязи между повседневностью и личной жизнью художниц, между бытом и творчеством, открывая новые источники, не введенные ранее в научный оборот.

Список литературы

1. Амазонки авангарда. Экстер, Гончарова, Попова, Розанова, Степанова, Удальцова / отв. ред. Д. Э. Боулт и М. Драт. Нью-Йорк, Музей Соломона Р. Гуггенхайма. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2000. 365 с.
2. Сомов А. И. Женщины-художницы // Вестник изящных искусств, издаваемый при Императорской академии художеств. СПб.: А. И. Сомов, 1883–1890. В 8 т. Т. 1. Вып. 4. 521 с.
3. Винокур Г. О. Биография и культура. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 86 с.
4. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОП ГИМ). Ф. 344. Оп. 1. Д. 37.
5. Yablonskaya M. N. Women artists of Russia's New Age. 1900–1935. – New York: Rizzoli International Publications, Inc., 1990. – 248 p.
6. Авраменко О., Леонова Г. Её жизнь в искусстве: образование, карьера и семья художницы конца XIX – начала XX века. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 262 с.
7. Hilton Alison. Domestic Crafts and Creative Freedom: Russian Women's Art / Russia, Women, Culture, ed. by Helena Goscilo and Beth Holmgren. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. – 347 p.
8. Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 1. – С. 43–52. EDN: УТВКХА
9. Рамазанов Н. А. Сухово-Кобылина С. В. // Материалы для истории художеств в России: статьи и воспоминания. СПб.: БАН, 2014. С. 83, 429.
10. Булгаков Ф. И. Раевская-Иванова, Марья Дмитриевна / Наши художники. В 2 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. Т. 2. 298 с.
11. Плясов Н. Ф. Дама пишет красками. Рассказы о русских художницах. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 215 с.
12. Поленова Е. Д. – Поленову. В. Д. 16.01.1888 г. // Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов; Елена Дмитриевна Поленова / Письма, дневники, воспоминания. М.: Искусство, 1964. С. 278.
13. Булгаков Ф. И. Наши художники на академических выставках. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1889. Т. 1. 298 с.
14. Ватагина И. В. О тех, кого помню и люблю // Московский журнал. История государства Российского. – 2001. – № 5. – С. 2–8.

15. Верemenko В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 203 с. EDN: UXZPAL
16. Институт русской литературы (ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. Оп. 1. Д. 12.
17. Отдел рукописей научного отдела Государственного Русского музея (ОР ГРМ). Ф. 26. Оп. 1. Д. 32.
18. Прибульская Г. И. Репин и Академия искусств // По материалам биографии художника Ильи Ефимовича Репина: к 150-летию со дня рождения. Сборник статей под ред. Владимира Лентяшина. СПб.: Государственный русский музей /Дворцовое издание, 1995. С. 104.
19. Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. Театр, литература, общественная жизнь. М.: Федерация; артель писателей «Круг», 1928. 327 с.
20. Гончарова Н. С., Ларионов М. М. Исследования и публикации. Сборник статей / Комиссия по изучению искусства авангарда 1910–1920-х гг. М.: Наука, 2001. 252 с.
21. Поленова Н. В. Мария Васильевна Якунчикова (1870–1902). М.: Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1905. 49 с.
22. Отдел рукописей Третьяковской галереи (ОР ГТГ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 7305.
23. Киселёв М. Ф. Мария Якунчикова. М.: Изобразительное искусство, 2005. 151 с.
24. ОР ГТГ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 318.
25. Шпаков В. Н. Россия на всемирных выставках, 1851–2000: К 150-летию Первой Всемирной всемирной выставки. М.: РОСИНЭКС, 2000. 183 с.
26. ОР ГТГ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 12243.
27. Телешов Н. Записки писателя. М.: Моск. рабочий, 1958. 403 с.
28. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. М.: Центрполиграф, 2003. 588 с.
29. Левашова-Стюнкель К. Э. Воспоминания. СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2021. 252 с.
30. Лаврентьева С. Друг детей – Е. М. Бём: Биогр. эскиз. СПб.: Тип. Т-ва п. ф. Электро-типография Н. Я. Стойковой, 1911. 18 с.
31. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М.: Ломоносовъ, 2019. 279 с. EDN: QPLAFR

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

75/25 %

The Professional and the Familial in Everyday Life of Russian 1850s – 1900s Women Artists

Karolina K. Koval, Natalya L. Pushkareva

The article analyzes the daily life of the first recognized women artists in Russia in the second half of the 19th century – early 20th century. The authors' goal is to reconstruct the complex combination of women's professional activities in the field of art with family responsibilities and sociocultural expectations of that time, to identify key aspects that influenced the life and work of female artists of that period (availability of professional education, the opportunity to participate in the artistic life of the country, relationships with colleagues, family and sib ties). Basing their conclusions on the analysis of published memoirs and archival materials of the State Tretyakov Gallery and the Russian State Archive of Literature, some of which were introduced into scientific circulation for the first time, the authors came to the conclusion that the possibility of combining professional and family was strongly influenced by the age of the artists, the late birth of their first child, and a limited number of children in general, delaying marriage until success in the arts, or the presence of kinship support in family.

Key words: Daily life of Russian female artist, Russian artists, life of artists, female artist, women's daily life, Russian art, women's history.

Acknowledgements: The study was supported by the RNF grant № 24-18-00212.

For citation: Koval, K. K., Pushkareva, N. L. (2025) Professional'noe i semejnoe v povsednevnosti russkoj hudozhnicy vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [The Professional and the Familial in Everyday Life of Russian 1850s – 1900s Women Artists]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 43–61. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_43. EDN: YTRPWA

References

1. *Amazons of the avant-garde. Exter, Goncharova, Popova, Rozanova, Stepanova, Udaltsova* (2000). Ed. by John E. Bowlt and Matthew Drutt. New York: Guggenheim museum. Moscow: State Tretyakov Gallery. (In Russ.)
2. Somov, A. I. (1883). *Zhenshchiny-khudozhnitsy* [Female artists]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv, izdavaemyi pri Imperatorskoj akademii khudozhestv* [Bulletin of Fine Arts, published at the Imperial Academy of Arts.]. St. Petersburg: 1883–1890, in 8 vol. Vol. 1. No 4. (In Russ.)
3. Vinokur, G. O. (1927) *Biografiya i kultura* [Biography and culture]. Moscow: Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk. (In Russ.)
4. *Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Department of Written Sources of the State Historical Museum] (hereinafter – OP GIM). F. 344. Op. 1. D. 37.
5. Yablonskaya, M. N. (1990). *Women artists of Russia's New Age. 1900–1935*. New York: Rizzoli International Publications, Inc., 1990.
6. Avramenko, O., Leonova. G. (2023) *Eyo zhizn v iskusstve: obrazovanie, karera i semya khudozhnitsy kontsa XIX – nachala XX veka* [Her life in art: education, career and family of a female artist of the late 19th – early 20th century]. Moscow: Muzej sovremennogo iskusstva "GaraZH". (In Russ.)
7. Hilton, A. (1996) "Domestic Crafts and Creative Freedom: Russian Women's Art". Russia, Women, Culture, ed. by Helena Goscilo and Beth Holmgren. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 1996.
8. Pankratova, E.V, Khasbulatova, O.A. (2018) *Kontseptsiya kachestva semejnoy zhizni v sotsiologii: gendernyy aspekt* [The concept of the quality of family life in sociology: the gender aspect]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No 1. Pp. 43–52. EDN: YTBKXA. (In Russ.)
9. Ramazanov, N. A. (2014) *Sukhovo-Kobylyna S.V.* [Sukhovo-Kobylyna S. V.]. *Materialy dlya istorii khudozhestv v Rossii: stati i vospominaniya* [Materials for the history of art in Russia: articles and memoirs]. St. Petersburg: BAN. P. 83, 429. (In Russ.)
10. Bulgakov, F. I. (1890) *Raevskaya-Ivanova, Marya Dmitrievna* [Raevskaya-Ivanova, Marya Dmitrievna]. *Nashi khudozhniki* [Our artists]. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina. Vol. 2. (In Russ.)
11. Plyasov, N. F. (2016) *Dama pishet kraskami. Rasskazy o russkikh khudozhnitsakh* [The lady paints. Stories about Russian artists]. Simferopol: Biznes-Inform. (In Russ.)
12. Polenova E. D. – Polenovu V. D. 16.01.1888 g. (1964) *Sakharova E.V. Vasilij Dmitrievich Polenov; Elena Dmitrievna Polenova / Pisma, dnevniki, vospominaniya* [Vasily Dmitrievich Polenov; Elena Dmitrievna Polenova / Letters, diaries, memoirs]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
13. Bulgakov, F. I. (1889) *Nashi khudozhniki na akademicheskikh vystavkakh* [Our artists at the academic exhibitions]. St. Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina. Vol. 1. (In Russ.)
14. Vatagina, I. V. (2001) *O tekh, kogo pomnyu i lyublyu* [About those whom I remember and love]. *Moskovskij zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [The editorial board of the journal "Moscow journal". The history of the Russian state]. Moscow: GUP «Redaktsiya zhurnala «Moskovskij zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossijskogo». No 5. Pp. 2–8. (In Russ.)
15. Veremenko, V. A. (2015) *Deti v dvoryanskikh semyakh Rossii (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka.)* [Children in noble families of Russia (the second half of the 19th – early 20th century)]. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2015. EDN: UXZPAL. (In Russ.)
16. *IRLI RAN (Pushkinskij dom)* [Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. F. 445. Op. 1. D. 12.
17. *Otdel rukopisey nauchnogo otdela Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Department of Manuscripts of the Scientific Department of the State Russian Museum]. F. 26. Op. 1. Ed. khr. 32.

18. Pribul'skaya, G. I. (1995) *Repin i Akademiya iskusstv* [Repin and the Academy of Arts]. *Po materialam biografii khudozhnika Ili Efimovicha Repina: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statej pod red. Vladimira Lenyashina* [Based on the biography of the artist Ilya Efimovich Repin: on the 150th anniversary of his birth. Collection of articles edited by Vladimir Lenyashin]. St. Petersburg: Gosudarstvennyj russkij muzej, Dvortsovoe izdanie. (In Russ.)
19. Shchepkina-Kupernik, T. L. (1928). *Dni moej zhizni. Teatr, literatura, obshchestvennaya zhizn* [The days of my life. Theater, literature, social life]. Moscow: Federatsiya; artel pisatelej "KruG". (In Russ.)
20. Goncharova, N. S., Larionov, M. M. (2001) *Issledovaniya i publikatsii. Sbornik statej. Komissiya po izucheniyu iskusstva avangarda 1910–1920-kh gg.* [Research and publications. Collection of articles. Commission for the Study of Avant-Garde Art of the 1910–1920s]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
21. Polenova, N. V. (1905) *Mariya Vasilevna Yakunchikova (1870–1902)* [Maria Vasilyevna Yakunchikova (1870–1902)]. Moscow: T-vo tipografii A. I. Mamontova. (In Russ.)
22. *Otdel rukopisej Tretyakovskoj galerei* [Department of Manuscripts of the Tretyakov Gallery] (hereinafter – OR GTG). F. 54. Op.1. Ed. khr. 7305.
23. Kiselyov, M. F. (2005) *Mariya Yakunchikova* [Mariya Yakunchikova]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. (In Russ.)
24. OR GTG. F. 205. Op. 1. Ed. Khr. 318.
25. Shpakov, V. N. (2000) *Rossiya na vseмирnykh vystavkakh, 1851–2000: K 150-letiyu Pervoj Velikoj vseмирnoj vystavki* [Russia at the World Exhibitions, 1851–2000: On the 150th anniversary of the First Great World Exhibition]. Moscow: ROSINEKS. (In Russ.)
26. OR GTG. F. 54. Op. 1. Ed. Khr. 12243.
27. Teleshov, N. (1958) *Zapiski pisatelya* [Author's notes]. Moscow: Mosk. rabochij. (In Russ.)
28. Ostroumova-Lebedeva, A. P. (2003) *Avtobiograficheskie zapiski* [Aurobiography]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2003. (In Russ.)
29. Levashova-Styunkel, K. E (2021) *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg: ID Ivana Limbakh. (In Russ.)
30. Lavrenteva, S. (1911) *Drug detej – E. M. Byom: Biogr. Eskiz* [Friend of children – E. M. Byom: A biographical sketch]. Saint-Petersburg: Electro-typography of N.Ya. Stoykova. (In Russ.)
31. Ponomareva, V. V., Khoroshilova, L. B. (2019) *Semya, professiya, domashnij uklad. XVIII – nachalo XX veka* [Family, profession, home life. 18th – early 20th century]. Moscow: Lomonosov. EDN: QPLAFR. (In Russ.)

Об авторах

Коваль Каролина Сергеевна, аспирант, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: karolinakoval@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0786-9986

Пушкарёва Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: pushkarev@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6295-3331

About the authors

Koval Karolina K., Postgraduate Student, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: karolinakoval@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0786-9986

Pushkareva Natalya L., Chief researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: pushkarev@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6295-3331

Статья поступила в редакцию 26.04.2024
Одобрена после рецензирования 11.10.2024
Принята к публикации 24.10.2024

Память о материальном: семейный быт и домашнее хозяйство семьи арабистов в воспоминаниях В. А. Крачковской

О. И. Секенова

В статье на основе автодокументальных материалов, принадлежащих исследовательнице В. А. Крачковской, реконструируются практики повседневной жизни семьи ученых начала 1910-х гг.: исследуются домашнее рабочее пространство востоковедов, бюджет времени, распорядок дня, распределение домашних обязанностей и формы досуга. Исследование фокусируется на частной домашней повседневности ученых и их семейных отношениях, через призму которых становится возможным рассматривать глобальный процесс формирования национальных научных культур в историческом контексте. Мемуары В. А. Крачковской демонстрируют, как семейные отношения становятся основой для профессионального сотрудничества и самореализации женщины. Домашнее пространство и семейный уклад рассматриваются как факторы, повлиявшие на выбор В. А. Крачковской научной карьеры. Семейные отношения И. Ю. и В. А. Крачковских анализируются как профессиональное сотрудничество, в котором жена осваивает методы научного исследования под контролем и при помощи мужа и его коллег.

Ключевые слова: повседневность ученых, социальная история науки, женщины-ученые, профессиональное сотрудничество.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212, <https://rscf.ru/project/24-18-00212/>.

Для цитирования: Секенова О. И. Память о материальном: семейный быт и домашнее хозяйство семьи арабистов в воспоминаниях В. А. Крачковской // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 62–76. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_62. EDN: AKUEBC

Введение

Проблема мест производства научного знания вне академического пространства сегодня является актуальным вопросом в социальной истории науки. Историками эпоха модерна долгое время рассматривалась как период, вытеснивший исследования из домашних условий в общественные пространства (лаборатории и университеты), проведя тем самым жесткую границу между профессионалами и любителями [1, с. 74]. Тем не менее идея о том, что научные открытия могли происходить в любое время в любом месте (будь то аптека, дворец или детская спальня [1; 2]), сегодня становится распространенной в историографии. Для ученых-гуманитариев граница между домом и работой продолжает быть размытой даже в наши дни. Следовательно, исследование культурных практик производства научного знания предполагает также изучение домашнего пространства ученых и связанных с ним проблем домашнего уклада, семейной экономики и семейных отношений [2, с. 3].

От микроисторических вопросов мы обращаемся уже к более широкому пониманию повседневности ученого как сфере его личных и семейных отношений. Исследование распределения домашних обязанностей и ведения семейного бюджета, общения и сотрудничества в процессе совместной исследовательской работы дает возможность охарактеризовать многочисленные и исторически разнообразные формы научного сотрудничества семейных пар. Фокусируясь на частной домашней повседневности ученых и их семейных отношениях, становится возможным увидеть важные детали глобального процесса формирования национальных научных культур в историческом контексте.

В последнее десятилетие подобная оптика изучения проблем социальной истории науки встречается как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Так, на XXIII Международном конгрессе по истории науки и технологий изучение семейных и родственных партнерств в науке было заявлено как одно из важнейших направлений [3, с. 1–2]. В России с 2023 г. работает объединенный семинар Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Политехнического музея и Архива РАН «Семья в Российской науке. Исторический аспект», благодаря которому можно увидеть не только вклад отдельных научных династий, но и общие

научные и семейные традиции, влиявшие на исследовательские практики ученых прошлого [4, с. 609–610].

Институционализация науки в Российской империи в эпоху ускоренной модернизации совпадает со временем становления малой демократической семьи в России. Добровольно-принудительный характер заключения брака уступал место свободному волеизъявлению супругов, а женская эмансипация изменяла принципы супружеских отношений. Образованные дворянки одними из первых отозвались на формирование нового типа брачности в современных государствах, для которого были характерны позднее вступление в брак, высокая доля безбрачия, малодетность или бездетность [5, с. 73–74]. В научных семьях модель «муж-ученый/ жена-ассистент» постепенно начинает уступать место иным, самым разнообразным формам сотрудничества супругов [4]. Исследователи Д. Опитц, А. Ликкнес и Б. Ван Тиггелен называют определяющими для вовлечения замужней женщины в науку следующие факторы: поддержка мужа, финансовая стабильность (в т. ч. позволяющая нанимать помощников по дому) и отсутствие детей [3, с. 11]. Какую роль в этом процессе играло домашнее рабочее пространство – безопасное и комфортное, позволяющее женщине вникать в профессиональные проблемы супруга и с его помощью обучаться научным исследованиям? Поиск ответов на эти вопросы должен быть основан на изучении частной истории каждой отдельной семьи ученых и тщательном анализе автодокументальных текстов, содержащих нередко обрывочную информацию об их домашнем укладе.

Мужские автодокументальные тексты, принадлежавшие перу ученых, реже сохраняют детали повседневности, главной темой их становится публичное пространство профессиональной самореализации, проблемы преподавания и научной работы. Женские эгодокументы в большей степени сосредоточены на сферах женской самореализации, для которой был важен баланс между профессиональными аспектами и личными отношениями.

В центре внимания данного исследования – автодокументальные тексты, принадлежащие В. А. Крачковской. Вера Александровна Крачковская (Федорова, Фармаковская; 1884–1974 гг.) – супруга академика И. Ю. Крачковского, в 1920-е гг. под влиянием мужа занявшаяся наукой, работавшая в сфере

востоковедения и арабистики. Воспоминания В. А. Крачковской не опубликованы, хранятся в архиве семьи Крачковских в СПбФ АРАН (ф. 1026) и представляют собой подробное описание детских лет Веры Александровны и ее жизни в браке с И. Ю. Крачковским в периоды 1912–1928 и 1941–1944 гг. [7; 8]. Также личный фонд содержит многочисленные финансовые и хозяйственные документы, принадлежавшие В. А. Крачковской: расходные книги, списки вещей, необходимых при переезде, списки любимых блюд и записи рецептов [9]. Хотя семейный архив Крачковских использовался арабистом А. А. Долининой при создании подробной творческой и личной биографии Игнатия Юлиановича «Невольник долга», эти источники практически не встречаются в трудах по истории повседневности научных работников [10; 11]. В данной статье на основе автодокументальных текстов В. А. Крачковской реконструируются детали дореволюционной повседневности семьи молодого ученого, особенности организации пространства для домашней работы и факторы, повлиявшие на ее решение заниматься арабистикой.

Поиск жилья и интерьер квартиры ученого

Весной 1909 г. в Каире на Международном конгрессе археологов произошло знакомство Веры Александровны Фармаковской (в девичестве Федоровой), невестки археолога Б. В. Фармаковского, и молодого арабиста И. Ю. Крачковского, находящегося в длительной заграничной командировке. И. Ю. Крачковский помогал соотечественникам, выступая в роли гида и переводчика. В начале 1911 г. Вера Александровна рассталась с супругом, инженером В. В. Фармаковским, был начат бракоразводный процесс. Хотя расторжение брака в Российской империи начала XX в. все еще было непростой задачей, требовавшей глубоких юридических знаний и понимания бюрократических процессов, обычно занимавших не менее трех лет, уже через 15 месяцев после начала процесса В. А. Фармаковская получила официальный документ, подтверждающий право «вступить в новый второй брак с лицом беспрепятственным» [10, с. 127]. В 1912 г. Игнатий Юлианович Крачковский и Вера Александровна Фармаковская смогли пожениться, несмотря на возражения родных и знакомых [10, с. 122–123]. Финансовое положение молодых супругов было стабильным: Вера Александровна была внучкой

К. П. Печаткина, владельца Красносельской бумажной фабрики, И. Ю. Крачковский делал успешную академическую карьеру (с 1910 г. был приват-доцентом Петербургского университета).

Врачи не рекомендовали Вере Александровне по состоянию здоровья жить в Петербурге. Туберкулезный процесс в легком был остановлен [10, с. 123], но судя по обращению к известному врачу-гинекологу и неонатологу А. Л. Владыкину [8, л. 6 (об.)], речь шла и о проблемах женского здоровья – после потери единственного ребенка Веры Александровны. Вероятно, основанием для подобных советов был отмечаемый историками повседневности особый «мужской голос» столицы и общая атмосфера мегаполиса, не способствовавшая женскому здоровью [12, с. 199]. А. Л. Владыкин рекомендовал выезжать в Петербург лишь в крайнем случае, а для места жительства молодой семьи советовал Царское Село. В. А. Крачковская писала, что поселиться в Царском Селе можно было только «по представлении рекомендации двух лиц с высоким положением» [8, л. 4 (об.)] – и молодая семья обратилась к непременному секретарю Академии наук, востоковеду С. Ф. Ольденбургу и сенатору Арсеньеву. После полученного разрешения молодожены сняли пятикомнатную квартиру на верхнем этаже деревянного дома в Царском Селе. Вера Александровна взяла на себя большую часть хлопот: занималась перевозкой и организацией пространства дома.

Как правило, представители интеллигенции и служащие в Петербурге старались селиться ближе к месту службы, чтобы иметь возможность добираться пешком [13, с. 22–23]. Жизнь за городом вносила свои коррективы в рабочий график И. Ю. Крачковского: теперь он не мог ежедневно вдоволь заниматься в библиотеках и архивах Петербурга, как в период холостой жизни – необходимо было обустраивать жилище подходящим образом для домашней научной работы. Пространством науки в новой квартире стал кабинет Игнатия Юлиановича: туда из его старой квартиры переехали разборные шведско-американские полки с книгами и рабочее кресло, служившее ему с детских лет. Свадебным подарком тещи был шведско-американский письменный стол [8, л. 8 (об.)]. В начале XX в. среди русской научной и творческой интеллигенции бытовали представления о шведско-американской мебели как эргономичной и пригодной для здоровых условий интеллекту-

ального труда [14; 15, с. 76, 77]. Примечательно, что «шведско-американской» эта модульная мебель называлась только в русских торговых домах – в англо-американском интерьере разборные книжные шкафы, полки которых можно было перемещать, не вынимая книг, или докупать по мере расширения библиотеки, назывались «книжными шкафами барристера». Предполагалось, что именно успешные барристеры (адвокаты), с одной стороны, нуждаются в обширной библиотеке, которую можно легко перемещать, а с другой стороны, достаточно богаты, чтобы позволить себе модную и качественную мебель. В «шведско-американскую мебель» русских торговых домов шкафы барристеров могли превратиться по двум причинам: во-первых, среди американских производителей модульных книжных шкафов одним из известных (но не единственным) было мебельное предприятие Лундстремов – американских эмигрантов из Швеции [16]. Вторая возможная причина: в начале XX в. на территории Финляндии появляется несколько крупных мебельных фабрик под руководством шведов, производивших книжные шкафы и столы по истекшим американским патентам уже из местной древесины [17]. Таким образом, модульные книжные шкафы и рабочие столы рекламировались как американские, но были произведены на территории Швеции или Финляндии. Хотя подобная мебель зачастую воспринималась как «конторская», в Российской империи ее использовали для обстановки домашних кабинетов.

Из-за частой смены квартир представителями петербургской интеллигенции [18, с. 269] острой проблемой была постоянная необходимость перевозки книг – и система модульных книжных полок легко эту проблему решала. Библиотека регулярно и обильно пополнялась – гонорар от своих литературных публикаций (по воспоминаниям В. А. Крачковской, небольшой) Игнатий Юлианович полностью тратил на пополнение библиотеки русскими и зарубежными изданиями. Гонорар за статьи, напечатанные за границей, он оставлял на счетах издателей и антикваров, заказывая у них редкие книги (таким образом экономя на обмене валюты и пересылке денег). Расходы на книги в семье ученых воспринимались как обязательные и неоспоримые, судя по расходным книгам, Вера Александровна не следила за этой частью семейного

бюджета (хотя расходы на канцелярские принадлежности и ноты ведала именно она [9, л. 3 (об.) – 4]). И. Ю. Крачковский находился в переписке с иностранными востоковедами и обменивался с ними книгами, через своих знакомых зарубежных антикваров принимал участие в посмертных распродажах библиотек ученых. В. А. Крачковская вспоминала, как в день 1 апреля подшучивала над мужем, завернув одну из его старых книг в новую бандерольную обертку с ярлыком.

Рекламные проспекты обещали, что в бюро и письменных столах шведско-американской системы «ни одно местечко не пропадает и каждый уголок утилизируется для возможно удобного размещения бумаги в отделениях» [19, с. 95]. Подобное бюро, подаренное тещей, соответствовало привычке Игнатия Юлиановича к порядку в бумагах. Так, он предпочитал вести подробный учет всех прочитанных книг – библиографию составлял на маленьких листочках, делал обязательные аннотации и выписки [10, с. 169]. По воспоминаниям И. Ю. Крачковского, указатель к истории мусульманского ученого ад-Динавери (лишь один из многочисленных проектов Игнатия Юлиановича) во время работы над ним представлял собой более 2 тыс. карточек, бережно хранимых [20, с. 201]. Во время продолжительной работы за столом Игнатий Юлианович жаловался, что зимой «застывали ноги, хотя в комнатах было тепло» [7, л. 15]. Заботясь о муже, Вера Александровна купила меховой мешок для саней, который регулярно подновляла. При передаче библиотеки И. Ю. Крачковского в Государственную публичную библиотеку (сегодня – Российская национальная библиотека), вместе с книгами были переданы вещи, украшавшие кабинет: старинная бронзовая настольная лампа, восточные металлические вазы, скульптура бедуина на лошади работы Е. Е. Лансере (с семьей художника дружила Вера Александровна) и другие сувениры, привезенные Игнатием Юлиановичем из поездок по Востоку [21].

Образу кабинета ученого в мемуарах противопоставляется остальная часть квартиры семьи арабистов, предназначенная для отдыха и семейного общения. Столовая, спальня и кухня были пространством, полностью принадлежавшим молодой хозяйке. В обстановке столовой Вера Александровна особо отмечала новые покупки и свадебные подарки: буфет, обеденный стол и шести стульев, небольшой самовар на восемь стаканов,

телефон и барометр. Она сожалела, что после развода продала бывшему мужу В. В. Фармаковскому буфет, который он забрал вместе со всей посудой. Постепенно семья ученых обзаводилась необходимыми, по мнению Веры Александровны, вещами: кухонной утварью, чайным сервизом, хрусталем... Также в обстановке гостиной привлекали внимание необычные настенные часы – подарок друга семьи дипломата И. И. Десницкого. Часы были привезены из Сиам сестрой И. И. Десницкого Екатериной – женой сиамского принца Чакрабона [22] и изящно вписывались в создаваемый В. А. Крачковской интерьер семьи востоковедов. Непритязательной была и обстановка супружеской спальни: практически вся мебель до замужества принадлежала Вере Александровне – мраморный умывальник, бельевой шкаф, буковая ширма. «В спальне стояли две непарные кровати: моя с сеткой и И. Ю-ча, еще отцовская» [7, л. 9].

Повседневность семьи молодого ученого

Распорядок дня семьи Крачковских Вера Александровна описывала так: в 7 часов утра вставал Игнатий Юлианович, закрывал открытое на ночь окно, шел пить кофе и в 7–45 покидал дом. «Мне вставать так рано не разрешалось» [7, л. 9] – Вера Александровна строго выполняла рекомендации врачей. И. Ю. Крачковский 15 минут тратил на дорогу от дома до Царскосельского вокзала, на поезде через 26–27 минут приезжал в Петербург, затем пешком шел в университет, в аудитории которого попадал точно к началу лекции – 9 утра. Домой И. Ю. Крачковский возвращался около 4 часов дня. Обедал, полчаса отдыхал, затем садился за письменный стол и принимался за работу до вечера. Еще будучи холостяком, И. Ю. Крачковский был привычен к постоянной научной работе (утро – в рукописном отделе или библиотеке, после обеда до вечера – работа над текстом диссертации [10, с. 122]). Как и другие востоковеды, И. Ю. Крачковский одновременно мог трудиться над несколькими научными и издательскими проектами (более подробно о «мастерской историка» можно прочесть в его автобиографической книге «Над арабскими рукописями»).

За то время, что муж был занят делами, Вера Александровна успевала сделать необходимые распоряжения по хозяйству, купить или заказать продукты, помогала горничной готовить обед или готовила сама. Два раза в неделю у финской крестьянки поку-

пали густые сливки, творог, сметану. Кондитерские изделия брали в кондитерской Голлербаха на Соборной площади в Царском Селе. Овощи на зиму осенью покупали у крестьян (весь зимний запас овощей вместе с доставкой и укладкой на сухой песок в погребе обходился около 10 рублей [7, л. 12]). Сухие запасы провизии В. А. Крачковская пополняла дважды в месяц, единственной обязанностью Игнатия Юлиановича было закупать алкоголь (вина, также в доме обязательно «водилась и зубровка с травинкой внутри, и рябиновка» [7, л. 21]). Задачей Веры Александровны было продумать обеденное меню: некоторые блюда подавались раз в неделю – кислые щи с грудинкой и гречневой кашей, грибная лапша, суп из фасоли, отварное мясо с солеными груздями, жареная утка с яблоками. Один раз в неделю обязательно пекли сдобную ватрушку, и один раз – домашний сдобный хлеб.

«Я никогда не скучала» [7, л. 15], – пишет о себе Вера Александровна. Время, свободное от домашних дел, она посвящала рисованию и музицированию. Вечерами супруги играли дуэты на фортепиано и фисгармонии, играли в прятки, ходили гулять по царскосельским паркам. В доме постоянно были гости: друзья Игнатия Юрьевича, мать Веры Александровны, сестры обоих супругов бывали на всех праздниках, приезжали даже без предупреждения. Иногда гостили коллеги И. Ю. Крачковского – русские и иностранные востоковеды. В. А. Крачковская не упоминает о визитах учеников мужа – как правило, с ними он успевал встречаться в Петербурге. Большую часть свободного времени В. А. Крачковская тратила на помощь мужу: переписывала его работы, копировала необходимые источники – тем самым знакомилась не только с тематикой работ Игнатия Юлиановича, но и с его научным методом.

Время для занятий наукой высвобождалось благодаря работе прислуги. Кроме помощницы по хозяйству, семья Крачковских оплачивала услуги дворника, полотера, печника (в 1915 г. в сумме жалование прислуги составляло 14 р. 65 к. [9, л. 4]). От прислуги отказались только в тяжелом январе 1919 г. [9, л. 11]. Описание эмоционально окрашенных отношений с домашними помощницами занимают изрядную часть мемуаров Веры Александровны: поиск хорошей помощницы по дому был трудоемкой задачей, отношения приходилось выстраивать даже в случае взаимного недовольства хозяйки и прислуги. Так, с одной из помощниц

Вера Александровна рассталась только после того, как она сначала подпалила горячей газетой, а затем ошпарила котенка Саида – недостаток кулинарных умений и нечистоплотность были недостаточными поводами для увольнения.

Первая мировая война вынудила семью Крачковских переехать в Санкт-Петербург, в дом матери Веры Александровны. Домашний уклад резко изменился: вести домашнее хозяйство продолжала В. А. Крачковская, обижаясь на то, что в дела вмешивается ее мать как хозяйка дома. Домашняя работа ученого стала невозможной (Вера Александровна возмущалась, что «Игнаше мешают отдыхать болтовней по телефону» [8, л. 4] и тем, что приходилось следить за племянницей Марусей). Если бы не экстремальная повседневность Великой российской революции, В. А. Крачковская могла бы и не стать самостоятельной исследовательницей, а остаться добровольной помощницей мужа. Документы сохранили историю ее профессионального становления, произошедшего под давлением внешних обстоятельств: сначала она, желая освободиться от трудовой повинности, зарегистрировалась в Первом Петроградском университете как «несущая труд домашней хозяйки в семье ученого», затем поступила в Институт истории искусств на мусульманское отделение, после окончания которого уже выступала как самостоятельная исследовательница, с правом доступа ко всем материальным благам, причитающимся советским ученым (регистрация В. А. Крачковской как научного работника в Ленинград КУБУ давала «право на одну дополнительную комнату сверх общего числа комнат, полагающихся ему и членам его семьи по общегражданской норме» [9, л. 85], дополнительный участок огорода на территории Ботанического сада Академии наук [9, л. 132]). Искренний интерес к арабской культуре, поддерживаемый мужем, позволил Вере Александровне сделать успешную академическую карьеру, специализируясь в области арабской эпиграфики и материальной культуре народов Востока.

Обсуждение и выводы

Мемуары В. А. Крачковской представляют идиллическую картину жизненного уклада семьи востоковедов в последние спокойные годы перед Первой мировой войной и Великой российской революцией. Жизнь молодой семьи, с одной стороны, была под-

чинена академической карьере мужа, с другой – организована для точного выполнения рекомендаций врачей, лечащих жену. Мемуары В. А. Крачковской позволяют посмотреть на рабочий кабинет ученого-востоковеда глазами жены, заботившейся об удобстве мужа и расширить представления о том особом мире, в котором происходили научные исследования арабиста. Зонирование домашнего пространства на рабочее, для отдыха, хозяйственных нужд определяло также и устройство повседневной жизни ученых: привычная и эргономичная обстановка кабинета позволяла легко сосредоточиться на исследовательской работе, интерьер столовой и спальни выполнял рекреационные задачи.

В своих воспоминаниях В. А. Крачковская предстает в образе любящей жены, главная цель которой – создание условий для работы мужа. Автогероиня воспоминаний выполняет все функции идеальной городской хозяйки, описанные В. А. Верemenko [23, с. 316]: ведет бюджет, старается экономить, контролирует работу прислуги, делает запасы и, главное, создает в доме уют. К этому обязательному набору функций добавляются занятия благотворительностью, хобби (рисование и музыка) и, главное, помощь мужу в научных исследованиях. В тексте мемуаров заметна неотделимость досуга и вспомогательной научной работы, которую женщина воспринимает как еще одну форму заботы о муже. Второй брак становится для Веры Александровны временем осознания своих собственных научных интересов и устремлений. То, что И. Ю. Крачковский занимался исследованиями дома и активно вовлекал в них жену можно интерпретировать не столько как дополнительный неоплачиваемый домашний труд женщины в помощь мужу, сколько как успешный способ интеграции и подготовка В. А. Крачковской к ее будущей профессии арабиста. «Второй сменой» будущей исследовательницы становится именно научная работа, выполняемая в свободное время, после обязанностей домашней хозяйки. Семейные отношения становятся основой профессионального сотрудничества, в котором жена осваивает методы научного исследования под контролем и при помощи мужа и его коллег. В условиях экстремальной повседневности 1910-х гг. начало востоковедческой карьеры для В. А. Крачковской становится не только возможностью улучшить материальное положение семьи и новой формой заботы об условиях работы мужа, но и необычным вариантом

«эмансипации» от влияния мужа и самореализации в качестве самостоятельной исследовательницы.

Список литературы

1. Von Oertzen C., Rentetzi M., Watkins E. S. Finding Science in Surprising Places: Gender and the Geography of Scientific Knowledge Introduction to 'Beyond the Academy: Histories of Gender and Knowledge' // *Centaurus*. – 2013. – Vol. 55. – Pp. 73–80. DOI:10.1111/1600-0498.12018.
2. Opitz D. L., Bergwik S., Van Tiggelen B. Domesticity in the Making of Modern Science. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 299 p.
3. Lykknes A., Opitz D. L., Van Tiggelen B. For Better or for Worse? Collaborative Couples in the Sciences. *Science Networks: Historical Studies*, 44. – Basel: Birkhäuser, 2012. – 319 p.
4. Валькова О. А. «Детство в научной среде: преимущество или потеря» – по материалам Международной конференции «Семья и детство в повседневной жизни: история и современность» // *Вопросы истории естествознания и техники*. – 2023. – Т. 44. – № 3. – С. 609–612. – DOI 10.31857/S020596060027059–6. – EDN RBCYCH.
5. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. // *Женщина в российском обществе*. – 2016. – № 3 (80). – С. 73–89. DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.7. EDN: WWJPLZ.
6. Pycior H. M., Slack N. G., Abir-Am P. Creative Couples in the Sciences. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1996. – 350 p.
7. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1026. Оп. 7. Д. 25.
8. СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 7. Д. 27.
9. СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 7. Д. 9.
10. Долинина А. А. Невольник долга: Биограф. И. Ю. Крачковского. СПб.: Центр «Петербург. Востоковедение», 1994. 459 с.
11. Васильева О. В. Русские арабисты И. Ю. и В. А. Крачковские // *Studia Orientalia*. Helsinki, – 2003. – Vol. 97. – P. 299–310.
12. Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. СПб.: Европейский Дом, 2007. 281 с.
13. Веременко В. А. Факторы, определявшие выбор места жительства столичной дворянско-интеллигентской семьи в последней трети XIX – начале XX в. // *Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2019 г.* Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 22–31. EDN: GXIXCM.
14. Главный склад шведско-американской конторской мебели: усовершенствованная конторская, кабинетная и библиотечная обстановка (американской системы): каталог № 10. Петроград: Типография А. Бенке, 1916. 63 с.
15. Лансере Е. Е. Дневники. Кн. 3: Художник и государство. М.: Искусство – XXI век. 2009. 794 с.
16. Lundstrom sectional bookcases. C. J. Lundstrom. – Little Falls, N.Y. 1921. – 32 p.
17. Николаева Н. А. Мебельное производство Великого княжества Финляндского в контексте развития региональной культуры конца XIX начала XX века // *Вестник СПбГИК*. – 2014. – № 3 (20). – С. 173–176. EDN: SJSZRR.
18. Юхнёва Е. Д. Петербургские доходные дома. М.: Центрполиграф-Дельта, 2008. 362 с.
19. Альбом товарищества на паях Ж. Блок. М.: Типография товарищества Н. Кушнерев и К., 1901. 263 с.
20. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: листки воспоминаний о книгах и людях. М.: Наука, 1965. 231 с.
21. Вартанов Ю. П. Мемориальная библиотека-кабинет академика И. Ю. Крачковского: содержание и перспективы ее использования // *Труды Государственного Эрмитажа: Судьбы книжных собраний России до и после революции 1917 года: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26–28 октября 2017 г.* – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2022. – С. 177–182. EDN UONXCM.

22. Иванова Е. В. Екатерина Десницкая – морганатическая жена сиамского принца Чакрабона // Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. 2011–2012. Вып. 7. – СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2013. – С. 76–81. EDN: XEYWDX.

23. Веремченко В. А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 марта 2017 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 315–323. EDN: YGHZRZ.

The Memory of the Material: Family Life and Household of an Arabists' Family Described in V. A. Krachkovskaya Memoirs

Olga I. Skenova

Based on the ego-documents of researcher V. A. Krachkovskaya, the article reconstructs the daily life practices of a family of scientists in the early 1910s: the study examines the home workspace of Orientalists, time budget, daily routine, distribution of household duties and forms of leisure. The article focuses on the private everyday life of scientists and their family relationships, through the prism of which it becomes possible to analyze the global process of national scientific cultures' formation in the historical context. The memoirs of V. A. Krachkovskaya demonstrate how family relationships become the basis for professional cooperation and self-realization of a woman. The author considers home space and family life as factors that influenced the choice of V. A. Krachkovskaya's scientific career. The family relations of I. Yu. and V. A. Krachkovsky are analyzed as a professional collaboration in which the wife learns the methods of scientific research under the supervision and with the help of husband and his colleagues.

Key words: daily life of scientists, social history of science, women scientists, professional cooperation.

Acknowledgments: the research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00212 (<https://rscf.ru/project/24-18-00212>).

For citation: Skenova, O. I. (2025) Pamyat' o material'nom: semejnij byt i domashnee hozyajstvo sem'i arabistov v vospominaniyah V. A. Krachkovskoj [The Memory of the Material: Family Life and Household of an Arabists' Family Described in V. A. Krachkovskaya Memoirs]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 62–76. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_62. EDN: AKUEBC

References

1. Von Oertzen, C., Rentetzi, M., Watkins, E. S. (2013) Finding Science in Surprising Places: Gender and the Geography of Scientific Knowledge Introduction to 'Beyond the Academy: Histories of Gender and Knowledge'. Centaurus. Vol. 55. Pp. 73–80. DOI:10.1111/1600-0498.12018.
2. Opitz, D. L., Bergwik, S., Van Tiggelen, B. (2015) Domesticity in the Making of Modern Science. New York: Palgrave Macmillan.
3. Lykknes, A., Opitz, D. L., Van Tiggelen, B. (2012) For Better or for Worse? Collaborative Couples in the Sciences. Science Networks: Historical Studies, 44. Basel: Birkhäuser.

4. Val'kova, O. A. (2023) "Detstvo v nauchnoj srede: preimushchestvo ili poterya" – po materialam Mezhdunarodnoj konferencii "Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremenost'" ["Childhood in the Scientific Environment: Advantage or Loss" – Based on the Materials of the International Conference "Family and Childhood in Everyday Life: History and Modernity"]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology]. Vol. 44. No. 3. Pp. 609–612. (In Russ.). DOI 10.31857/S020596060027059-6. EDN RBCYCH.
5. Pushkareva, N. L., Micyuk, N. A. (2016) *Modernizatsiya reproduktivnogo povedeniya obrazovannykh rossiyanok vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Modernization of Reproductive Behavior of Educated Russian Women in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3 (80). Pp. 73–89. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.7. EDN: WWJPLZ.
6. Pycior, H. M., Slack, N. G., Abir-Am, P. (1996) *Creative Couples in the Sciences*. New Brunswick: Rutgers University Press.
7. *Sankt-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk* [The Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch] (hereinafter – SPbF ARAN). F. 1026. Op. 7. D. 25.
8. SPbF ARAN. F. 1026. Op. 7. D. 27.
9. SPbF ARAN. F. 1026. Op. 7. D. 9.
10. Dolinina, A. A. (1994) *Nevol'nik dolga* [The Slave of Duty: I. Y. Krachkovsky Biography]. St. Petersburg: Centr "Peterburg, vostoковедение". (In Russ.)
11. Vasilyeva, O. V. (2003) *Russkie arabisty I. Yu. i V. A. Krachkovskie* [Russian Arabists I. Yu. and V. A. Krachkovsky]. *Studia Orientalia*. Helsinki. Vol. 97. Pp. 299–310. (In Russ.)
12. Lapin, V. V. *Peterburg: zapahi i zvuki* [Petersburg: smells and sounds]. St. Petersburg: Evropejskij Dom. (In Russ.)
13. Veremenko, V. A. (2019) *Faktory, opredelyavshie vybor mesta zhitel'stva stolichnoj dvoryansko-intelligentskoj sem'i v poslednej treti XIX – nachale XX v.* [Factors Determining the Choice of Residence of the Capital's Noble and Intellectual Family in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremenost'* [Natural and Geographical Factors in the Daily Life of the Russian Population: History and Modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 14–16 March 2019, St. Petersburg. Vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 22–31. (In Russ.) EDN: GXIXCM.
14. (1916) *Glavnyj sklad shvedsko-amerikanskoy kontorskoj mebeli: usovershenstvovannaya kontorskaya, kabinetnaya i bibliotechnaya obstanovka (amerikanskoy sistemy): katalog № 10* [The Main Warehouse of Swedish-American Office Furniture: Improved Office and Library Furniture (American system): Catalog No. 10]. Petrograd: A. Behnke Printing House. (In Russ.)
15. Lancere, E. E. (2009) *Dnevnik. Kn. 3: Hudozhnik i gosudarstvo* [The Diaries. Book 3: The Artist and the State] Moscow: Iskustvo – XXI vek. (In Russ.)
16. (1921) *Lundstrom sectional bookcases*. C. J. Lundstrom. Little Falls, N.Y.
17. Nikolaeva, N. A. (2014) *Mebel'noe proizvodstvo Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v kontekste razvitiya regional'noj kul'tury konca XIX – nachala XX veka* [Furniture production of the Grand Duchy of Finland in the context of development of regional culture of the late XIX – early XX century]. *Vestnik SPbGIK* [Bulletin of SPbGIK]. No. 3 (20). Pp. 173–176. (In Russ.). EDN: SJSZRR.
18. Yukhneva, E. D. (2008) *Peterburgskie dohodnye doma* [St. Petersburg Apartment Buildings]. Moscow: Tsentrpoligraf-Delta. (In Russ.)
19. (1901) *Al'bom tovarishchestva na payah Zh. Blok* [Album of the Partnership on Shares J. Blok]. Moscow: Printing house of the partnership N. Kushnerev and K. (In Russ.)
20. Krachkovsky, I. Y. (1965) *Nad arabskimi rukopisyami: listki vospominaniy o knigah i lyudyah* [On Arabic Manuscripts: Sheets of Memoirs about Books and People]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
21. Vartanov, Yu. P. (2022) *Memorial'naya biblioteka-kabinet akademika I. YU. Krachkovskogo: sodержanie i perspektivy ee ispol'zovaniya* [Memorial Library of Academician I. Y. Krachkovsky: Content and Prospects of its Use]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Sud'by knizhnykh sobraniy Rossii do i posle revolyucii 1917 goda: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 26–28 oktyabrya 2017 goda* [Proceedings of the State Hermitage Museum: The Fate of Russian Book Collections before and after the 1917 Revolution: Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, October 26–28, 2017]. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House. Pp. 177–182. (In Russ.). EDN UONXCM.

22. Ivanova, E. V. (2013) *Ekaterina Desnickaya – morganaticheskaya zhena siamskogo princa Chakrabona* [Ekaterina Desnitskaya – the Morganatic Wife of the Siamese Prince Chakrabon]. *Kyunerovskij sbornik: Materialy Vostochnoaziatskih i Yugo-Vostochnoaziatskih issledovanij: Et-nografiya, fol'klor, iskusstvo, istoriya, arheologiya, muzeevedenie. 2011–2012.* [Kunerovsky Collec-tion: Materials of East Asian and South-East Asian Studies: Ethnography, Folklore, Art, History, Archeology, Museology. 2011–2012]. Iss. 7. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnog-raphy named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. Pp. 76–81. (In Russ.). EDN: XEYWDX.

23. Veremenko, V. A. (2017) *Hozhajka na kuhne: adaptacionnye praktiki v zhizni rossijskoj dvo-ryanskoj sem'i vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The Hostess in the Kitchen: Adaptation Prac-tices in the Life of a Russian Noble Family in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. *Ekstremal'noe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoj revolyucii 1917 g.)* [Extreme in the Daily Life of the Russian Population: History and Modernity (to the 100th Anniversary of the Russian Revolution of 1917)]. Proceedings of the Internation-al Scientific Conference, 16–18 March 2017, St. Petersburg. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 315–323. (In Russ.). EDN: YGHZRZ.

Об авторе

Секенова Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Инсти-тут этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: jkzkray@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9246-2728

About the author

Sekenova Olga I., Candidate of Historical Sciences, Researcher, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; e-mail: jkzkray@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9246-2728

Статья поступила в редакцию 02.10.2024

Одобрена после рецензирования 20.01.2025

Принята к публикации 25.01.2025

Я б в ученые пошел, пусть меня научат... Семья за спиной молодого ученого: преимущество или обуза? (По материалам биографий физика А. А. Глаголевой-Аркадьевой и историка физики О. А. Старосельской-Никитиной)

О. А. Валькова

В статье на материале биографий двух женщин, ровесниц, принадлежавших к первому поколению советских женщин-ученых: физика, обладающего международной известностью, доктора физико-математических наук А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) и крупного историка физики, кандидата исторических наук О. А. Старосельской-Никитиной (1885–1969) рассмотрена роль (или отсутствие таковой) родительской семьи на начальном этапе профессиональной карьеры молодой женщины-ученого и влияние (или его отсутствие) семьи на дальнейшие профессиональные успехи женщин-ученых этого поколения. А. А. Глаголева-Аркадьева происходила из многодетной семьи провинциального священника; ее родители не поддерживали стремление дочери получить высшее образование и не могли помочь материально; О. А. Старосельская-Никитина рано осталась круглой сиротой, в юности сама была вынуждена оказывать помощь младшим братьям, таким образом, никто из них не мог рассчитывать на поддержку семьи в период получения высшего образования. Однако обе девушки получили среднее образование благодаря профессиональному статусу своих отцов: дочь священника в епархиальном училище и дочь штабс-капитана в Николаевском сиротском институте, что открыло им путь к дальнейшему обучению. Основное внимание в статье уделено изучению фактора экономической поддержки молодой женщины-ученого со стороны ее семьи и влиянию этого фактора на построение дальнейшей профессиональной карьеры.

Ключевые слова: история научной семьи, женщина-ученый, Московские Высшие женские курсы, А. А. Глаголева-Аркадьева, О. А. Старосельская-Никитина.

Для цитирования: Валькова О. А. Я б в ученые пошел, пусть меня научат... Семья за спиной молодого ученого: преимущество или обуза? (По материалам биографий физика А. А. Глаголевой-Аркадьевой и историка физики О. А. Старосельской-Никитиной) // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 77–98. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_77. EDN: RNQOFG

Введение

В современной социологии, психологии, истории науки феномен семьи ученого, в том числе роль родительской семьи в формировании мировоззрения, выборе будущей профессии, получении неформальных знаний о повседневных способах функционирования научного сообщества, пользуется все большим вниманием исследователей. Изучение семейных связей, истории разных поколений научных семей, процессов передачи знаний, навыков, мотиваций между поколениями все чаще становится предметом изучения. По мнению психологов, при анализе процессов передачи эксплицитных и личностных знаний семью невозможно оставить в стороне [1, с. 29]; в фокусе историков науки оказывается как генеалогия научных семей, так и история взаимодействия различных представителей одного поколения [2, с. 233]. В целом, в современной историографии истории науки немало подобных работ, посвященных ученым-мужчинам и их семьям. Однако мы почти не нашли исследований, в которых изучалась бы роль семьи женщины-ученого в ее жизни [3], особенно в ранний период этой жизни, хотя общая важность родительской семьи, несомненно, признается. Вот что, например, что писали биографы первой в СССР женщины – действительного члена АН СССР, всемирно известного физиолога Лины Соломоновны Штерн (1875/1878–1968): «Известно, что становление и в значительной мере формирование многих черт личности происходит в детские и отроческие годы. Ребенок познает мир в семье в общении с родителями, братьями, сестрами, со своими сверстниками. Уклад жизни, сложившийся в семье, определенные сословные, национальные, религиозные традиции оказывают существенное влияние на становление особенностей характера и направленность интересов» [4, с. 8].

Но так ли это? Действительно ли именно семья играла решающую роль в получении женщиной мотиваций, знаний и навыков, необходимых для выбора профессии ученого и построения в дальнейшем успешной научной карьеры, особенно в тот исторический период, когда подобный выбор считался большой экзотикой и часто шел вразрез с представлениями старшего поколения? В настоящей статье мы хотим исследовать ранние этапы биографий двух экстраординарных женщин-ученых, вступавших в профессиональную жизнь в период великого пе-

релом: успевших получить образование еще при Российской империи, в которой существовала юридическая дискриминация женщин, но работавших уже преимущественно при советском правительстве, провозгласившем полное юридическое равноправие женщин. Первая из них – Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945), выдающийся физик, одна из первых в СССР женщин-докторов физико-математических наук, совершившая почти в самом начале своей карьеры открытие мирового уровня, что в значительной степени способствовало ее дальнейшим быстрым успехам. Вторая – Ольга Андреевна Старосельская-Никитина (1885–1969), историк по образованию, кандидат исторических наук, библиотекарь и библиограф на протяжении многих лет, яркий и несомненно выдающийся историк физики, большинство книг которой написаны, однако, в последние двадцать лет жизни. У первой из них в детстве была большая семья – родители, братья, сестры, племянники, племянницы; вторая осталась круглой сиротой в раннем возрасте, сохраняя, однако, связи со своей тетей и ее детьми, и собственными младшими братьями и сестрой и, таким образом, также имея семью, несмотря на отсутствие родителей. На основании малоизвестных и в том числе впервые вводимых в научный оборот биографических документов мы исследуем, какую роль играли семьи обеих женщин в критические для их последующих судеб моменты – выбора профессии и получения высшего образования, и как эта роль повлияла на их дальнейший профессиональный успех. В настоящей статье мы сосредоточимся преимущественно на экономической составляющей этой роли, проанализируем, являлись ли благополучные в финансовом отношении начало карьеры молодой женщины-ученого, поддержка семьи на начальном этапе этой карьеры решающими факторами ее последующего профессионального успеха или нет¹.

Дочка священника

Александра Андреевна Глаголева родилась 16 февраля 1884 г. в селе Товарково Богородицкого уезда Тульской губернии. Ее

¹ О траекториях профессиональных карьер женщин-ученых этого периода подробнее см.: Валькова О. А. Женщины-естествоиспытатели Российской империи: конец XVIII – начало XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.10. М., 2014. 841 с.

отца звали Андрей Глаголев, он служил священником упомянутого села Товарково. О ее родителях почти ничего не известно, кроме того, что у них было девять человек детей, и что они были очень бедны, впрочем, как и семьи многих сельских священников. Желание учиться проявилось у А. А. Глаголевой очень рано, и откуда оно взялось неизвестно. О своем детстве и начальном образовании она писала в автобиографии, датированной 3 октября 1927 г.: «Самоучкой научилась читать и писать; сама приготовилась к поступлению в среднюю школу. Помню, как настойчиво просила я своих родителей отвезти меня в Тулу на вступительный экзамен раньше, чем они сами предполагали это сделать. Не помню, каковы были мои ответы на экзаменах, но хорошо помню свое торжество: я была принята в среднюю школу, к удивлению своей семьи. Училась я хорошо; моими любимыми предметами были математика и физика» [5, л. 43].

В 1900 г. А. А. Глаголева окончила курс Тульского епархиального училища и хотела продолжать образование, но на ее пути возникло сразу несколько препятствий: во-первых, государственный закон, во-вторых, мнение ее семьи, в-третьих, отсутствие средств. Что касается первого препятствия, то оно исчезло уже к 1901 г.: хотя в этот период в соответствии с существовавшими законами российские университеты не принимали девушек, а деятельность организованных в разных городах империи в 1870-е гг. Высших женских курсов была приостановлена еще в 1886 г., в 1901 г. она возобновилась и Московские высшие женские курсы (МВЖК) начали прием новых слушательниц. Так что возможность учиться существовала. А вот со вторым и третьим препятствиями дело обстояло гораздо сложнее. Семья А. А. Глаголевой, по-видимому, категорически возражала против ее дальнейшего образования. Преодоление их взглядов на этот вопрос заняло шесть лет. В 1906 г., подавая в третий раз прошение о зачислении на МВЖК, А. А. Глаголева написала о своей семейной ситуации в письме к директору курсов 9 мая 1906 г.: «Мое желание учиться не есть каприз, могущий с течением времени позабыться; нет, это желание – цель моей жизни; оно никогда во мне не ослабевало ... Вот уже 6 лет прошло с тех пор, как у меня впервые вполне ясно и твердо явилось желание учиться. Несмотря на разные препятствия со стороны родных, я удержала свои взгляды и осталась верна им. Теперь я достигла

своего: родные согласились с моими взглядами: они согласны отпустить меня учиться...» [6, л. 1, 1 об.].

На протяжении шести лет, пока А. А. Глаголева уговаривала родных, она работала, поступив сразу по окончании училища, в 1900 г. на службу учительницей в сельскую школу – выбор, с которым семья, по-видимому, была согласна. Несмотря на обнаружившийся талант к преподавательской деятельности, это занятие мало ее удовлетворяло, в глубине души она продолжала мечтать о высшем образовании и о совсем другой жизни. В упомянутой выше автобиографии 1927 г. Александра Андреевна писала: «Только благодаря своему живому характеру и неистощимой любви к жизни и работе я сохранила в себе душевное равновесие в эти годы; серьезная педагогическая работа в школе, которой я отдавала почти все свое время, и скрытая от окружающих работа по подготовке в высшую школу, связанная с тренировкой воли перед ожидавшей меня трудовой студенческой жизнью гармонично сочетались во мне» [6, л. 43–44]. О несогласии семьи с жизненными планами дочери впоследствии не раз упоминала и сама А. А. Глаголева, и знавшие ее в юности подруги-курсистки, и немного позднее ученицы. Например, в автобиографии, написанной для журнала «Огонек» в октябре 1927 г., А. А. Глаголева рассказывала: «Чтобы перейти на путь научной работы, мне пришлось преодолеть много препятствий в связи с предрассудками, глубоко укоренившимися в деревенской глуши и мешавшими в то время женщинам в их стремлении выбраться на путь к знанию. Только ценой разрыва с моей семьей, горячо любившей меня и также горячо любимой мной, мне удалось добиться поступления в высшую школу, без всякой надежды на материальную помощь со стороны, – но далее прибавляла, – Впоследствии мой уход из семьи не помешал возобновлению прежних самых дружеских отношений с моими родителями» [6, л. 43].

Ученица и близкая приятельница А. А. Глаголевой-Аркадьевой, также физик Сильвия Семеновна Зильберштейн (1891–?), с которой они вместе отдыхали неподалеку от Новороссийска летом 1916 г., рассказывала с ее слов: «Не забуду я этих прогулок. Очарованная красотой природы, Александра Андреевна рассказывала про свою жизнь, как она стремилась к знанию, с каким трудом ей это давалось, как она отказывалась от личной

жизни, чтоб не закрывать себе путь к знанию и как, наконец, она удрала от своих родных, выпрыгнув в окно и уехала в Москву учиться на МВЖК. Гуляя, мы горячо обсуждали наши работы, мечтали и строили планы на будущее. Александра Андреевна, не раз говорила, что она хочет достигнуть вершин науки» [7, л. 7]. Другая ее ученица, Екатерина Михайловна Румянцева, вспоминала: «Ей пришлось преодолеть упорное и настойчивое сопротивление семьи, для которой день отъезда А. А. в Москву для получения высшего образования был днем семейного траура» [8, л. 2]. Разногласия А. А. Глаголевой с родительской семьей были настолько хорошо известны среди ее друзей и коллег, что даже когда в 1938 г. коллеги выдвинули А. А. Глаголеву-Аркадьеву в члены-корреспонденты АН СССР, они начали описание ее биографии со следующих слов: «Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева вышла из глухой провинции. Несмотря на необходимость преодолевать все трудности, стоявшие на пути женщины в дореволюционное время, в борьбе с семьей, с предрассудками, царившими в деревне, она достигла высшего образования. Личным трудом, без всякой поддержки проложила себе дорогу к большой работе на широкой научной, педагогической и общественной арене» [9, л. 4]. Биографы А. А. Глаголевой были согласны с таким описанием семейных противоречий: «А. А., как и многие женщины того времени, выдержала борьбу с родителями за право на высшее образование, за самостоятельную жизнь и работу», – пишет, например, К. А. Волкова [10, с. 18–19].

Тем не менее формальное согласие отца, необходимое по закону для поступления на МВЖК, А. А. Глаголевой удалось получить также, как и обещание оплаты обучения. В заявлении, содержащем просьбу о приеме на МВЖК от 7 мая 1905 г. она писала: «Средства для платы за право слушания лекций и на жизнь в Москве я имею от своего отца. В продолжение своего учения на курсах жить буду у своей родственницы, заведующей приютом, Софии Семеновны Розановой. При сем прошении прилагаю письма: от своего отца, священника села Товарково Богородицкого уезда, – о его согласии выдавать мне ежегодное содержание сколько потребуется, и от вышеозначенной родственницы – о ее согласии принять меня к себе на квартиру» [6, л. 2]. Действительно, в личном деле А. А. Глаголевой сохранились два письма ее отца. Первое содержало согласие

А. Глаголева на обучение его дочери: «Сим удостоверяю, что дочь моя, окончившая курс Тульского епархиального женского училища Александра Глаголева, будет в состоянии вносить следуемую курсам плату, так как средства эти она будет получать от меня. Священник с. Товарково Богородецкого уезда Тульской епархии Андрей Глаголев» [6, л. 41]. Письмо это заверено печатью Тульской епархии и имеет исходящий делопроизводственный номер, т. е. подделка в данном случае исключается. Второе, написанное еще в 1905 г., адресовано самой дочери и содержит отцовское благословление учиться: «Дорогая моя дочь Александра Андреевна! <...>¹ что по требованию нашей жизни необходимо тебе образование для того, <...> крепче и <...> следовать на посту службы, а потому и <...> доставлять тебе <...> средства на твое образование на курсах сколько потребуется, чтобы безбедно проходить курс образования. Да благословит господь тебя учиться...» [6, л. 40, 40 об.].

Таким образом, какие бы разногласия ни существовали в семье, они были в итоге преодолены, даже если не полностью, и начиная с 1904 г. А. А. Глаголева пыталась поступить на МВЖК. Ей удалось это сделать только с третьей попытки, поскольку на бывшем при поступлении конкурсе аттестатов ее аттестат епархиального училища (учебного заведения II разряда) не мог выдержать конкуренцию с аттестатами гимназий (учебные заведения I разряда), многие владелицы которых окончили к тому же дополнительный педагогический класс. Тем не менее в 1906 г. А. А. Глаголеву все-таки приняли на МВЖК. Однако обещание отца оплачивать обучение и содержать дочь в период ее студенчества оказалось, мягко говоря, недостоверным: по-видимому, он просто не имел на это средств. А. А. Глаголева была вынуждена зарабатывать уроками как на оплату обучения, так и на жизнь. В 1930 г., предоставляя сведения о себе во время реорганизации II Московского государственного университета, она писала: «С 16-летнего возраста, по окончании курса средней школы, начала свою деятельность сельской учительницы в начальной школе, где работала 6 лет (1900–1906). Следующие четыре года (1906–1910) училась в высшей школе в Москве, не прерывая педагогической работы, вследствие необходимо-

¹ К сожалению, письмо очень неудачно переплетено в деле, и поэтому отдельные его места прочитать невозможно.

сти иметь личный заработок, который являлся единственным средством [для] существования. Все годы студенчества я имела уроки или вела занятия в вечерней школе при общежитии для вдов и сирот (бывшее Бахрушинское)» [5, л. 35].

Давалось это зарабатывание денег с трудом, и к VIII семестру обучения все источники заработка иссякли, а здоровье оказалось подорвано чрезмерными усилиями. 20 февраля 1910 г. А. А. Глаголева прибегла к последнему средству – обратилась к руководству курсов за пособием на оплату обучения в размере 50 р. В прошении она рассказывала о своем материальном положении следующим образом: «Средства на содержание достаю сама, ввиду многосемейности родителей, имеющих 9 человек детей, из которых только один состоит на месте, получая 25 р. в месяц, остальные же находятся в таком положении: двое учатся в высших учебных заведениях (я и брат – Московский коммерческий институт); двое – в средних учебных заведениях в Туле, 3-е маленьких учатся еще дома и, наконец, дочь-вдова, с четырьмя малолетними детьми, которой необходимо помогать, ввиду ее материальной необеспеченности. От общественных учреждений пособий не имею, в текущем году имела заработок только 12 р. (двенадцать руб. в месяц, недостаточную сумму брала заимобразно) у частных лиц, точно также, как и плату в предыдущем полугодии. Пока было возможно, я не обращалась с просьбой о пособии к Вам. Теперь же денег у меня нет и достать не могу, поэтому очень прошу не отказать мне в просьбе при таком безвыходном положении, тем более же здоровье не позволяет работать для доставания средств усиленно» [6, л. 43]. Из того же заявления видно, что в это время А. А. Глаголева жила «в городском бесплатном общежитии в доме Бахрушиных» и тратила в месяц на свое содержание «от 13 до 15 рублей» [6, л. 43].

Точно неизвестно, получила ли А. А. Глаголева искомое пособие, но в 1910 г., через четыре года после поступления, она окончила МВЖК и была приглашена остаться работать там же ассистенткой по физике. С этого момента началась ее очень успешная в дальнейшем профессиональная карьера в науке [11; 12], хотя материальное положение улучшилось далеко не сразу. Вначале А. А. Глаголева жила одна и очень скромно: жалование ассистентки ВЖК было микроскопическим. «В этот период Александра Андреевна жила в тяжелых материальных усло-

виях и очень много работала. У нее была большая педагогическая нагрузка по общему практикуму и со специалистками по физике <...> Вечера проводились в рентгеновском кабинете и, кроме того, она очень много читала, углубляя свои собственные знания. Жила она в это время одна, недалеко от ВЖК», – вспоминала С. С. Зильберштейн [7, л. 5]. Собственное непростое положение, однако, не мешало ей помогать своей семье. С. С. Зильберштейн рассказывала об этом: «С трогательной внимательностью относилась Александра Андреевна к своим родителям, сестрам и брату. В это время захворала ее сестра Басенька. Дома ее считали безнадежно больной. Александра Андреевна привезла ее в Москву, поместила в больницу и ежедневно готовила и носила ей еду. К концу 1915/16 учебного года она очень переутомилась, в особенности тяжело сказалась работа в рентгеновском кабинете» [7, л. 5 об.].

Дочка штабс-капитана

Всего на год моложе А. А. Глаголевой Ольга Андреевна Старосельская родилась 2 января 1885 г. в городе Кременчуге. Ее отцом был отставной штабс-капитан, преподаватель технического училища; мамой – акушерка. В настоящее время даже имена их неизвестны, как неизвестно количество детей в семье, только то, что у Ольги Андреевны было несколько братьев, скорее всего младших, и сестра. В августе 1894 г. О. А. Старосельская поступила в Московский Николаевский сиротский институт императора Николая I. С некоторой обидой она отмечала в одной из автобиографий: «...принята в Николаевский сиротский институт в Москве, но не в VI-й (II-ой) класс, в который была подготовлена, а в Разумовское отделение для малолетних безо всякого экзамена, лишь на том основании, что мала ростом и летами» [15, л. 1]. Это обстоятельство не помешало ей, однако, окончить институт в 1905 г. с золотой медалью. В отличие от тульского Епархиального училища Николаевский сиротский институт принадлежал к числу средних учебных заведений I разряда, что обеспечивало самую серьезную научную программу из всех возможных. Прошедшие курс обучения воспитанницы, успешно сдавшие экзамены, получали звание домашней наставницы – наиболее уважаемое в Российской империи, которое могла получить девушка по окончании образования – и право

преподавать (на дому или в средней школе, не считая гимназий: за право женщинам преподавать в гимназиях как раз в начале 1900-е гг. шла острая борьба) те предметы, в которых они специализировались и преуспели. В дипломе О. А. Старосельской значится: «...дозволено ей, Старосельской, принять на себя звание домашней наставницы с правом преподавать русский язык и словесность, французский язык и словесность, немецкий язык и словесность, математику, географию, историю, физику, естественную историю, педагогику, дидактику...» [16, л. 77].

Пока Ольга Андреевна училась в Москве, ее родители умерли один за другим (в 1898 г. – отец, в 1899 г. – мать). Таким образом, О. А. Старосельская осталась круглой сиротой в 14 лет. По выходе из института она не только сама не имела никакой материальной поддержки, но была вынуждена помогать младшим братьям. Никто не мог поддержать ее, но никто ей и не препятствовал в ее желании продолжать образование. Отсутствие каких-бы то ни было средств не позволило ей сделать это сразу же по окончании института. В заявлении о приеме на курсы, поданном только в 1907 г., она писала: «По окончании курса в институте в 1905 году в августе того же года я была принята преподавательницей французского языка в Третьей женской гимназии Министерства народного просвещения в губернском городе Ставрополе, где до сих пор и продолжаю преподавать» [15, л. 65]. Выбор Ставрополя, по-видимому, не был случайным: именно там в это время жила ее тетя со своими двумя детьми и младшие братья и сестра Ольги Андреевны [16, л. 124, 124 об.]. Неизвестно, приходилось ли ей оказывать какую-то материальную помощь членам своей семьи в этот период или, наоборот, тетя помогала ей, но за два года работы она смогла скопить сумму, достаточную для взноса за первый год обучения. Благодаря диплому и золотой медали престижного института О. А. Старосельскую приняли на МВЖК без промедления, но из-за постоянной нехватки средств спокойно учиться не получалось. С некоторой горечью она писала в автобиографии: «С 1907 г. до конца 1910 числилась слушательницей Московских высших женских курсов, но большую часть времени приходилось отдавать преподавательской деятельности в качестве гувернантки в виду того, что родителей лишилась 14-ти лет и приходилось помогать младшим братьям» [15, л. 1].

В начале 1911 г. Ольга Андреевна вынужденно покинула Москву и курсы из-за отсутствия денег и невозможности найти работу в городе: со второго полугодия 1910/1911 уч. года она считалась выбывшей с курсов [15, л. 69]. В заявлении с просьбой об отчислении она описывала свою ситуацию следующим образом: «Честь имею просить Ваше превосходительство уволить меня [на] весенний семестр текущего года, так как я принуждена быть вне Москвы, на уроке» [15, л. 70]. Из этого же прошения мы узнаем, что она уже обращалась с просьбой и получила от курсов пособие на оплату обучения, а также, что она ни на минуту не предполагала бросать обучение окончательно и планировала вернуться на курсы при первой же возможности: «Назначенное же мне на этот семестр пособие в размере 50 р. прошу мне [зачесть] на осенний семестр будущего учебного года» [15, л. 70]. Позднее в автобиографии она указывала: «С января 1911 г. по август 1912 г. считалась выбывшей с курсов, так как за недостатком средств не могла жить в Москве» [15, л. 1–2]. В 1912 г. ей удалось вернуться в город и восстановиться на курсах. Но уже в 1913 г. она вновь обращалась к директору МВЖК с просьбой о пособии на взнос платы за обучение. О своем финансовом положении в этот период она писала, отвечая на вопрос анкеты «На какие средства живет в Москве»: «На собственные сбережения с уроков. Ни от каких родственников ничего не получаю, а наоборот посылаю иногда младшим братьям. От “Комитета о раненых” получила в 1912 г. 90 р. единовременно пособия, но истратила на лечение брата в декабре и январе этого года. Теперь заработков не имею за недостатком времени и здоровья» [15, л. 90]. Из этого же документа известно, что в тот период она жила одна (хотя раньше снимала комнату с вместе с другой курсисткой) и платила за квартиру 15 р. в месяц [15, л. 90]. На вопрос о том, сколько она тратит на свои нужды в месяц О. А. Старосельская отвечала: «В среднем около 50 р., включая лечение, усиленное питание и одежду» [15, л. 90].

Тем не менее, несмотря на все сложности и отсрочки, Ольга Андреевна окончила МВЖК в 1912 г. Учебный год 1912/1913 гг. ушел у нее на подготовку и сдачу семи дополнительных экзаменов [15, л. 2]. Наконец, 31 мая 1913 г. ей был выдан диплом, удостоверявший, что «Ольга Андреевна Старосельская прослушала курс на Историко-философском факультете по отделению все-

общей истории и выдержала все установленные факультетом испытания...» [15, л. 60]. К этому времени принятый в 1911 г. закон разрешил выпускникам ВЖК получать государственный диплом об окончании университета при условии сдачи экзаменов в специальной экзаменационной комиссии. Однако программы ВЖК и университетов отличались. Выпускникам, претендовавшим на государственный диплом, часто приходилось сдавать экзамены по дополнительным предметам и слушать для этого дополнительные курсы. Именно этим пришлось заниматься в 1913–1914 гг. О. А. Старосельской: «Честь имею просить Ваше превосходительство зачислить меня вновь слушательницей ВЖК для прохождения и сдачи нескольких предметов по новому учебному плану, чтобы получить возможность сдавать государственные экзамены», – писала она в прошении на имя директора курсов в начале октября 1913 г. [15, л. 75].

Получение диплома МВЖК, не имевшего никакого юридического статуса, не улучшило материальное положение О. А. Старосельской и даже не повысило перспективы нахождения ею работы, именно поэтому она стремилась получить официальный государственный диплом. Но это опять требовало времени и средств, которых катастрофически не хватало. Сохранилась записка О. А. Старосельской, датированная 3 августа 1914 г. в комитет МВЖК, занимавшийся подысканием рабочих мест для слушательниц и выпускниц: «Убедительно прошу Вас возобновить мою запись в книге предложений труда и присылать мне извещения в <...>¹ Смоленской губернии. Я прошу занятий только в Москве и ее ближайших окрестностях, – подчеркивала она и продолжала, – и предпочла бы место преподавательницы истории или французского языка в каком-либо учебном заведении (хотя бы временной заместительницей ушедших на войну). Если частный урок, то отнюдь не живущей при детях». И добавляла: «С немецким языком (практическим) не возьмусь, т. к. года 4 не было практики в разговоре, а только читала научные книги» [15, л. 86, 86 об.].

Начавшаяся в 1914 г. война внесла свои коррективы: уже в 1914 г. О. А. Старосельская, продолжая подготовку к экзаменам, работала в лазарете для раненых [15, л. 2]. Она завершила сдачу экзаменов в осеннюю сессию 1915 г., получив, наконец, госу-

¹ Название населенного пункта неразборчиво.

дарственный диплом I степени, после чего профессор ее семинара А. Н. Савин (1873–1923) внес в историко-филологический факультет МВЖК просьбу об оставлении ее при курсах по кафедре всеобщей истории. В своем заявлении он между прочим отметил: «Материальная необеспеченность заставила О. А. Старосельскую на время прервать свое пребывание на курсах и обратиться к преподавательской деятельности вне Москвы. Но она соединила педагогические занятия с научными и много работала над своим кандидатским сочинением о Кондорсе, которое по постановлению историко-философского факультета курсов было напечатано и составило первый выпуск издания “Работы слушательниц Московских высших женских курсов. Историко-философский факультет” [17]. В этой монографии ясно проступает одаренность О. А. Старосельской, умеющей сочетать точное изучение источника с влечением к общим вопросам социологии и философии истории» [15, л. 3].

Прошение профессора было удовлетворено. Как О. А. Старосельская писала в одной из своих более поздних по времени автобиографий: «В 1916 г. была оставлена по представлению проф. А. Н. Савина при историко-философском факультете Высших женских курсов стипендиаткой для подготовки к профессорскому званию» [16, л. 14]. Как и в случае с А. А. Глаголевой оставление при курсах положило начало ее профессиональной научной карьере. Сохранилось только еще одно упоминание о ее семье этого периода – 8 декабря 1916 г. она направила прошение в Историко-филологический факультет курсов, с просьбой об отсрочке в предоставлении отчета: «Честь имею просить о разрешении мне представить отчет о моих занятиях к следующему заседанию факультета, так как тяжелые семейные обстоятельства в связи с войной вызвали сильное нервное переутомление, лишаящее меня возможности закончить к указанному сроку почти готовый отчет», – писала она [15, л. 5]. Что это были за обстоятельства выяснить не удалось. Однако отчет все-таки был представлен, его качество позволило профессору А. Н. Савину признать «занятия О. А. Старосельской в 1916 году весьма удовлетворительными» [17, л. 49]. Но жизнь текла себе, и на Москву надвигалась зима 1917 г., а вместе с ней – голод. Выжить в голодном и холодном городе, не являясь государственным служащим и не имея поддержки

семьи, было практически невозможно. Как и многим другим О. А. Старосельской пришлось покинуть Москву, чтобы выжить. Она напишет впоследствии: «В 1917 г. по болезни и вследствие материальной необеспеченности прервала научную работу и выехала на частный урок в Киевскую губернию» [17, л. 14].

Немного о дальнейшей карьере «ученых дам»

Ситуация А. А. Глаголевой, в том числе материальная, изменилась летом 1919 г., когда она вышла замуж за талантливого коллегу-физика, будущего члена-корреспондента АН СССР Владимира Константиновича Аркадьева (1884–1953), который впоследствии не давал ей повода усомниться в своей безоговорочной поддержке как личной, так и профессиональной [13, л. 19 об.]. С. С. Зильберштейн писала об этом браке: «Александра Андреевна вышла замуж, найдя себе друга и товарища на всю жизнь, который окружил ее нежной заботой и вместе с которым она в ногу шагала к вершинам науки» [7, л. 8]. А. А. Глаголева-Аркадьева не прерывала работу на Высших женских курсах, претерпевших ряд преобразований в революционные годы и в итоге превратившихся во II Московский государственный университет. Уже в 1920 г. она получила право самостоятельного преподавания и начала читать курс «Физические основы рентгенологии»; в 1920-е гг. она параллельно читала курсы в I Московском государственном университете и вела научные исследования в одной из университетских лабораторий.

Сделав в 1924 г. открытие мирового уровня в лаборатории, которой руководил муж¹ и в которой она работала при полной его поддержке, А. А. Глаголева-Аркадьева мгновенно получила без преувеличения мировую известность. Впоследствии она много преподавала, заведовала одновременно двумя кафедрами общей физики (с 1930 г.) – в МГУ и в Московском государственном медицинском институте, выделенным как раз в 1930 г. из состава бывшего II МГУ, а также физической лабораторией; активно публиковалась в российских и зарубежных профессиональных изданиях, стала одной из первых в стране женщин – профессо-

¹ А. А. Глаголева-Аркадьева еще в 1922 г. сконструировала прибор, получивший название массовый излучатель, и с его помощью впервые в истории в 1923 г. смогла физически получить самые короткие ультра-герцевые (терра-герцевые, как их сегодня называют) лучи электромагнитного спектра, окончательно подтвердив, таким образом, на практике закон электромагнетизма Максвелла. Опубликовав в 1924 г. результаты своих экспериментов в журнале "Nature", она проснулась знаменитой.

ров и докторов физико-математических наук (эта степень была присвоена ей без защиты диссертации в 1935 г.) и пр., и пр. Ее карьера была во многом очень успешной, безусловно, благодаря в том числе и ее удачному браку: несмотря на высокий пост научного администратора и огромную преподавательскую нагрузку, в 1920–1940-е гг. она продолжала вести научные исследования в Московской лаборатории им. Максвелла, которую возглавлял ее супруг, при полной его поддержке. При любых рабочих конфликтах, нередко возникавших в стенах Московского университета, супруги могли рассчитывать друг на друга, а положение В. К. Аркадьева как члена-корреспондента АН СССР (с 1927 г.) и достаточно уважаемого члена сообщества советских физиков немало помогало им в этом. Материальное положение пары по мере их с мужем карьерного роста стало вполне благополучным. Когда А. А. Глаголева-Аркадьева ушла из жизни, два выдающихся отечественных физика и организатора науки – С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе написали ее некролог для журнала *Nature* [Vavilov, Ioffe 1947]. Несмотря на то что отношения с ее родительской семьей в итоге были восстановлены и она продолжала общаться с родителями, братьями и сестрами, помогая им достаточно регулярно, привкус горечи от тех первых юношеских лет остался у А. А. Глаголевой-Аркадьевой надолго, если не навсегда.

В отличие от А. А. Глаголевой, к началу революционных событий работавшей ассистенткой при курсах и получавшей хоть скромное, но жалование, О. А. Старосельская в этот период по-прежнему считалась всего лишь обучающейся; никаких средств от курсов не имела. Кроме того, ей не удалось найти состоящего на службе и, соответственно, хоть как-то обеспеченного супруга. О судьбе ее братьев, которым она столько лет помогала, несмотря на собственное тяжелое материальное положение, ничего неизвестно, но одно ясно: никакие члены семьи в этот период ее не поддерживали. В 1924 г., заполняя анкету при поступлении на работу в библиотеку Коммунистической академии, О. А. Старосельская на вопрос о составе ее семьи ответила: «муж, сестра» [17, л. 124]. О том, когда и за кого Ольга Андреевна вышла замуж, информации в настоящее время нет. В той же анкете среди своих, проживающих в России близких родственников, О. А. Старосельская назвала тетку и ее двоих детей, живших в Ставрополе [17, л. 124 об.]. Можно предполо-

жить, что ее братья либо погибли во время I Мировой войны, либо эмигрировали. В итоге в 1917 г. отъезд из Москвы стал для нее единственным выходом. Это, конечно, не могло не сказаться на ее научной карьере, поскольку в следующие несколько лет ей приходилось братья за любую работу просто ради выживания [18; 20]. В Москву О. А. Старосельская вернулась только в 1925 г. В отличие от А. А. Глаголевой-Аркадьевой, замужество не улучшило ее материальное положение. Сохранилось заявление, написанное ею 30 мая 1925 г. с просьбой о предоставлении комнаты, в котором описаны условия ее тогдашней жизни: «Прошу Управление делами предоставить мне одну комнату из имеющихся в его распоряжении для меня и моей семьи. С февраля месяца я принуждена жить в Москве без семьи и без площади, помещаясь в углу проходного коридора в крайне тяжелых и совершенно невозможных для здоровья условиях. Но возвратившись из месячного отпуска к августу месяцу, я не буду иметь и этого угла и тогда передо мной встанет вопрос об оставлении Академии и возвращении в Ленинград, что для меня во всех отношениях крайне нежелательно. Мои попытки получить площадь через РУНИ и частным образом оказались безрезультатными, т. к. РУНИ распределяет площадь только по месткомам, а местком Академии, куда я подавала заявление еще в феврале, никаких комнат не получал за это время» [19, л. 121, 121 об.].

Тяжелые условия жизни и работы, в том числе в юности, в период получения образования, подорвали здоровье О. А. Старосельской-Никитиной. В 1920-е гг. она много болела [19, л. 108–115], а с января 1934 по июль 1935 г. даже находилась на пенсии «для поправления крайне расстроенного здоровья» [20, л. 3 об.]. Это, однако, не помешало ей 25 мая 1940 г. защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Очерки по истории науки и техники периода Французской буржуазной революции XVIII в.». Несмотря на активную и плодотворную деятельность в 1920–1930-е гг. и публикацию в 1946 г. монографии по теме диссертации [21], основные научные труды О. А. Старосельской-Никитиной были созданы уже на закате ее жизни, после поступления в 1945 г. на работу в Институт истории естествознания – современный Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН [22–24]. В настоящее время неизвестно, кем был ее муж,

чем он занимался в жизни (последнее найденное свидетельство о нем датируется началом Великой Отечественной войны), но очевидно, что он не принимал участия в построении ее научной карьеры и никак не способствовал ее работе.

Обсуждение и выводы

Итак, мы рассмотрели начальный этап карьеры двух женщин, принадлежавших к первому поколению советских женщин-ученых, ровесниц, происходивших из равно далеких от научного сообщества и близких по скромному материальному положению социальных слоев, добившихся впоследствии значительных успехов в научных карьерах, несмотря на новизну профессиональных занятий наукой для женщин как таковых. У одной из них в детстве была большая и шумная родительская семья; вторая рано осталась круглой сиротой, от поддержки которой, кроме того, зависели ее младшие родственники. Тем не менее в свои студенческие годы они оказались в совершенно одинаковом – очень затруднительном – финансовом положении.

В начале статьи мы задали вопрос: каким образом наличие или отсутствие семьи, ее поддержки, прежде всего экономической, на этапе получения девушками образования повлияло на их последующие успехи в профессии? Мы видели, что своим средним образованием обе наши героини были обязаны служебному положению своих отцов: А. А. Глаголева по закону имела право на поступление в епархиальное училище как дочь священника, О. А. Старосельская – в Николаевский институт как дочь штабс-капитана, т. е. существовавшей в Российской империи системе социальной поддержки, основанной на принадлежности к определенному сословию. Родители обеих девочек сочли необходимым воспользоваться этой поддержкой, обеспечив, таким образом, своим дочерям твердую основу их будущей жизни. Однако в результате этого решения обе девочки учились в закрытых женских учебных заведениях вдали от повседневной жизни своих семей, поэтому формированию их мировоззрений и жизненных планов, можно предположить, способствовали больше преподаватели, прочитанные книги, подруги.

Полученное молодыми женщинами благодаря их социальному происхождению среднее образование дало им обоим юридическое право профессиональных занятий педагогикой

в начальных и средних школах империи. Разница в социальном положении обусловила разницу в статусе и, соответственно, учебной программе оконченных ими учебных заведений. В результате А. А. Глаголеву ждала карьера сельской учительницы с минимальными заработками, а О. А. Старосельская получила возможность преподавания в гимназии, что могло принести ей несколько большее финансовое благополучие.

Но обеих девушек не устраивал прочерченный для них законами и традициями жизненный путь, а возможно, они уже ощущали тот ветер перемен, который всего через несколько лет, в годы их юности коренным образом изменит социальный ландшафт и откроет для женщин пути, казавшиеся немыслимыми поколению их родителей: девушки хотели получить высшее образование и стать профессиональными учеными. К сожалению, как оказалось, по разным причинам, но ни одна из них не могла рассчитывать в исполнении своих планов на помощь семьи. Благодаря консервативной позиции родителей, девушка, у которой была семья, и девушка, у которой родители умерли, оказались в совершенно одинаковом материальном положении: они обе остались безо всякой финансовой поддержки и могли рассчитывать только на себя. Их постоянной заботой в студенческие годы стал поиск заработка как для оплаты образования, так и повседневных расходов. Чрезмерное напряжение, которого это от них потребовало, привело впоследствии к ранним проблемам со здоровьем у обеих. Также выяснилось, что несмотря на отсутствие финансовой поддержки со стороны родителей, сами дочери старались помогать попадавшим в затруднительное положение младшим братьям и сестрам, игнорируя собственные сложные и даже откровенно тяжелые обстоятельства. Таким образом, для обеих наших героинь родительская семья (независимо от ее состава) оказалась не только не поддерживающим фактором при построении их научных карьер, а, наоборот, фактором тормозящим. Однако эти обстоятельства, хотя сильно затруднили им жизнь в юности, не помешали женщинам как в получении образования, так и в построении впоследствии успешных карьер в науке.

Изучая дальнейший профессиональный путь наших героинь, удалось установить, что отсутствие материальной поддержки на начальном этапе не стало решающим фактором для постро-

ения успешной научной карьеры: обе женщины справились без нее, добившись значительных успехов. Таким образом, осмелимся предположить, что для первого поколения российских женщин-ученых, начинавших свои профессиональные карьеры в науке в период громадных социальных сдвигов конца 1910 – начала 1920-х гг., влияние и поддержка родительских семей не были решающим фактором успеха¹.

Список литературы

1. Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. – 2015. – № 9. – С. 28–35.
2. Пчелов Е. В. Научные отцы и дети: историческая генеалогия на службе современности // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремченко: в 2 т. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. – С. 233–238. EDN: ESMBVG
3. Пушкарева Н. Л. *Libido scientifica* (воспитательные практики в семьях российских ученых 1950–1980-гг.) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремченко: в 2 т. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. – С. 254–260. EDN: EBZOEА
4. Росин Я. А., Малкин В. Б. Лина Соломоновна Штерн. 1878–1968. М.: Наука, 1987. 189 с.
5. Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 641. Оп. 6. Д. 122.
6. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302.
7. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134.
8. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 139.
9. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 124.
10. Волкова К. А. Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева. 1884–1945 // Глаголева-Аркадьева А. А. Собрание трудов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 5–32.
11. Валькова О. А. «Советская страна должна знать своих ученых»: материалы к биографии А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2008. – № 1. – С. 136–148. EDN: ILHYNN
12. Валькова О. А. Преподавание или наука: нелегкий выбор доктора и профессора А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) // Педагогика. – 2017. – № 5. – С. 100–108. EDN: YUESTT
13. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122а.
14. Vavilov S., Ioffe A. Prof. A. A. Glagoleva-Arkadieva // *Nature*. – 1947. – No 159. – Pp. 296–297.
15. ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209.
16. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 315.
17. Научный Архив Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Ф. 8. Личное дело Старосельской-Никитиной О. А.
18. Старосельская О. А. Кондорсэ как социолог. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1915. 123 с.
19. Валькова О. А. Профессиональная карьера советской женщины-ученой: на материалах биографии О. А. Старосельской-Никитиной // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г. – Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 2. – С. 502–505.
20. Валькова О. А. Старейшая сотрудница ИИЕТ: заметки к биографии О. А. Старосельской-Никитиной // ИИЕТ РАН Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012. – М.: РТСофт, 2012. Т. 1. – С. 136–139.
21. Архив РАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 218.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 237–238.

22. Старосельская-Никитина О. А. Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции 1789–1794 / под ред. акад. С. И. Вавилова, В. П. Волгина. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946. 274 с.

23. Старосельская-Никитина О. А. Поль Ланжевен [1872–1946]. М.: Наука, 1962. 316 с.

24. Старосельская-Никитина О. А. История радиоактивности и возникновения ядерной физики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 428 с.

25. Старосельская-Никитина О. А. Эрнест Резерфорд. 1871–1937. М.: Наука, 1967. 316 с.

I'd Become a Scholar if Taught... Is a Young Scholar's Family a Benefit of a Burden? (Based on the Biographies of the Physicist A. A. Glagoleva-Arkadieva and the Historian of Physics O. A. Staroselskaya-Nikitina)

Olga A. Valkova

In the article the role of the parental family at the initial stage of professional career of a young woman scientist is analyzed based on the biographies of two women, who belonged to the first generation of Soviet women scientists: an internationally renowned physicist, Doctor of Physics and Mathematics A. A. Glagoleva-Arkadieva (1884–1945) and a major historian of physics, Candidate of Historical Sciences O. A. Staroselskaya-Nikitina (1885–1969). The influence (or lack thereof) of the family on the further professional success of women scientists of this generation is also considered. A. A. Glagoleva-Arkadieva came from a large family of a provincial priest; her parents did not support their daughter's desire to get higher education and could not help financially; O. A. Staroselskaya-Nikitina was left an orphan at an early age, in her youth she had to help her younger brothers, so none of them could count on family support in the period of higher education. However, both girls received secondary education due to the professional status of their fathers: the daughter of a priest at a diocesan college and the daughter of a staff captain at the Nikolaevsky Orphan Institute, which opened the way for them to further study. The article focuses on the study of the economic support factor for a young female scientist from her family and the impact of this factor on further professional career building.

Key words: academic family history, female scientist, Moscow Higher Women's Courses, A. A. Glagoleva-Arkadieva, O. A. Staroselskaya-Nikitina.

For citation: Valkova, O. A. (2025) Ya b v uchenye poshel, pust' menya nauchat... Sem'ya za spinoy mologogo uchenogo: preimushchestvo ili obuza? (Po materialam biografij fizika A. A. Glagolevoj-Arkadevoj i istorika fiziki O. A. Staroselskoj-Nikitinoj) [I'd Become a Scholar if Taught... Is a Young Scholar's Family a Benefit of a Burden? (Based on the Biographies of the Physicist A. A. Glagoleva-Arkadieva and the Historian of Physics O. A. Staroselskaya-Nikitina)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 77–98. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_77. EDN: RNQOFG

References

1. Gavrilova, YE. V., Ushakov, D. V., Yurevich, A. V. (2015) *Translyatsiya nauchnogo opyta i lichnostnoye znaniye* [Translation of scientific experience and personal knowledge]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 9. Pp. 28–35. (In Russ.)

2. Pchelov, YE. V. (2023) *Nauchnyye ottsy i deti: istoricheskaya genealogiya na sluzhbe sovremenosti* [Scientific fathers and children: historical genealogy in the service of modernity]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life:

History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, April 6-8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. Pp. 233–238. (In Russ.)

3. Pushkareva, N. L. (2023) *Libido scientifica (vospitatel'n-yye praktiki v sem'yakh rossiyskikh uchenykh 1950–1980-gg.)* [Libido scientifica (educational practices in the families of Russian scientists in the 1950s and 1980s)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life: History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, April 6-8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. Pp. 254–260. (In Russ.)

4. Rosin, YA. A., Malkin, V. B. (1987) *Lina Solomonovna Shtern. 1878–1968* [Lina Solomonovna Shtern. 1878–1968]. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ.)

5. *Arhiv Rossijskoj akademii nauk* [Archives of the Russian Academy of Sciences] (hereinafter – Arhiv RAN). F. 641. Op. 6. D. 122.

6. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskvyy* [Central State Archives of Moscow] (hereinafter – CGA Moskvyy). F. 363. Op. 4. D. 7302.

7. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 134.

8. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 139.

9. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 124.

10. Volkova, K. A. (1948) *Aleksandra Andreyevna Glagoleva-Arkad'yeva. 1884–1945* [Aleksandra Andreyevna Glagoleva-Arkad'yeva. 1884–1945]. *Glagoleva-Arkad'yeva A. A. Sobraniye trudov* [Collection of works]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Pp. 5–32. (In Russ.)

11. Valkova, O. A. (2008) «*Sovetskaya strana dolzhna znat' svoikh uchenykh*»: *materialy k biografii A. A. Glagolevoy-Arkad'yevoy (1884–1945)* ["The Soviet country should know its scientists": materials for the biography of A. A. Glagoleva-Arkadieva (1884–1945)]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology]. No. 1. Pp. 136–148. (In Russ.)

12. Valkova, O. A. (2017) *Prepodavaniye ili nauka: nelegkiy vybor doktora i professora A. A. Glagolevoy-Arkad'yevoy (1884–1945)* [Teaching or science: the difficult choice of Doctor and Professor A. A. Glagoleva-Arkadieva (1884–1945)]. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 5. Pp. 100–108. (In Russ.)

13. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 122a.

14. Vavilov, S., Ioffe A. (1947) Prof. A.A. Glagoleva-Arkadieva. *Nature*. No 159. Pp. 296–297.

15. CGA Moskvyy. F. 363. Op. 4. D. 24209.

16. Archive RAN. F. 350. Op. 3. D. 315.

17. *Nauchnyj Arhiv Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova RAN* [Scientific Archives of the S. I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences]. F. 8.

18. Starosel'skaya, O. A. (1915) *Kondorse kak sotsiolog* [Condorcet as a sociologist]. Moscow. (In Russ.)

19. Valkova, O. A. (2012) *Professional'naya kar'yera sovetskoy zhenshchiny-uchenoy: na materialakh biografii O. A. Starosel'skoy-Nikitinoy* [The professional career of a soviet woman scientist: based on the materials of the biography of O.A. Staroselskaya-Nikitina]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen* [Women and men in the context of historical change]. Proceedings of the Fifth International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and IEA RAS, October 4–7, 2012, Tver', Moscow. Vol. 2. Pp. 502–505. (In Russ.)

20. Valkova, O. A. (2012) *Stareyshaya sotrudnitsa IIYET: zametki k biografii O.A. Starosel'skoy-Nikitinoy* [The oldest employee of IIET: notes to the biography of O. A. Staroselskaya-Nikitina]. *IIYET RAN Godichnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 80-letiyu II-YET RAN, 2012* [IIET RAS Annual scientific conference dedicated to the 80th anniversary of IIET RAS, 2012]. Moscow. Vol. 1. Pp. 136–139. (In Russ.)

21. Arhiv RAN. F. 425. Op. 2. D. 218.

22. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1946) *Ocherki po istorii nauki i tekhniki perioda frantsuzskoy burzhuaznoy revolyutsii 1789–1794* [Essays on the history of science and technology during the French Bourgeois Revolution 1789–1794]. Moscow; Leningrad. (In Russ.)

23. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1962) *Pol' Lanzheven [1872–1946]* [Pol' Lanzheven [1872–1946]]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

24. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1963) *Istoriya radioaktivnosti i vozniknoveniya yadernoy fiziki* [The history of radioactivity and the emergence of nuclear physics]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

25. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1967) *Ernest Rezerford. 1871–1937* [Ernest Rezerford. 1871–1937]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

*Статья поступила в редакцию 02.10.2024
Одобрена после рецензирования 28.01.2025
Принята к публикации 03.02.2025*

Крестьянский мир глазами земского начальника

П. С. Кабытов, Е. П. Барина

В статье на основе законодательного акта «Положение о земских начальниках», делопроизводственной документации и воспоминаний участников событий представлена характеристика взаимоотношений крестьянского мира – сельской поземельной общины – с земскими начальниками. Отмечаются пробелы в законодательстве: были нечетко прописаны функции и компетенции земских начальников, что негативно сказалось как на реализации их должностных обязанностей, так и оценках их деятельности в периодической печати представителями различных слоев населения и политических партий. Доказано, что во многом эффективность работы земских начальников зависела от их опыта административной деятельности, образования и личных качеств. В центре внимания анализ взаимоотношений земских начальников Ставропольского уезда Самарской губернии А. Н. Наумова и Саратовского уезда Саратовской губернии В. Н. Михалевского с крестьянскими общинами. Деятельность А. Н. Наумова была направлена на создание инфраструктуры, обеспечивающей интенсификацию земледельческого производства. В. Н. Михалевский применял традиционные репрессивные методы. Подчеркивается роль С. А. Панчулидзева в урегулировании конфликтной ситуации в Саратовском уезде.

Ключевые слова: Александр III, Положение о земских начальниках, Самарская губерния, Саратовская губерния, А. Н. Наумов, В. Н. Михалевский, С. А. Панчулидзев, крестьянские общины.

Для цитирования: Кабытов П. С., Барина Е. П. Крестьянский мир глазами земского начальника // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 99–112. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_99. EDN: SCRLUC

Введение

Российский император Александр III 12 июля 1890 г. утвердил «Положение о земских начальниках», в котором определялось правовое пространство их деятельности. Им были предоставлены административные и судебные функции для реализации контроля за всеми органами крестьянского управления¹. Это «Положение» шло в русле внутренней политики царя, который считал необходимым осуществлять патернализм по отношению к сельской поземельной общине и, по сути, существенно ограничивал самостоятельность органов крестьянского самоуправления.

Законодатель уделил внимание кадровому составу института земских начальников. В «Положении» указывалось, что должность земского начальника имели право занимать местные потомственные дворяне не моложе 25 лет. Отмечалось, что на эту должность могли претендовать лица, у которых был стаж не менее трех лет исполнения обязанности предводителя дворянства, или имеющие высшее образование, либо трехлетний стаж в должности мирового посредника, мирового судьи, непременного члена присутствия по крестьянским делам и владеющие имуществом не менее чем на семь тысяч рублей². Земские начальники назначались правительством. Они получали статус чиновников VI класса. Очень часто эта должность была либо началом карьеры молодого дворянина, закончившего университет, либо последним местом службы, своеобразным финалом.

В дореволюционной историографии административная и судебная деятельность земских начальников чаще всего оценивалась негативно, что было обусловлено политическими взглядами авторов и развернувшейся в периодической печати дискуссией о миссии земского начальника в уезде. Лидеры консервативного дворянства отмечали роль земских начальников как посредников между властью и обществом [1, с. 29–34]. В российских либеральных изданиях публиковались статьи, авторы которых подвергали острой критике деятельность земских начальников. Прежде всего их обвиняли в бездействии и произволе, негативно оценивали совмещение административных и судебных функций [2]. Острые критики было направлено и на то, что земские начальники в своей практической деятель-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 9. № 6196. С. 514–515.

² Там же. С. 510.

ности использовали дисциплинарные взыскания без принятия судебных решений, что квалифицировалось как произвол с их стороны по отношению к должностным лицам сельской администрации и рядовым крестьянам [3]. Эта критика стала основой концептуальных воззрений как для лидеров радикальных политических партий и течений, так и для авторов советских научных трудов, в которых земские начальники оценивались как «невежественные, ограниченные и весьма далекие от гуманных представлений люди...» [4, с. 43]. Основное внимание они уделяли критике института земских начальников в контексте негативной оценки правительственной политики Александра III [5–6]. Данная точка зрения все еще присутствует и в современной историографии [7; 8, с. 47–50].

Вместе с тем в большинстве современных исследований авторы отошли от негативных оценок деятельности земских начальников. В них отмечается, что институт земских начальников состоял не только из «Митрофанушек» и «банды отставных офицеров», как их оценивал В. И. Ленин [9, с. 87]. В нем были представлены и чиновники, которые стремились оказывать крестьянам содействие в решении их правовых и хозяйственных проблем. Отметим, что в конце XIX – начале XX в. среди поместного дворянства была популярна идея сословной службы, которая понималась как «общественное служение», как деятельность, направленная на развитие крестьянского населения, улучшение его хозяйственного и культурного быта [10, с. 73–74].

Современными российскими историками проанализирована административная и судебная деятельность земских начальников в различных регионах страны¹, их роль в системе местного управления [11–12], политической жизни страны [8; 13–14], правоохранительной системе [15–17], практики взаимоотношения с крестьянским миром [18–19]. Предпринята попытка показать их деятельность с точки зрения социального регулирования отношений в крестьянской общине, уездных и губернских учреждений [20–22], взаимоотношения с сельской администрацией [23]. Не-

¹ Турьянов М. М. Институт земских начальников в конце XIX – начале XX вв. и его региональные особенности: дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2007. 202 с.; Звонцова А. В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. – начале XX в.: по материалам Тульской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2006. 286 с.; Башкирева Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 280 с.; Мамонт Е. В. Земские начальники Самарской и Уфимской губерний в 1891–1914 гг.: направления деятельности и социальный облик: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2017. 36 с. и др.

однозначность оценки института земских начальников в отечественной историографии обуславливает актуальность изучения практической деятельности отдельных его представителей.

Анализ взаимоотношений крестьянского мира и земских начальников возможно осуществить, используя как законодательные документы и делопроизводственную документацию [24], так и воспоминания и записки дворян, исполнявших эту должность [25–27]. Различия в оценке общей канвы событий связаны чаще всего с эмоциональным контекстом восприятия тех или иных событий, или различной интерпретацией участниками событий исторической реальности.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа комплекса источников выявить различия в административных практиках взаимодействия земских начальников с сельскими общинами и определить проблемные точки в их взаимодействии. В статье представлены два типичных примера деятельности уездных земских начальников, которые доказывают необходимость анализа кадрового состава института земских начальников для определения эффективности деятельности системы местного управления в изучаемый период.

Результаты

Анализ исторической информации о практической деятельности земских начальников, которая содержится в документальном комплексе, позволяет выявить факторы, влияющие на характер их взаимоотношений с сельской общиной. Прежде всего отметим некоторые пробелы в самом «Положении». Законодатель нечетко прописал функции и компетенции земского начальника, что порождало «индивидуальность» этой должности, т. е. фактическое исполнение обязанностей чиновника напрямую зависело от образования, опыта административной службы и его личных качеств. Именно эти факторы влияли на эффективность управленческой деятельности земских начальников и характер их взаимоотношений с крестьянским миром. Приведем типичные примеры как позитивных взаимоотношений крестьянского мира и земского начальника, так и негативных.

Отметим, что чувство сословной исключительности было характерно практически для всех дворян. Они в конце XIX и в начале XX в. по инерции оценивали крестьянство не иначе как

«бедное», «дикое», «темное», «малограмотное», «невежественное». Не были исключением и земские начальники, которые полагали, что главным результатом их деятельности должна быть помощь «запутавшемуся в сложных земельных неурядицах, далекому от правовой правды и должной защиты» сельскому населению [25, с. 187]. Многие из них приезжали в деревню с предвзятой мыслью «подтянуть мужика», «поднять его культурный и хозяйственный быт». Причем они традиционно считали, что различного рода запреты и наказания являются лучшей воспитательной мерой по отношению к крестьянам [26, с. 2; 27, с. 54]. Подобный патерналистский подход диктовался не только системой представлений, впитанных в результате воспитания, но зачастую непониманием проблем крестьянского мира.

Для А. Н. Наумова, выпускника Императорского Московского университета, земского начальника Ставропольского уезда Самарской губернии в 1893–1897 гг. эта должность была первой в служебной карьере. В структуру его земского участка входили четыре огромные волости – Ново-Буянская, Мусорская, Ново-Бинарадская и Старо-Бинарадская, в которых проживало многонациональное население, ранее составлявшее удельное крестьянство. «В общей массе все это был народ работающий, – вспоминал А. Н. Наумов, – трезвый, зажиточный, благодаря исключительно благоприятным условиям их землепользования» [25, с. 188].

Далее он так определял свои должностные обязанности: «Церковь, школа, семья, сиротство, суд, защита личная и общественная – все это требовало со стороны земского начальника ежечасной заботы, быстрого решения, разумного совета или руководственного подсказа» [25, с. 198]. Среди крестьянских правонарушений доминировали массовые самовольные порубки леса и потравы лугов. А. Н. Наумов констатировал, что большинство этих протестных действий крестьян были направлены против собственности казенного и удельного ведомств, которые «вчиняли [крестьянам – авт.] огромное количество судебно-уголовных дел». Освоив в течение первого года службы практику административной деятельности, земский начальник А. Н. Наумов разработал и приступил к реализации планомерной программы упорядочения наиболее важных сторон правовой и бытовой жизни сельского населения. Прежде всего, он лично подобрал кадры для замены состава волостных судей, председателей суда

и заведующих судопроизводством. Новым было и то, что земский начальник в общении как с крестьянами, так и с судьями объяснял им азы российского судопроизводства.

Полицейско-фискальная деятельность земских начальников заключалась в наблюдении за мирскими капиталами, контролем за опекой, борьбе с браконьерством. А. Н. Наумов стремился реформировать и эту область взаимоотношений власти и крестьян. Он установил контроль за реализацией общественных приговоров по учету сиротского имущества. Вместе с тем он смог разрешить конфликт между крестьянами и казенным ведомством, которое применяло к заарендовавшему «Алтай-Гору» товариществу требование круговой ответственности по взысканию с него причитавшегося выборочного платежа. А. Н. Наумов, ознакомившись с многочисленными жалобами крестьян, заинтересовался проблемами крестьянского землепользования [25, с. 192]. Он отмечал несправедливую политику казенного ведомства, которое наложило арест на урожай хлебов как исправных, так и задолжавших плательщиков. В итоге урожай по сути уже не был пригоден для употребления. Тем не менее ведомство оставалось «неизменно глухим к раздававшимся справедливым воплям об отпуске хлеба тем из арендаторов, которые аккуратно вносили в общую кассу причитавшиеся с них арендные деньги» [25, с. 193–194]. Вмешательство земского начальника помогло крестьянам разрешить этот конфликт.

Пытаясь упорядочить крестьянское землепользование, А. Н. Наумов инициировал создание инфраструктуры, которая способствовала интенсификации земледельческого производства: было открыто три прокатных пункта сельхозинвентаря, целенаправленно велась пропаганда научных передовых сельскохозяйственных агроприемов [24]. Как известно, земским начальникам вменялось попечение о хозяйственном благоустройстве, нравственном «преуспевании» крестьян. Содействие развитию народного образования также находилось в компетенции земского начальника и органов крестьянского самоуправления. Сельские сходы выделяли на образование значительные средства. Уездное земство поддерживало их начинания: открывало народные библиотеки, помогало строительству школ.

Земские начальники осуществляли контроль за проведением в жизнь постановлений губернского земского собрания,

которые способствовали предотвращению эпидемий, оказанию помощи крестьянам в голодные годы. Но чаще всего действия земского начальника носили противоречивый характер и не встречали поддержки в крестьянской среде, что обуславливало рост социальных противоречий в российской деревне.

Особенно ярко это проявлялось в практике взаимоотношений земских начальников с должностными лицами крестьянского самоуправления. Стремление земских начальников установить жесткий контроль за деятельностью органов крестьянского самоуправления воспринимались ими чаще всего негативно. А. Н. Наумов отмечал, что «действительными хозяевами деревни были волостные и сельские писаря». И далее он писал: «Выборы на какую-нибудь общественную должность, жеребьевка на пользование землей, земельные переделы, получение в аренду "выморочных душ", волостная земельная тяжба – все это сопровождалось взяточничеством» [25, с. 221]. Пытаясь предотвратить злоупотребления при отводе земельных наделов, А. Н. Наумов стал принимать участие в работе сельских сходов, на которых он предлагал ввести новую систему распределения земельных наделов. Его система предусматривала распределение земли на каждую душу мужского и женского пола, что явно нарушало традиции.

В том случае если земский начальник имел авторитет у крестьян, то к его предложениям участники сельских сходов прислушивались. В противном же случае, староста, волостной старшина, писарь и местные богачи нередко имели более реальные рычаги воздействия на принятие решений сельских сходов, нежели земский начальник. Крестьяне традиционно продолжали считать дворянина – земского начальника чужим. Он оставался для них «барином», которого они по инерции, на всякий случай, опасались.

Иногда действия сельской администрации дискредитировали деятельность земского начальника. Так, в с. Николаевское (Николаевский городок) Саратовской губернии старшина и урядник на протяжении нескольких лет избивали конфликтующих с ними крестьян. Дела разбирались у земского начальника, который пытался «решать дело миром». Однако ненаказуемость сельской администрации привела к тому, что крестьяне «потеряли всякую надежду на спра-

ведливое разрешение конфликта» земским начальником и перестали ему жаловаться [28, л. 1].

В 1909 г. один из крестьян, Герасим, обладающий недюжинной силой, попытался самостоятельно «поставить на место» зарвавшееся начальство. Конфликт имел предысторию. Незадолго до него, Герасим, узнав об очередном избитом крестьянине, сказал старшине: «На дураков вы нападаете, я бы всю волостную вашу разнес». Затем старшина Василий Иванович Николаев попытался использовать ссору Герасима с корчмарем и привлечь его к ответственности, несмотря на то что корчмарь не имел к нему претензий. Герасим был достаточно здоровым и сильным человеком, поэтому бить он его опасался. Апогей конфликта разгорелся на свадьбе, когда урядник и старшина отняли гармонь, а Герасим не совсем деликатно потребовал вернуть ее гармонисту. Оскорбившись, урядник и старшина посадили Герасима на два дня в арестантскую при волостном правлении, предварительно сильно избив. После своего освобождения, он, выпив водки для храбрости, ходил по селу с мечом-кладенцом (самодельной лопаткой – авт.) и грозил избить старшину и урядника. Узнав об этой угрозе, старшина инициировал созыв сельского схода, на котором предложил сослать Герасима в Сибирь. А когда крестьяне отказались принимать это решение, избил связанного Герасима, что сильно возмутило крестьян. В этой связи сход принял ходатайство об увольнении от должности старшины и урядника и о привлечении их к уголовной ответственности за нанесение побоев [28, л. 3].

Однако крестьянская администрация предприняла меры для дискредитации Герасима и принятия сельским сходом «нужного для себя» решения. С этой целью старшина заручился поддержкой части зажиточного крестьянства, а также вызвал к исправнику тех крестьян, которые активно на него жаловались. Он стал запугивать их ссылкой в Сибирь, а также оговорил их перед земским начальником. Поручик запаса, земский начальник Владимир Николаевич Михалевский возглавлял участок с 1900 г., постоянно проживал в с. Чардым Елшанской волости Саратовского уезда. Очевидно, он не желал вступать в конфликт с крестьянской администрацией.

На очередную жалобу крестьян исправник И. А. Гребенчук обещал разобраться с урядником и старшиной, однако ничего

не сделал для разрешения конфликта, а лишь «сильно ругался» на жалобщиков. Тогда сельский староста и инициативная группа крестьян дважды попытались объяснить позицию сельского схода земскому начальнику В. Н. Михалевскому, который, не слушая их доводов, потребовал от старосты решения схода на ссылку Герасима. На возражения крестьян, что Герасим «смирный» и их просьбу предоставить распоряжение о ссылке, «иначе старики не поверят и не составят приговор», земский начальник сначала «сильно бранился, грозился приехать в Николаевское и всех перепороть». Но видя противодействие схода, он все же попытался уговорить крестьян «составить приговор о ссылке Герасима» [28, л. 4–5]. Однако крестьяне апеллировали к нормам обычного права и заявили, что «Герасим не виноват, а наказание должны понести урядник и старшина».

Земский начальник постановил арестовать пятерых крестьян, наиболее рьяно защищавших Герасима, и только жалоба крестьян губернатору, а также вмешательство губернского гласного Саратовского уезда, военного историка С. А. Панчулидзева, который опубликовал описание ситуации в периодической печати, спасло Герасима от ссылки в Сибирь [28, л. 5]. Вместе с тем вмешательство С. А. Панчулидзева и его жалоба на незаконные действия Саратовской уездной полиции прокурору Саратовского окружного суда были негативно восприняты губернской администрацией, которая сочла его действия оскорбительными для Саратовской уездной полиции. Заступничество за крестьян послужило поводом для возбуждения против него обвинения, проведения следственных мероприятий. В результате вскрылись и другие неблагоприятные действия уездной полиции и сельской администрации, что стало причиной оправдания С. А. Панчулидзева [29; 30].

Обсуждение и выводы

В качестве своеобразного эталона поведения земского начальника выступает деятельность Александра Николаевича Наумова, который после окончания юридического факультета Императорского Московского университета приступил к исполнению должности земского начальника в Ставропольском уезде Самарской губернии. Ему не был свойственен формализм. Он не только установил контакты с органами крестьян-

ского самоуправления, но и стремился решать возникающие конфликтные ситуации. А. Н. Наумов инициировал разработку программы, суть которой сводилась к модернизации крестьянского земледельческого производства.

Примером неэффективной деятельности земского начальника стали взаимоотношения с крестьянами Саратовского уезда Саратовской губернии В. Н. Михалевского, которые привели к обострению противоречий между коронной администрацией и крестьянским миром. Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что для того, чтобы выявить роль института земских начальников, необходимо провести комплексное исследование его кадрового состава и деятельности с тем, чтобы показать позитивные и негативные стороны взаимодействия земских начальников, как с крестьянским миром, так и с органами местного самоуправления.

Список литературы

1. Пазухин А. Д. Современное состояние России и словосный вопрос / сост. Р. А. Евтехов, А. В. Топычканов, И. Н. Стрекалов. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. 224 с. EDN: UDKTPW
2. Калужная О. В. Институт земских начальников в оценке журнала «Вестник Европы» в конце XIX – начале XX в. // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 12. – С. 52–56. DOI: 10.30853/mns200555. EDN: IZVKOO
3. Арсеньев К. К. Словосное начало в местном управлении и самоуправлении // Вестник Европы. – 1887. – № 4. – С. 802–831.
4. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1979. 288 с.
5. Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. 178 с.
6. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 422 с.
7. Лаптева Л. Е., Немытина М. В., Михеева Ц. Ц. Земство и мировой суд в России: организация публичной власти на местном уровне // Былые годы. – 2019. – № 54(4). – С. 1679–1691. DOI: 10.13187/bg.2019.4.1679 EDN: OJZNMP
8. Гинев В. Н. Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа // Петербургский исторический журнал. – 2015. – № 4(8). – С. 47–64. EDN: VMGEFL
9. Ленин В. И. Крепостники за работой // Ленин В. И. Полное собрание сочинений М.: Политиздат, 1959. Т. 5. С. 87–92.
10. Барина Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с. EDN: SFXNFF
11. Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861–1917). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. 398 с. EDN: QOUNHT
12. Сорокин А. А. Дискуссии об избирательных правах должностных лиц крестьянского самоуправления в земстве в конце XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 16–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V330 EDN: EYEFVN
13. Бузанова Н. А. Роль земских участковых начальников Тамбовской губернии в политической жизни страны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 24. – № 183. – С. 186–192. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-183-186-192. EDN: XYIZCC

14. Porter T. E. Prince George E. L'vov: The Zemstvo, Civil Society, and Liberalism in Late Imperial Russia. – Lanham: Lexington Books, 2017. – 257 p.

15. Бузанова Н. А. Земские начальники как объект контроля (на примере Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 22. – Вып. 3 (167). – С. 121–128. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-121-128. EDN: YPRXPZ

16. Ахмедов Ч. Н. Земские участковые начальники в правоохранительной системе Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014 – № 1(61). – С. 27–33. EDN: SFDXFF

17. Ильясова С. А., Петренко Н. И., Смирнов И. Н. Организационно-правовые аспекты правоохранительной деятельности крестьянской общины во второй половине XIX века // Вестник Российского университета кооперации. – 2019. – № 1(35). – С. 130–132. EDN: CYFWSW

18. Андрианов А. А., Петроничева Е. М. Институт земских начальников как элемент социального регулирования в оценках дореволюционной историографии // Смутные времена начала XVII–XX столетий и опыт их преодоления в исторической судьбе России: сборник материалов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / ред. Е. М. Петроничева и др. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2020. – С. 172–182. EDN: UYWNXL

19. Волков А. П., Галдобина С. В. Сельский сход второй половины XIX века, как орган самоуправления крестьян (некоторые аспекты функционирования) // Вестник Екатеринбургского института. – 2021. – № 4 (56). – С. 143–148. EDN: THKDXL

20. Попов В. Б. Введение и функционирование института земских начальников в Оренбургской губернии // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – Вып. 7 (182). – С. 63–68. EDN: VAUPDZ

21. Свиридов И. С. Влияние института земских участковых начальников на крестьянское самоуправление // Ключевские чтения-2020. Народ и власть: материалы Международной научной конференции молодых ученых / отв. ред. В. Е. Воронин. – М.: ООО «Издательство "Спутник+", 2021. – С. 230–234. EDN: XEKGVB

22. Чуканов И. А. Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX – начало XX в.) // Право и образование. – 2009. – № 2. – С. 134–137. EDN: KCLFMJ

23. Попп И. А. Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 185–203. DOI: 10.15826/q.2022.1.666. EDN: DWMTTX

24. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 663. Оп. 3. Д. 191.

25. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевичкой, 1954. Т. 1. 377 с.

26. Новиков А. Записки земского начальника. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 240 с.

27. Васильчиков И. В., кн. То, что мне вспомнилось. М.: Олма-ПРЕСС, 2002. 189 с.

28. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1652. Оп. 1. Д. 16.

29. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 17.

30. РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 18.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50 %

The Peasant World through the Eyes of a Zemstvo Chief

Petr S. Kabytov, Ekaterina P. Barinova

The article, based on the legislative act 'Provision on zemstvo chiefs', office records and memoirs of the participants of the events, characterizes the peasant world relationship between the rural land community and zemstvo chiefs. Gaps in the legislation are noted: the functions and competences of zemstvo chiefs were not clearly specified, which negatively affected both the implementation of their official duties and the evaluation of their activities in the periodical press by representatives of various segments of the population and political parties. It is proved that in many respects the effectiveness of the institute of zemstvo chiefs depended on their administrative experience, education and personal qualities. Main attention is paid on the analysis of relations between the zemstvo chiefs of Stavropol district of Samara province A. N. Naumov and Saratov district of Saratov province V. N. Mikhalevsky and peasant communities. It is proved that the effectiveness of the activity of zemstvo chiefs depended on their administrative practices in co-operation with peasants. The activity of A. N. Naumov was aimed at creating an infrastructure to ensure the intensification of agricultural production. V. N. Mikhalevsky used traditional repressive methods. The role of S. A. Panchulidzev in resolving the conflict situation in Saratov uyezd is emphasised.

Key words: Alexander III, Provision on zemstvo chiefs, Samara province, Saratov province, A. N. Naumov, V. N. Mikhalevsky, S. A. Panchulidzev, peasant communities.

For citation: Kabytov, P. S., Barinova, E. P. (2025) Krest'yanskij mir glazami zemskogo nachal'nika [The Peasant World through the Eyes of a Zemstvo Chief]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 99–112. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_99. EDN: SCRLUC

References

1. Pazuhin, A. D. (2020) *Sovremennoe sostoyanie Rossii i soslovnyj vopros* [Modern state of Russia and the class question]. Eds. R. A. Evtekhov, A. V. Topychkanov, I. N. Strekalov. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova (In Russ.) EDN: UDKTPW
2. Kalyuzhnaya, O. V. (2020) *Institut zemskih nachal'nikov v ocenke zhurnala «Vestnik Evropy» v konce XIX – nachale XX v.* [Institute of zemstvo chiefs in the assessment of the journal "Herald of Europe" in the late 19th – early 20th century]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 13. No. 12. Pp. 52–56. (In Russ.). DOI: 10.30853/mns200555 EDN: IZVKOO
3. Arseniev, K. K. (1887) *Soslovnoe nachalo v mestnom upravlenii i samoupravlennii* [The class principle in local government and self-government]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. No. 4. Pp. 802–831. (In Russ.)
4. Pirumova, N. M. (1979) *Zemskoe liberal'noe dvizhenie. Social'nye korni i evolyuciya do nachala XX veka* [Zemstvo liberal movement. Social roots and evolution up to the beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Zaharova, L. G. (1968) *Zemskaya kontrreforma 1890 g.* [Zemstvo counter-reform of 1890]. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
6. Zajonchkovskij, P. A. (1970) *Rossijskoe samodержавie v konce XIX stoletiya: (Politicheskaya reakciya 80-h – nachala 90-h godov)* [Russian autocracy at the end of the 19th century: (Political reaction of the 80s – early 90s)]. Moscow: Mysl. (In Russ.)
7. Lapteva, L. E., Nemytina, M. V., Miheeva, C. C. (2019) *Zemstvo i mirovoj sud v Rossii: organizaciya publichnoj vlasti na mestnom urovne* [Zemstvo and the world court in Russia: the organization of public power at the local level]. *Bylye gody* [Bilye gody]. No. 54 (4). Pp. 1679–1691. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2019.4.1679 EDN: OJZNMPS8
8. Ginev, V. N. (2015) *Zemskie nachal'niki: ob"ektivnaya neobходимость ili reakcionnaya kontrreforma* [Zemstvo chiefs: objective necessity or reactionary counter-reform]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal]. No. 4 (8). Pp. 47–64. (In Russ.) EDN: VMGEFL
9. Lenin, V. I. (1959) *Krepostniki za rabotoj* [Serfs at work]. In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works Collection]. Moscow: Politizdat. Vol. 5. Pp. 87–92. (In Russ.)

10. Barinova, E. P. (2008) *Rossiiskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: ekonomicheskij status i sociokul'turnyj oblik* [Russian nobility in the early 20th century: economic status and socio-cultural image]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.). EDN: SFXNFF

11. Bogatyreva, O. N. (2004) *Evoluciya sistemy mestnogo upravleniya v Vyatskoj i Permskoj guberniyah (1861–1917)* [Evolution of the system of local government in Vyatka and Perm provinces. (1861–1917)]. Ekaterinburg: Ural University Press. (In Russ.). EDN: QOUNHT

12. Sorokin, A. A. (2024) *Diskussii ob izbiratel'nykh pravakh dolzhnostnykh lic krest'yanskogo samoupravleniya v zemstve v konce XIX veka* [Discussions on the Electoral Rights of Peasant Self-Government Officials in the Zemstvo in the Late 19th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. Vol. 24. No. 2. Pp. 16–26. (In Russ.). DOI: 10.37482/2687-1505-V330 EDN: EYEFVN

13. Buzanova, N. A. (2019) *Rol' zemskih uchastkovykh nachal'nikov Tambovskoj gubernii v politicheskoj zhizni strany* [Role of zemstvo district chiefs of Tambov province in the political life of the country]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Tambov University. Series: Humanities]. Vol. 24. No. 183. Pp. 186–192. (In Russ.). DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-183-186-192. EDN: XYZCC

14. Porter, T. E. (2017) *Prince George E. L'vov: The Zemstvo, Civil Society, and Liberalism in Late Imperial Russia*. Lanham: Lexington Books. (In English.)

15. Buzanova, N. A. (2017) *Zemskie nachal'niki kak ob"ekt kontrolya (na primere Tambovskoj gubernii)* [Zemstvo chiefs as an object of control (on the example of Tambov Province)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Tambov University. Series: Humanities]. Vol. 22. No. 3 (167). Pp. 121–128. (In Russ.). [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-3\(167\)-121-128](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-121-128) EDN: YPRXPZ

16. Ahmedov, CH. N. (2014) *Zemskie uchastkovye nachal'niki v pravoohranitel'noj sisteme Rossijskoj imperii* [Zemstvo district chiefs in the law enforcement system of the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 1 (61). Pp. 27–33. (In Russ.). EDN: SFDXFF

17. Il'yasova, S. A., Petrenko, N. I., Smirnov, I. N. (2019) *Organizacionno-pravovye aspekty pravoohranitel'noj deyatel'nosti krest'yanskoy obshchiny vo vtoroj polovine XIX veka* [Organizational and legal aspects of law enforcement activities of the peasant community in the second half of the 19th century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii* [Vestnik of the Russian University of Cooperation]. No. 1 (35). Pp. 130–132. (In Russ.) EDN: CYFWSW

18. Andrianov, A. A., Petronicheva, E. M. (2020) *Institut zemskih nachal'nikov kak element social'nogo regulirovaniya v ocnkah dorevolucionnoj istoriografii* [Institute of zemstvo chiefs as an element of social regulation in the assessments of pre-revolutionary historiography]. *Smutnye vremena nachala XVII–XX stoletij i opyt ih preodoleniya v istoricheskoy sud'be Rossii. Sbornik materialov po itogam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Troubled Times of the Early 17th – 20th Centuries and the Experience of Overcoming Them in the Historical Destiny of Russia. Collection of materials on the results of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. Ed. by E. M. Petronicheva et al. Vladimir: Publ. and printing company "Transit-ICS". Pp. 172–182. (In Russ.) EDN: UYWNXL

19. Volkov, A. P., Galdobina, S. V. (2021) *Sel'skij skhod vtoroj poloviny XIX veka, kak organ samoupravleniya krest'yan (nekotorye aspekty funkcionirovaniya)* [Rural assembly of the second half of the 19th century as a body of self-government of peasants (some aspects of functioning)]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute]. No. 4 (56). Pp. 143–148. (In Russ.). EDN: THKXDX

20. Popov, V. B. (2015) *Vvedenie i funkcionirovanie instituta zemskih nachal'nikov v Orenburgskoj gubernii* [Introduction and functioning of the institute of zemstvo chiefs in the Orenburg province]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. No. 7 (182). Pp. 63–68. (In Russ.) EDN: VAUPDZ

21. Sviridov, I. S. (2021) *Vliyanie instituta zemskih uchastkovykh nachal'nikov na krest'yansko samoupravlenie* [Influence of the institute of zemstvo district chiefs on peasant self-government]. *Klyuchevskie chteniya-2020. Narod i vlast'. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodykh uchenykh. Sbornik nauchnykh trudov* [Klyuchevskie readings-2020. People and power. Materials of the International Scientific Conference of Young Scientists. Collection of scientific papers]. Ed. V. E. Voronin. Moscow: Sputnik+ Publishing House. Pp. 230–234. (In Russ.). EDN: XEKGVB

22. CHukanov, I. A. (2009) *Uchastkovye zemskie nachal'niki i ih rol' v regulirovanii pravootnoshenij krest'yanskogo obshchinnogo samoupravleniya v rossijskoj dorevolucionnoj derevne (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [District zemstvo chiefs and their role in the regulation of legal relations of peasant communal self-government in the Russian pre-revolutionary village (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education]. No. 2. Pp. 134–137. (In Russ.). EDN: KCLFMJ

23. Popp, I. A. (2022) *Volostnoj pisar' v sudebnoj byurokratii: mify i real'nost' poreformennoj Rossii* [Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. Vol. 10. No. 1. Pp. 185–203. (In Russ.). DOI: 10.15826/qv.2022.1.666 EDN: DWMTTX

24. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti* [Central State Archive of Samara region]. F. 663. Op. 3. D. 191.

25. Naumov, A. N. (1954) *Iz ucelevshih vospominanij. 1868–1917* [From surviving memoirs. 1868–1917]. New York: Publ. A. K. Naumova and O. A. Koussevitskaya. Vol. 1. (In Russ.)

26. Novikov, A. (1899) *Zapiski zemskogo nachal'nika* [Zapiski zemstvo chief]. St. Petersburg: Tipography of M. M. Stasyulevich. (In Russ.)

27. Vasil'chikov, I. V., kn. (2002) *To, chto mne vspomnilos'* [What I remembered]. Moscow: Olma-PRESS. (In Russ.)

28. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1652. Op. 1. D. 16.

29. RGIA. F. 1652. Op. 1. D. 17.

30. RGIA. F. 1652. Op. 1. D. 18.

Об авторах

Кабытов Петр Серафимович, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2359-2155

Баринава Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация; e-mail: rfzn25@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2514-9421

About the authors

Kabytov Petr S., Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Samara National Research University, Samara, Russian Federation; e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2359-2155

Barinova Ekaterina P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History and Historiography, Samara National Research University, Samara, Russian Federation; e-mail: rfzn25@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2514-9421

Статья поступила в редакцию 27.06.2024

Одобрена после рецензирования 22.11.2024

Принята к публикации 18.12.2024

Буфет Государственной думы Российской империи в 1906–1907 гг.: от второстепенного ресторана к политическому клубу

Н. В. Некрасов

В данной статье освещается деятельность буфета Государственной думы Российской империи в 1906–1907 гг. С одной стороны, он рассматривается как типичное для начала XX в. заведение ресторанного типа с достаточно высокими ценами на кушанья и напитки и довольно бедственным, фактически бесправным положением служащих. Однако уникальное расположение буфета при Государственной думе – первом в истории России представительном учреждении, повлекло за собой целый ряд конфликтов. Депутаты были недовольны высокими ценами при посредственном качестве продуктов, вследствие чего Распорядительная комиссия Государственной думы регулярно предъявляла претензии содержанию буфета А. А. Ломачу. Последний был вынужден пойти на ряд невыгодных для себя компромиссов, а в конечном итоге расторгнуть контракт. Также депутаты, в частности представители социал-демократической фракции, озаботились положением служащих буфета, организовав ряд проверок и даже своеобразное парламентское расследование. С другой стороны, в статье прослеживается процесс становления думского буфета как альтернативной площадки для депутатского взаимодействия и как уникального элемента парламентской повседневности в целом.

Ключевые слова: буфет Государственной думы, I Государственная дума, II Государственная дума, история повседневности, парламентская повседневность, история ресторанного дела в России.

Благодарности: автор выражает благодарность заведующему кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. Герцена, д. и. н., профессору А. Б. Николаеву и заведующей научно-вспомогательной библиотекой СПб ГБУК «ГМЗ «Гатчина» Е. М. Григоревой за помощь в подготовке данной статьи.

Для цитирования: Некрасов Н. В. Буфет Государственной думы Российской империи в 1906–1907 гг.: от второстепенного ресторана к политическому клубу // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 113–131. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_113. EDN: RDEIAR

Введение

Изучение повседневных практик депутатов Государственной думы Российской империи – одно из перспективных направлений в современной историографии российского парламентаризма. В его рамках объектом внимания исследователей все чаще становятся кулуарные пространства Таврического дворца, в частности думский буфет, включавший в себя, помимо чайного буфета, также ресторан и целый ряд хозяйственных помещений. Так, И. В. Лукоянов в обзорном труде «У истоков Российского парламентаризма» отмечал скромное меню думского ресторана, а также посредственное качество питания при довольно высоком уровне цен [1, с. 138–139]. О. А. Патрикеева рассмотрела буфет Думы как «зону рискованного предпринимательства», а также уделила внимание личности и деятельности содержателя буфета – А. А. Ломача [2, с. 143–148]. Не обошла вниманием думский буфет и историк петербургской кухни Ю. Б. Демиденко, обрисовав его как достаточно специфический и во многом новый для своего времени тип предприятия общественного питания [3, с. 203].

Цель настоящего исследования – рассмотрение буфета Государственной думы не только как предприятия общепита, но и как важного элемента повседневности российских парламентариев начала XX в. В связи с этим были привлечены новые источники (в частности, материалы периодической печати), затронуты сюжеты, по тем или иным причинам оставшиеся вне внимания исследователей. Хронологические рамки исследования охватывают период от начала подготовки Таврического дворца к думским заседаниям (конец 1905 г.) до роспуска II Государственной думы в июне 1907 г.

Результаты

Подготовка к открытию будущего буфета началась еще в конце декабря 1905 г., когда был подписан контракт с купцом 2-й гильдии Августом Августовичем Ломачем [4, л. 6 об.]. Опытный и солидный ресторатор, Ломач неоднократно и с «полным успехом» выполнял различные хозяйственные поручения общегосударственного масштаба. В частности, он был одним из организаторов обеда в Большом Кремлевском дворце, состоявшегося в день коронации императора Александра III. За

активное участие в подготовке XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде Ломач получил звание потомственного почетного гражданина, а за создание отделения Императорского российского общества спасения на водах в Лахте – серебряную медаль «За усердие» и орден Св. Станислава 3-й степени [2, с. 144].

Условия контракта по содержанию буфета, подписанного Ломачем, были достаточно выгодными, отмечает О. А. Патрикева [2, с. 144]. Дрова, освещение, воду и кухонное оборудование обеспечивала казна. Содержатель на свои средства закупал белье и посуду, нанимал прислугу, обеспечивал ее чистой и единообразной одеждой. Помимо этого, он обязывался следить за вежливым обращением прислуги с посетителями и поддерживать чистоту, порядок и тишину во всех помещениях буфета. Содержатель имел право поселить в эти помещения не более девяти служащих. Мог поселиться и сам, что Ломач, судя по документам, и сделал [4, л. 20 (об.)]. Провизию содержатель был обязан поставлять вполне доброкачественную и в надлежащем количестве. Прейскурант на кушанья и напитки Ломач составлял сам, но утвердить его должны были лица, уполномоченные Думой. Они же устанавливали суммы штрафов за возможные нарушения. Также буфетчик был обязан внести залог в размере 500 р., но от налогов и податей освобождался [5, л. 1].

Тем не менее, несмотря на благостные начальные обстоятельства, процесс организации буфета буквально сразу натолкнулся на проблемы, следствием которых стал целый ряд конфликтных ситуаций.

Первой такой проблемой стала неопределенность с открытием Государственной думы, а следовательно, и буфета. С 15 по 27 апреля 1906 г. оно переносилось несколько раз как по политическим причинам, так и ввиду затянувшегося ремонта Таврического дворца [2, с. 145]. Из-за этих переносов Ломач потерпел большие убытки, раньше времени наняв служащих и кормя их [4, л. 20 об.]. Весь инвентарь он также закупил заранее, но его размещению препятствовало то, что в помещениях, предназначенных для кухонь и кладовых, еще находились временные слесарные и водопроводные мастерские [4, л. 11]. Так, 14 апреля Ломач сообщал, что еще не получил помещения в полном порядке и ходатайствовал о дополнительной мебели, в частности

столах и стульях для чайного буфета, а также диванах, зеркалах и растениях для помещений ресторана [4, л. 11, 13]. В конечном итоге работы по достройке буфета были закончены только к торжественному открытию I Думы 27 апреля 1906 г. [6].

Согласно данным, приводимым О. А. Патрикеевой, думский ресторан занял восемь помещений общей площадью 58 кв. саженей (бывшая квартира княжны С. И. Шаховской). Чайный буфет же расположился дальше по коридору, ближе к залу заседаний [2, с. 144]. В период работы II Государственной думы буфет включал в себя 11 помещений с уже гораздо большей общей площадью в 136 кв. саженей, а также кухню (22, 5 кв. саж.) и помещения для прислуги (20 кв. саж.) [7, л. 47]. Штат служащих был достаточно обширен, доходя до 70–80 человек. В 1906 г. он включал в себя двух главных поваров, 14 поваров, пять мужиков, семь судомоек, трех мальчиков, 26 официантов, метрдотеля, двух контролеров, кладовщика, конторщика, артельщика, управляющего и двух буфетчиков – пивного и водочного [4, л. 22]. Архивные документы сохранили имена некоторых из этих служащих. Так, в думском буфете работали официанты Махамет-Алим, Шариф и Касом Аиповы, Хасан Куришкин, Закир Таканаев [5, л. 3]. Официанты «из татар» были обычным явлением в ресторанах того времени: они не пили спиртного, были аккуратны и исполнительны [3, с. 66; 9, с. 687].

А. А. Ломач пытался совершенствовать оформление и оборудование думского ресторана. Так, на свои собственные средства он оборудовал аквариум для живой рыбы. Подобные аквариумы были во множестве петербургских ресторанов, порой они выполняли не только утилитарные, но и эстетические функции (как в ресторанах «Аквариум», «Аркадия» и т. п.) [8, с. 17, 34]. Было ли так же в думском ресторане, не ясно. Из архивных документов можно выяснить, что находился аквариум в общем проходе, ведущем в чайный буфет, и Ломач ходатайствовал об отделении аквариума маленьким коридорчиком ввиду сильного движения по проходу и невозможности «хранить посуду» [4, л. 33]. Ломач также хлопотал об установке в буфете телефона, «в котором была большая нужда», но была ли его просьба удовлетворена – документы умалчивают [4, л. 17].

Меню думского ресторана не отличалось особыми изысками, и в основном включало в себя достаточно простые и питатель-

ные блюда, характерные для русской кухни. Из горячих блюд предлагались бульон с гренками, борщ с говядиной и пирожками, щи, рассольник, биток с картофелем и сметанным соусом, телячья отбивная с гарниром, шницель по-венски, бифштекс с гарниром, пожарская котлета с бобами, рябчик в сметане с солеными огурцами, солянка из рыбы, судак по-польски и др. Из холодных блюд в меню были окрошка, ботвинья с осетриной, осетрина с хреном или в соусе провансаль, ростбиф, салат из ершей с соусом провансаль, салат «Майонез» из дичи. В качестве закуски подавались кулебяка, разнообразные пирожки и бутерброды, свежая икра. Из сладкого буфет предлагал мороженое, пирожные, свежие фрукты и ягоды. Из безалкогольных напитков предлагались кофе со сливками, чай, молоко, квас, лимонад и нарзан. Алкоголь был представлен более скромно: водка (маленькими и большими рюмками) и пиво (в бокалах и бутылках) [5, л. 8]. Курить в помещениях ресторана и буфета воспрещалось.

Главным предметом недовольства думцев стали цены на кушанья и напитки. В связи с этим интересно провести параллель с современностью, ведь цены в столовой Государственной думы Российской Федерации неоднократно привлекали внимание СМИ и общественности. Так, еще недавно было распространено мнение, что цены на «депутатские яства» необыкновенно низкие, почти демпинговые, что резко контрастировало с ценами в обычных заведениях общепита¹. В начале XX в. ситуация была иная – цены в думском буфете были вполне «ресторанские». Так, на 13 июня 1906 г. обед из трех блюд обходился в 75 к., а вместе с кофе – в 1 р. [5, л. 8–9], что соответствует средней цене на обед без напитков в таких первоклассных ресторанах Петербурга как «Вена» и «Доминик» [9, с. 928]. Рублевый обед, но без кофе, можно было заказать в ресторане «Палкин» [10, с. 221]. Для сравнения, в столовых для бедных служащих или студентов можно было получить приличный обед за куда меньшую цену в 15–20 к. [11, с. 126], поэтому неудивительно, что депутаты, значительную часть которых составляли небогатые крестьяне, оказались недовольны такой ценовой политикой, а распорядительная комиссия Государственной думы не утвердила предложенный содержанием преysкурант, предложив

¹ См., напр.: Косинцева Т. Депутат показала еду в столовой Госдумы на видео [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/09/its/> (дата обращения: 20.04.2024).

снизить цены до 60 к. за завтрак из двух блюд или обед из трех блюд и 70 к. за обед из трех блюд с кофе. На отдельные блюда комиссия предлагала снизить цены на 5–10, а то и на 30–40 к. [5, л. 18]. В качестве положительного примера распорядительная комиссия предоставила Ломачу экземпляр меню ресторана при Красносельском театре, в котором фигурировал, в частности, обед из четырех блюд (суп, два вторых блюда и десерт) всего за 50 к. [5, л. 26]. Идя навстречу пожеланиям комиссии, Ломач устроил особый буфет с отпуском чая порциями по 30 к. и полупорциями по 15, а с 23 мая предложил устраивать общий стол (*table d'hôte*), где дешевый обед из трех блюд по цене не дороже 75 к. подавался бы в особом зале за большим столом на 100 или 200 персон, но при условии, чтобы обед был единовременно, а время и число обедающих объявлялось бы заранее, хотя бы за час до подачи [5, л. 24]. Однако распорядительная комиссия, регулярно рассматривая предложенные Ломачем цены, находила их слишком высокими и не утверждала, предлагая снизить их еще на 5–10, а в некоторых случаях и на 20–30 к. [5, л. 18].

Ломач со многими требованиями об удешевлении был не согласен. Он ссылаясь на дороговизну провизии, которую, по его словам, закупал только самую лучшую, равно как и посуду; на неравномерность работы буфета и его одновременные посещения сотнями депутатов, что требовало заблаговременной покупки провизии и приготовления кушаний, а также содержания «огромного» штата служащих, который, однако, был занят лишь во время перерывов заседаний, остальные же в это время бездействовали, и жалование им за это короткое время не окупалось и поглощало ежемесячно большие суммы [5, л. 31, 31 об.]. Далеко не все из депутатов ежедневно посещали буфет, поэтому провизия и готовые блюда портились. Также буфетчик сетовал на высокие подготовительные расходы (более 12 тыс. р.), которые тоже сильно отразились на ценах. Сколь-нибудь прибыльной Ломач признавал лишь продажу чая и кофе [5, л. 24].

Так, 23 июня Ломач представил новый прейскурант, в котором цена на обед из двух блюд за общим столом снизилась до 60 к. и на 5–10 к. на некоторые горячие блюда, рыбные и холодные закуски [5, л. 20]. Дальнейшее снижение цен, по словам Ломача, было равносильно его разорению.

Распорядительная комиссия, однако, посчитала и эти цены завышенными и не утвердила прейскурант. Ломач был возмущен тем, что комиссия не желает принять во внимание изложенные им обстоятельства и предписывает ему производство торговли лишь на ей угодных условиях. В своем ответном письме он отметил, что комиссия могла бы выработать надлежащие цены только при более подробном и точном ознакомлении со всем ходом дела в буфете, а «не заочно в канцелярии» [5, л. 31–32].

Следующим камнем преткновения между буфетчиком и думацами стало качество подаваемых кушаний. Так, 24 мая 1906 г. за обедом в буфете членам Думы Н. А. Огородникову, А. И. Мухлынину, В. Е. Строганову и В. Н. Радакову были поданы испорченные цыплята, о чем они и уведомили распорядительную комиссию, отметив, что обеды в буфете отличались как недоброкачеством продуктов, так и плохим приготовлением [5, л. 6].

Распорядительная комиссия постановила оштрафовать буфетчика на 10 р. по жалобе депутатов и на 15 р. по протоколу комиссии, всего 25 р. в трехдневный срок [5, л. 16а]. Ломач, однако, попытался оспорить это решение, утверждая, что комиссия лишила его возможности представить доказательства «его исправности» [5, л. 17].

Еще одна группа депутатов (Н. А. Бородин, М. П. Араканцев, Л. Н. Новосильцев, Т. И. Седельников, С. К. Кондрашук, М. С. Мокрунов и др.) в своем обращении от 3 июля 1906 г. обращала внимание на «вопиющие неудобства в хозяйственной и распорядительной стороне думского обихода», большая часть которых относилась к работе буфета: высокие цены, «плохая постановка всего дела». Депутаты подчеркивали, что «если нельзя заставить понизить цены и поставить лучше дело ввиду заключенных с буфетчиком условий, то необходимо немедленно озаботиться открытием столовой по соседству с помещением Думы, если в самом дворце комитет не найдет для этой цели подходящего места» [5, л. 34].

Следует отметить, что подобная альтернативная, «народная» столовая в здании Думы действительно появилась. Инициатором её создания выступила переписчица при стенографическом бюро Лидия Валериановна Григорьева. Новое заведение должно было удовлетворить чаяния рядовых служащих думской канцелярии – машинисток, стенографов, не имевших

времени ни готовить завтраки утром, ни ходить в дорогу и чрезмерно удаленную от их рабочего места столовую Ломача. По настоятельной просьбе Лидии Валериановны секретарь Думы Д. И. Шаховской предоставил ей площадку лестницы, ведущей на антресоли, где поставили стол и стул [12, л. 7]. Чай, по словам Григорьевой, столующиеся поначалу пили из единственного общего стакана. Функционировал этот импровизированный буфет «на манер финляндского»: участник вносил 20 к. и пользовался всем, что было в наличии. Однако даже при таких, более чем скромных условиях, заведение Григорьевой стало популярно среди служащих думских канцелярии, типографии и казначейства, Телеграфного агентства и даже среди работников столовой Ломача [12, л. 7 об.]. Число участников выросло до 40 человек. Благодаря хлопотам Л. В. Григорьевой «народная столовая» получила новое помещение на антресоли, с проведенным электричеством и возможностью пользоваться одной из плит Таврического дворца. Появилась наемная прислуга в количестве семи человек, стали готовиться обеды. Были установлены цены: стакан чая с сахаром – 2 к., стакан кофе – 5 к., бутерброд – 5 к. [12, л. 8]. Для сравнения, в столовой Ломача стакан чая обходился уже в 10 к., а стакан кофе – в 20 [5, л. 8–9]. Выгодную «народную столовую» стали посещать даже сам Д. И. Шаховской и другие члены Думы [12, л. 8]. На «пике» своей деятельности столовая Григорьевой обслуживала до 150 человек ежедневно [12, л. 10].

А. А. Ломач не преминул подать жалобу на новоявленного конкурента в распорядительную комиссию. Однако там ответили буфетчику, что он должен был заблаговременно обратиться по этому поводу к секретарю Думы, сама же она не имеет возможности судить о влиянии, которое вторая столовая оказывает на работу заведения Ломача [4, л. 24, 27].

Еще одна конфликтная ситуация возникла в связи с бедственным положением служащих буфета.

Не секрет, что ресторанная прислуга начала XX в. зачастую влачила довольно жалкое существование. Официантам и половым платили по 8–10 р. в месяц. Ни в одном другом промысле, как отмечает Л. Я. Лурье, таких мизерных заработков не встречалось [13, с. 106]. Случалось, что рядовые официанты и вовсе не имели оклада как такого, и могли надеяться только

на чаевые от посетителей. В свою очередь, сами официанты вносили хозяину ежемесячный залог в 25 р. за питание, комнату и возможный бой посуды [14, с. 86].

Эти черты, типичные для многих заведений, были характерны и для думского ресторана. Оклад служивших в нем официантов составлял 10 р. в месяц – верхняя граница вышеприведенного типичного заработка [4, л. 27 об.]. Меньший оклад был только у судомоек – 7 р. [4, л. 22]. Залог, как и в других заведениях, составлял 25 р. [4, л. 27 об.]. Питание, которое Ломач обеспечивал официантам, включало в себя суп, второе блюдо и чай с белым хлебом [4, л. 27 об.]. Сами работники, однако, находили питание отвратительным и жаловались на разного рода притеснения [5, л. 3, 3 об.]. Так, 19 мая 1906 г. на имя председателя Государственной думы С. А. Муромцева поступила жалоба от шести уволенных официантов, утверждавших, что Ломач уволил их незаслуженно и без всякого объяснения причин. Уволенные служащие просили председателя устроить расследование «беспорядков, творимых Ломачем» и улучшить их бедственное положение [5, л. 3, 3 об.].

В жалобе от 23 мая официанты сообщали, что Ломач задерживал им выплату жалованья и регулярно изымал часть чаевых в счет возможной убыли ресторанного инвентаря. От даваемых же Ломачем кушаний работники нередко заболели и потому предпочитали от них воздерживаться [5, л. 4, 4 об.].

7 июня члены Думы – врачи В. И. Долженков, М. А. Квасков, И. В. Свежинский и А. А. Андреев, осмотрели помещение для буфетной прислуги, кухню и провизию. Помещение для женской прислуги находилось в темной, низкой и очень душной комнате, в которой из-за печки для варки кофе и чая стояла невероятная жара. Для мужской прислуги помещения не было вовсе, работники ютились по углам. Все служащие жаловались на головную боль и крайне невкусную и недоброкачественную пищу, получаемую от буфетчика. Кухня – большая светлая комната – содержалась в чистоте, но моечная, в которой обедала прислуга, была весьма тесной, узкой и содержалась неопрятно. Приготовленный для прислуги мясной суп с крупой был мутный, неприятного темного цвета, что, по мнению членов комиссии, было признаком несвежести мяса. Потемневшее, с неприятным запахом мясо было обнаружено и в кладовой. По словам повара,

оно должно было пойти в пищу прислуге на следующий день [5, л. 7, 7 об.]. Врачи также изучили кулебяку, выданную прислуге на завтрак, и обнаружили ее «негодной к употреблению ввиду гнилостного разложения мясной начинки» [5, л. 33].

Наконец, весьма серьезный удар по положению Ломача и прибыльности его дела нанес роспуск I Думы 9 июля 1906 г. Чтобы рассчитаться с поставщиками и уволенными сотрудниками, буфетчику даже пришлось прибегнуть к займу, поэтому немудрено, что он предъявил распорядительной комиссии целый ряд финансовых претензий общей суммой в 11 805 р. [4, л. 21, 23 об.]. Комиссия отвергла ряд претензий, в частности отказалась компенсировать расходы на аквариум, который, по ее мнению, был установлен «исключительно в интересах» Ломача [4, л. 24]. Также были отвергнуты претензии буфетчика, связанные с перерывами в думской работе и ее ограниченностью четырьмя днями в неделю. Комиссия признала подлежащими компенсации лишь дни с 15 по 27 апреля. Компенсировать расходы на преждевременно нанятых служащих комиссия также отказалась, заявив, что Ломачу пришлось бы так поступить «в любом случае» [4, л. 23 об.]. В итоге комиссия согласилась возместить буфетчику только 1 325 р., из которых 500 р. полагалось уволенным служащим [4, л. 24].

Роспуск Думы лишил работы и «народную столовую». В итоге Л. В. Григорьева, так же, как и Ломач, не смогла реализовать заранее закупленные продукты и осталась должна многочисленным поставщикам. Свои убытки она первоначально оценила в 200 р., которые и были ей выданы по распоряжению Государственного секретаря 2 августа 1906 г. [12, л. 1]. Суммы этой, видимо, оказалось недостаточно, так как в сентябре того же года Григорьева вновь ходатайствовала о денежной помощи, подкрепляя свои прошения многочисленными счетами от поставщиков продуктов на общую сумму в 233 р. [12, л. 19]. Кроме того, торговцы неоднократно являлись в канцелярию Думы с просьбой об удержании долга с жалования Григорьевой [12, л. 4 (об.)].

Лидия Валериановна также написала обширную объяснительную записку на имя Государственного секретаря, в которой всячески подчеркивала свои заслуги в деле создания «народной» столовой и пассивность думского руководства в этом вопросе [12, л. 7–9].

Канцелярия Думы в лице В. А. Тарановича нашла предоставленные Григорьевой сведения сомнительными и предложила не выдавать последней очередное пособие или аванс, а непосредственно распределить средства между кредиторами от её имени. Кроме того, руководитель канцелярии Я. В. Глинка возмущался «резкими выражениями», в которых Григорьева обрисовала картину своего взаимодействия с «начальствующими лицами» и поставил под сомнение дальнейшую возможность её работы в Таврическом дворце [12, л. 20 об., 21]. Так бесславно закончилась деятельность «народной» столовой.

Между тем, вставал вопрос о работе буфета в следующую думскую сессию. Но А. А. Ломач уже был готов расторгнуть договор. В связи с этим свои услуги по содержанию буфета предлагали бывший главный повар Ломача Л. К. Астафьев (что любопытно, в свое время оставивший у него службу из-за нежелания готовить из «плохой провизии» [5, л. 29, 30]) и дворянин К. С. Гужовский [5, л. 14]. Однако, несмотря на многочисленные взаимные претензии, между Ломачем и распорядительной комиссией Думы все же был достигнут компромисс, и Ломач продолжил свое руководство буфетом и в период деятельности II Думы. Узнав об этом, газетные острословы предсказывали, что всё будет по-прежнему, и даже пирожки будут старые, оставшиеся с прошедшей сессии [12, л. 18].

Действительно, проблемы во многом остались всё те же. Так, снова сказалась специфика расписания думской работы – после открытия новой Думы 20 февраля 1907 г. Ломач на несколько дней остался без торговли, так как заседания переносились и проходили редко. К тому же ситуацию усугубил обвал потолка в думском зале, произошедший накануне заседания 2 марта, после которого заседания Думы были временно перенесены в зал Петербургского дворянского собрания. Ломач вновь безуспешно ходатайствовал о возмещении убытков за испорченную провизию и вынужденный простой, но Особая комиссия по приспособлению здания Таврического дворца для помещения Государственной думы заключила, что договор не дает ресторатору права предъявлять какие-либо претензии за перерывы думских занятий [4, л. 53, 54].

Продолжался и конфликт вокруг завышенных цен. Главными претензиями депутатов на этот раз стали высокие цены на чай

и отсутствие дешевого обеда для крестьян – «главного контингента» Государственной думы, о чем и было сказано буфетчику [15, л. 8 об.]. Ломач пытался оправдать это отдаленностью столовой от центра города, неравномерностью торговли, проходящей четыре раза в неделю, одновременным обслуживанием 200 человек, дороговизной продуктов на рынках и т. п. [15, л. 8, 8 об.] Тем не менее достичь некоторого компромисса все же удалось. При совместном с Ломачом обсуждении, комиссия постановила оставить существующие цены, но каждый день иметь простой обед из двух блюд (суп + мясное второе), снизив цену на него с 60 до 40 к., стакан чая продавать по 5 к., а булку к нему по 4 к. Прейскурант был словесно утвержден комиссией [15, л. 8 об., 12].

Положение служащих буфета в 1907 г. в лучшую сторону не изменилось, наоборот оно стало еще более тяжелым. В этот раз на их защиту выступили депутаты от социал-демократической фракции: Г. А. Алексинский, И. Р. Романов (входивший в думскую комиссию о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях), И. Ф. Голованов, А. К. Виноградов, В. А. Чашин, Н. А. Жиделев и др. Они провели собственное расследование и выяснили, что 40 официантов буфета не получают никакого жалованья, а живут исключительно подачками со стороны депутатов и других посетителей. Официанты работали по 10–13 ч в день, причем ежедневно двое из них были обязаны отбывать и ночное дежурство. В дни же, когда заседаний Думы не было, буфетчик все равно старался принудить их к уборке и другим работам. Кроме того, служащие обязаны были платить хозяину за тех товарищей, которые, будучи дежурными, не могли заработать чаевых. «Вообще, все условия их работы, как по длине рабочего дня, так и по вознаграждению за труд, представляют собой самую открытую и беззастенчивую эксплуатацию» [15, л. 10–11], – заключали депутаты и полагали, что распорядительная комиссия была обязана вмешаться в это дело и пересмотреть условия договора между буфетчиком и его служащими. Наилучшим же, по мнению депутатов, способом воздействия комиссии на положение вещей в буфете, было бы участие делегатов от служащих буфета при выработке комиссией новых условий и договора, обеспечивающих интересы этих служащих. В случае же отказа содержателя принять такие условия, комиссия должна была принять меры к передаче буфе-

та другому лицу [15, л. 11]. Был ли дан какой-то ход инициативе социал-демократов, неизвестно.

В период деятельности II Думы ее президиум и распорядительная комиссия вновь озаботились качеством продуктов. Согласно протоколу совещания членов президиума от 1 марта 1907 г. обязанности по надзору за доброкачественностью продуктов в буфете и чистотой их приготовления были возложены на заведующего врачебно-санитарной частью Государственной думы, доктора В. И. Фомилианта [16, л. 9–9 об.]. Кроме того, на заседании распорядительной комиссии 5 апреля Ломачу вновь напомнили, что он обязан поставлять провизию самую свежую и доброкачественную, а в помещении буфета иметь объявление, что в противном случае должен быть составлен акт в присутствии врача и кого-либо из членов распорядительной комиссии для наложения штрафа [16, л. 9].

Видимо, для увеличения прибыльности своего дела, Ломач просил комиссию дать разрешение на устройство небольшого чайного буфета в Екатерининском зале, между колоннами (т. е. непосредственно в кулуарах). Комиссия, однако, оставила эти вопросы открытыми до избрания распорядительного комитета и окончательного приема в его заведование хозяйственных помещений Таврического дворца [15, л. 14, 17].

К началу мая 1907 г. разногласия между Ломачем и думскими комиссиями достигли предела. Член распорядительной комиссии, депутат М. К. Попов при свидетелях сказал ресторатору, что комиссия очень рада уволить его, если тот даст письменное согласие о прекращении контракта [4, л. 56]. Ломач не стал возражать и 18 мая контракт был разорван [4, л. 61]. Новым содержанием буфета, сроком на 3 года, был утвержден Т. П. Румянцев, подписавший договор 28 мая – незадолго до роспуска II Думы [4, л. 24]. В контракт были добавлены новые пункты и обязательства: так, отныне после трех штрафов Дума могла расторгнуть договор без суда и следствия, а прејскурант должен был утверждаться распорядительной комиссией ежемесячно [4, л. 24 об.].

Помимо предоставления услуг общественного питания, думский ресторан играл в жизни депутатов и другие, не менее важные роли. Здесь, в первые дни после открытия сессии, новоиспеченные народные представители могли знакомиться друг с другом [17], а позднее, уже в ходе работы, отдохнуть от скуп-

ных и затяжных речей своих коллег. Корреспондент «Нового времени», побывавший на думском заседании 19 мая 1906 г., вспоминал, что во время утомительно долгой речи профессора Т. В. Локотя, продолжавшейся 1 ч 25 мин, почти половина депутатов ушла в буфет [18]. Когда же страсти в зале заседаний накалялись, то «чайная комната» и «столовая, похожая на зал второстепенного ресторана», превращались либо в «огромный политический клуб» [19], либо наоборот, казались местом, где «нет споров, страха, негодования», и где политические противники могли спокойно пообщаться в неформальной обстановке. Так, журналист Н. Попов описывал, как вполне мирно, за кулебякой, беседовал с лидером крайне правой П. А. Крушеваном, одним из самых одиозных и буквально демонизированных левой печатью депутатов [20]. Ввиду большого объема думской работы нередко случалось, что во время завтрака в буфете депутаты спешно обсуждали текущие вопросы дня [21, с. 366]. Так, в частности, поступали кадеты. Их лидер П. Н. Милюков не смог избраться ни в I, ни во II Думу, но, благодаря таким импровизированным совещаниям смог участвовать в деятельности фракции самым ближайшим образом [21, с. 366]. Политическим противникам Милюкова это дало повод говорить о том, что Павел Николаевич пытается «дирижировать Думой из буфета» [21, с. 366]. По отрывочным газетным сведениям, в чайном буфете заседали и крайне правые депутаты, не имевшие отдельного фракционного помещения [17].

Что касается журналистов, то в стенах буфета они общались не только с депутатами, но и с «коллегами по цеху». «У буфетной стойки разговаривал с одним из заграничных confrere'ов¹, делающих русский рубль на газетных простынях Запада», – сообщал корреспондент московской газеты «Стрела» [22]. В период работы II Думы представители исполнительной власти попытались ограничить такое взаимодействие, руководствуясь высочайше утвержденными правилами от 16 февраля 1907 г., воспрещавшими допуск посторонних лиц в «помещения, предназначенные для членов Думы»². В дни, когда не было общих заседаний, охрана перестала пропускать журналистов куда-либо, кроме бюро печати. В один из таких дней корре-

¹ Коллег, собратьев (фр.).

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. XXVII. № 28890.

спондент газеты «Товарищ» сначала был вынужден преодолеть три препятствия в виде служителей, а затем, попав, наконец, в столовую, ел бутерброд «при совершенно исключительной охране». Другие журналисты были допущены к закускам только после «пытливо-продолжительного» осмотра со стороны начальника охраны Таврического дворца барона В. Ф. Остен-Сакена [23]. Эти запретительные меры сразу нашли отражение в газетных фельетонах. Так, поэтесса О. Н. Чюмина не только высмеяла действия охраны, но и обыграла тему депутатской неприкосновенности, которую власти нередко трактовали по-своему, с одной стороны, закрывая глаза на избиение и аресты депутатов полицией, а с другой – всячески препятствуя их общению с представителями печати и населения:

Дядька. Куда?

Журналист. В буфет.

Дядька. Зачем?

Журналист. За бутербродом.

Дядька. Из Гурьевых¹ Вы что-ли родом?

Лишь их за выслугу пред истинным народом

Мы допускаем к бутербродам.

Журналист. Но я – на собственный, не на рептильный² счет.

Дядька. А, к депутатам, значит вас влечет?

Но если так, – обратно марш мгновенно!

Их личность неприкосновенна.

Коснись их журналист – он заразит как раз.

Мы изолируем их нынче от зараз [24].

Обсуждение и выводы

Подводя итоги, следует отметить, что некоторые аспекты бытования буфета Государственной думы были довольно типичны для петербургских ресторанов рубежа XIX – начала XX в.: структура, некоторые элементы обстановки, цены, тяжелое, практически бесправное положение официантов и других низших служащих. Однако расположение буфета в таком учреждении, как Первая Государственная дума повлекло

¹ Вероятно, имеется в виду Александр Николаевич Гурьев (1864-?) – экономист, публицист, видный сотрудник ряда проправительственных газет.

² В российских леволиберальных кругах начала XX в. «рептильными» называли печатные органы, получавшие негласные субсидии от правительственных фондов.

за собой целый ряд факторов, вступивших в противоречие со сложившимися реалиями ресторанного дела. Это специфическая периодичность думских занятий, допускавшая порой значительные перерывы; покупательная способность и предпочтения депутатов-крестьян, составлявших большинство в I и II Думах; более строгий врачебно-санитарный контроль, осуществлявшийся, в том числе и профессиональными врачами из самой депутатской среды.

Важной особенностью буфета Государственной думы стало приобретение им функции альтернативной площадки для текущей парламентской работы, а также для общения депутатов между собой и их взаимодействия с представителями печати. Причем, следует отметить, взаимодействия более свободного от контроля исполнительной власти, что, разумеется, не могло вызывать раздражение и противодействие последней. Кроме того, в таком кулуарном общении в рамках буфета могли сглаживаться и межпартийные противоречия, чего нельзя было сказать, например, об общих заседаниях (особенно во II Думе, заседания которой нередко сопровождались скандальными инцидентами). Любопытен также прецедент распространения на буфет правозащитной деятельности депутатов, служащий очередным подтверждением того, насколько глубоко зашла политизация буквально всех, даже сугубо служебных и бытовых сфер, окружавших деятельность российского парламентария начала XX в.

Список литературы

1. Лукоянов И. В. У истоков Российского парламентаризма. СПб.: Лики России, 2003. 413 с.
2. Патрикеева О. А. «Зона рискованного предпринимательства» – буфет Государственной думы Российской империи (1906–1917) // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11 (95). – С. 143–148. EDN: XROSVV
3. Демиденко Ю. Б. Рестораны, трактиры, чайные...: из истории общественного питания в Петербурге XVIII – начала XX века М.: Центрполиграф: СПб.: Русская тройка-СПб, 2011. 285 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1206. Д. 8.
5. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (1-й созыв). Д. 754.
6. К открытию Государственной думы / Хроника // Новое время. – 1906. – 18 апреля. – С. 4.
7. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 676.
8. Алянский Ю. Л. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб.: Аврора: Стройиздат СПб., 2003. 351 с.
9. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятельный век. Кн. 5. П–Р. / отв. ред. А. В. Терещук. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 1083 с.
10. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Молодая гвардия, 2007. 519 с.

11. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. СПб.: Лениздат, 1999. 413 с.
12. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (1-й созыв). Д. 752.
13. Лурье Л. Я. Соседский капитализм: крестьянские землячества Петербурга конца XIX – начала XX века. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 368 с.
14. Муравьева И. А. Век модерна: Панорама столичной жизни. Т. 1. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2004. 272 с.
15. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 1282.
16. РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 666.
17. В парламенте // Современная речь. – 1907. – 23 февраля. – С. 3.
18. Впечатления в Государственной думе // Новое время. – 1906. – 23 мая. – С. 3.
19. Люди и партии Второй думы // Русская окраина. – 1907. – 7 апреля. – С. 2.
20. Думские впечатления // Утро. – 1907. – 14 марта. – С. 4.
21. Милоков П. Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 1 / сост. и авт. вступ. ст. М. Г. Вандальковская. М.: Современник, 1990. 445 с.
22. Из думских кулуаров (От нашего собственного корреспондента) // Стрела. – 1907. – 9 апреля. – С. 3.
23. Дума и охрана // Товарищ. – 1907. – 27 февраля. – С. 4.
24. Неприкосновенность (Думские вариации) / Маленький фельетон // Товарищ. – 1907. – 2 марта. – С. 3.

The Russian Empire State Duma Buffet in 1906–1907: From a Second-Rate Restaurant to a Political Club

Nikolay V. Nekrasov

This article is devoted to the activities of the buffet of the State Duma of the Russian Empire in 1906–1907. On the one hand, it is considered as a quite typical restaurant-type establishment for the beginning of the 20th century, with fairly high prices for food and drinks, distress and powerlessness of employees. However, the unique location of the buffet at the State Duma, the first representative institution in the history of Russia, led to a number of conflicts. The deputies were dissatisfied with the high prices and the mediocre quality of the products, as a result of which the State Duma Administrative Commission regularly made complaints to the owner of the buffet, A. A. Lomach. He was forced to make a number of unfavorable compromises and ultimately terminate the contract. Also, deputies, in particular representatives of the Social Democratic faction, became concerned about the situation of the buffet employees, organizing a number of inspections and even a kind of parliamentary investigation. On the other hand, the article traces the process of formation of the Duma buffet as an alternative platform for parliamentary interaction and as a unique element of parliamentary everyday life in general.

Key words: Buffet of the State Duma, First State Duma of Russian Empire, Second Duma of Russian Empire, history of everyday life, parliamentary everyday life, history of restaurant business in Russia.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the head of the Department of Russian History (19th – 21st centuries) of the Herzen Russian State Pedagogical University, Doctor of Historical Sciences, Professor A. B. Nikolaev and the head of the scientific auxiliary library of the Gatchina Palace and Estate Museum E. M. Grigorieva for their assistance in preparing this article.

For citation: Nekrasov, N. V. (2025) Bufet Gosudarstvennoi dумы Rossijskoj imperii v 1906–1907 gg.: ot vtorostepennogo restorana k politicheskomu klubu [The Russian Empire State Duma Buffet in 1906–1907: From a Second-Rate Restaurant to a Political Club]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 113–131. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_113. EDN: RDEIAR

References

1. Lukoyanov, I. V. (2003) *U istokov rossijskogo parlamentarizma* [At the origins of the Russian Parliamentaryism]. St. Petersburg: Liki Rossii. (In Russ.)
2. Patrikeeva, O. A. (2016) «Zona riskovannogo predprinimatel'stva» – bufet Gosudarstvennoj dумы Rossijskoj imperii (1906–1917) ["Zone of risky business" – restaurant of the State Duma of the Russian Empire (1906–1917)]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting]. No. 11 (95). Pp. 143–148. (In Russ.). EDN: XROSVV
3. Demidenko, YU. B. (2011) *Restorany, traktiry, chajnye: iz istorii obshchestvennogo pitaniya v Peterburge XVIII – nachala XX veka* [Restaurants, taverns, teahouses: from the history of public food service in Saint Petersburg in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Centerpoligraf: St. Petersburg: Russkaya troika-SPb. (In Russ.)
4. *Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1206. D. 8.
5. RGIA. F. 1278. Op. 1 (1st sozyv). D. 754.
6. *K otkrytiyu Gosudarstvennoj dумы. Hronika* (1906) [By the Opening of the State Duma. Chronicle]. *Novoe vremya* [New Time]. 18 April. P. 4.
7. RGIA. F. 1278. Op. 1 (2nd sozyv). D. 676.
8. Alyanskij, YU. L. (2003) *Uveselitelnye zavedeniya starogo Peterburga* [Entertainment Places of Old Petersburg]. St. Petersburg: Avrora: Strojizdat. (In Russ.)
9. Tereshchuk, A. V. (2006) (ed.) *Tri veka Sankt-Peterburga. Entsiklopediya v 3 t. T. 2: Devyatnadsatij vek. Kn. 5. P-R* [Three Centuries of Saint Petersburg. Encyclopedia in 3 vols. Vol. 2: 19th century]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPBGU. (In Russ.)
10. Kurukin, E. V. Nikulina E. A. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa Eltsina* [Everyday life of russian pub from Ivan the Terrible to Boris Yeltsin]. Moscow: Molodaya gvardia. (In Russ.)
11. Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (1999) *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-h godov* [From the life of Petersburg in the 1890s – 1910s]. St. Petersburg: Lenizdat. (In Russ.)
12. RGIA. F. 1278. Op. 1 (1st sozyv). D. 752.
13. Lur'e, L. YA. (2020) *Sosedskij kapitalizm: krestyanskie zemlyachestva Peterburga kontsa XIX – nachala XX veka* [The neighbor capitalism: peasant associations of Petersburg late 19th – early 20th century]. St. Petersburg: Evropeiskij universitet v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
14. Murav'eva, I. A. (2004) *Vek moderna: Panorama stolichnoj zhizni* [The Era of Modernity: panorama of metropolitan life]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdatelstvo "Pushkinskogo fonda". (In Russ.)
15. RGIA. F. 1278. Op. 1 (2nd sozyv). D. 1282.
16. RGIA. F. 1278. Op. 1 (2nd sozyv). D. 666.
17. *V parlamente* (1907) [In the Parliament]. *Sovremennaya rech'* [Modern Speech]. 23 February. P. 3.
18. *Vpechatleniya v Gosudarstvennoj dume* (1906) [Impressions in the State Duma]. *Novoe vremya* [New Time]. 23 May. P. 3.
19. *Lyudi i partii vtoroj Dумы* (1907) [People and parties of the Second Duma]. *Russkaja okraina* [Russian Outskirts]. 7 April. P. 2.
20. *Dumskie vpechatleniya* (1907) [Impressions in the State Duma]. *Utro* [Morning]. 14 March. P. 4.
21. Milyukov, P. N. *Vospominaniya (1859–1917)* [Memoirs (1859–1917)]. In 2 Vols. Vol. 1. Moscow: Sovremennik. (In Russ.)
22. *Iz dumskih kuluarov (Ot nashego sobstvennogo korrespondenta)* (1907) [From Duma's lobby (From Our Own Correspondent)]. *Strela* [Arrow]. 9 April. P. 3.
23. *Duma i ohrana* (1907) [Duma and security]. *Tovarishch* [Comrade]. 27 February. P. 4.

24. *Neprikosnovennost' (Dumskie variatsii). Malen'kij fel'eton* (1907) [Immunity (Duma variations). Little feuilleton]. *Tovarishch* [Comrade]. 2 March. P. 3.

Об авторе

Некрасов Николай Владимирович, методист методического сектора отдела по работе с посетителями, Государственный музей-заповедник «Гатчина», Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kuminch@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0002-0891-6809

About the author

Nekrasov Nikolay V., Methodologist of the Methodological sector of the Visitor Service Department, Gatchina Palace and Estate Museum, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kuminch@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0002-0891-6809

Статья поступила в редакцию 24.04.2024
Одобрена после рецензирования 24.07.2024
Принята к публикации 10.08.2024

«Кино против водки»: санитарно-просветительный кинематограф 1920-х гг. в борьбе с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом)

Е. В. Дианова

В статье показана роль кинематографа и санитарно-просветительных фильмов в борьбе с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом); сравниваются приемы коммуникации и способы убеждения в дореволюционном фильме и советском кино. В качестве источников привлекались восстановленные киноленты «Пьянство и его последствия» (1913) и «За ваше здоровье» (1929). Санитарно-просветительные фильмы разъясняли отрицательное воздействие пьянства на трудовую деятельность и производство, выявляли негативные последствия алкогольной зависимости. Демонстрируя различные проявления социальных девиаций (пьянства и алкоголизма), они убедительно доказывали вред потребления спиртных напитков как для отдельного человека, так и для всего общества. Советская антиалкогольная кинопропаганда не только предупреждала о тяжелом исходе алкогольного делирия (белой горячки), но и предлагала пути профилактики заболевания и лечения больных. Культурно-просветительные мероприятия (лекции, беседы, киносеансы) по борьбе с этим народным бедствием сочетались с запретом и ограничением продажи спиртных напитков.

Ключевые слова: социальные девиации, пьянство, алкоголизм, санитарно-просветительный кинематограф, культурфильмы.

Для цитирования: Дианова Е. В. «Кино против водки»: санитарно-просветительный кинематограф 1920-х гг. в борьбе с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом) // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 132–157. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_132. EDN: OPXPGC

Введение

В общественной жизни России, наверное, нет другой такой проблемы, которая была бы так же актуальна (практически для всех этапов истории страны), как пьянство и алкоголизм – формы социальной девиации, порождающие в свою очередь другие социально опасные явления – хулиганство, преступность, вандализм. На фоне государственной антиалкогольной политики или при ее отсутствии периодически возникало трезвенническое движение, подразумевавшее принятие действенных мер борьбы с этими проявлениями отклоняющегося поведения.

Борьба за народную трезвость широко освещена в научной литературе. Так, еще в 1895 г. в связи с введением государственной монополии на продажу крепких спиртных напитков и для борьбы с пьянством стали образовываться правительственные учреждения – попечительства о народной трезвости, просуществовавшие до 1917 г. [1]. Работу по отвлечению народа от питейных заведений попечительства осуществляли посредством просветительства (устройство народных чтений, лекций, спектаклей, открытие библиотек, чайных). В начале XX в. разрабатывались проекты борьбы с крестьянским пьянством [2; 3]. Активисты антиалкогольного движения создали в Петербурге в декабре 1909 г. Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством [4]. Трезвенное движение 1907–1914 гг. рассматривается как реформистское в период «выбора пути» в России в этот отрезок времени [5]. Всплеск борьбы за народную трезвость наблюдался во время введения «сухого» закона [6]. В целом ученых интересует исторический опыт по проведению антиалкогольной кампании в России 1894–1914 гг. [7].

Новый этап борьбы с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом) приходится на 1920-е гг., что обусловлено отменой «сухого» закона (1925), возобновлением производства и продажи спиртных напитков. Исследователей привлекает алкогольная политика Российского государства в условиях общественных модернизаций (1894–1984) [8] и советского правительства в 1920-е гг. [9; 10]. В центре внимания оказалась как история алкогольной проблемы [11], так и «пьяная культура» в России [12]. Вызывают интерес практика потребления алкоголя в среде молодежи [13] и рабочих [14], а также причины роста алкоголизма в 1920-х гг. [15], самогоноварение и потребление алкоголя в деревне в первой трети XX в. [16; 17].

Борьба с социальными аномалиями (пьянством, алкоголизмом) и прочими антиобщественными недугами рассматривается в трудах С. Б. Лебиной [18; 19]; И. Б. Орлова [20], С. Е. Панина [21] в русле истории повседневности. Аспекты данной проблемы отражают вопросы: какое влияние на общество оказала отмена «сухого» закона при нэпе; к каким социальным последствиям приводило злоупотребление спиртными напитками с позиций концепции девиантного поведения; какие меры предпринимали общество и государство для борьбы с пьянством и алкоголизмом в 1920-е гг. Из большого количества публикаций по этой теме можно упомянуть работы Г. А. Бордюгова [22], И. Г. Иванцова [23], Т. П. Коржихиной [24], А. В. Сушко [25].

В статьях отражено санитарное просвещение населения в борьбе с пьянством и алкоголизмом в 1920-е гг. [26–27]. В антиалкогольной работе санпросвета преобладали устно-печатные методы, чему способствовало издание санитарно-просветительной литературы. Общий тираж книг и брошюр о вреде спиртных напитков, выпущенных издательством Наркомздрава РСФСР и Госмедиздатом за вторую половину 1920-х гг., составил не менее 500 тыс. экземпляров [26, с. 55]. Одним из лидеров антиалкогольного движения в данный период был врач Эммануил Исаакович Дейчман (1889–1967) [28]. Положительные отзывы получила его книга «Алкоголизм и борьба с ним» (1929) [29].

Между тем при всей широте подходов авторы почти не рассматривали или упоминали вскользь такой способ антиалкогольной пропаганды 1920-х гг. как научно-просветительный кинематограф. Восполняя данный пробел, в статье рассматриваются санитарно-просветительные научно-популярные ленты, так называемые культурфильмы, созданные для борьбы с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом).

В статье дается обзор санитарно-просветительных фильмов 1920-х гг., специально созданных для антиалкогольной пропаганды. В ходе исследования использованы различные печатные источники: материалы о создании фильма «Пьянство и его последствия» [30], брошюры, доклады, публикации, аннотации к несохранившимся фильмам 1920-х гг. О роли кинематографа в преодолении антиобщественных недугов говорилось в речах и статьях партийных деятелей – Ю. М. Ларина

[31], И. В. Сталина [32], Л. Д. Троцкого [33]; медиков Л. М. Сухаребского и А. С. Хавенсона [34–35].

Научная концепция данного исследования исходит из теории коммуникации. Для работы привлекались восстановленные киноленты «Пьянство и его последствия» (1913), «За ваше здоровье» (1929). С точки зрения визуальной антропологии данные фильмы являются важным источником информации об антиалкогольной борьбе в 1920-е гг. Методология исследования опирается на современные подходы к изучению визуальных источников, в данном случае – фильмов, выступающих также в качестве коммуникативных систем, включающих вербальные и невербальные компоненты коммуникации. Вербальными компонентами коммуникации в немом фильме выступают титры, попавшие в кадры киноскрипты (вывески, надписи, объявления), таблицы, диаграммы. Невербальный компонент коммуникации представляет собой визуальные образы. Герои фильмов вступают в коммуникацию со зрителями с помощью жестов, мимики, различных телодвижений. Поскольку режиссеры стремились показать социальный вред пьянства и алкоголизма, то выведенные на большой экран люди, опустившиеся на социальное дно, должны были вызывать брезгливость и осуждение зрителей, выполняя определенную коммуникативную функцию.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать роль кинематографа вообще и санитарно-просветительных фильмов в частности в борьбе с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом); сравнить приемы коммуникации и способы убеждения в дореволюционном и советском кино в ходе борьбы с социальными девиациями и антиалкогольной пропаганды; раскрыть замысел постановщиков при демонстрации пагубных последствий пьянства (прогулы, срыв планов на производстве, несчастные случаи, дурная наследственность); определить научный потенциал санитарно-просветительных фильмов.

Научная новизна исследования состоит в трактовке, анализе, сравнении и интерпретации информации из визуальных источников – фильмов «Пьянство и его последствия» (1913) и «За ваше здоровье» (1929). Обращение к этим источникам дало возможность использовать различные методы гуманитарных наук (исторический нарратив, историко-сравнительный метод; анализ содержания визуальных источников).

«Кино – вместо водки»

Многие партийные и общественные деятели расценивали пьянство как «наследие, оставшееся от старого времени», которое «является тяжелым грузом, замедляющим строительство социализма». Его преодоление позволит «более успешно продолжать нашу социалистическую стройку» [31, с. 15–16].

В 1920-е гг. в Советской России возникли новые причины, которые привели к росту проявлений социальной девиации (пьянства и алкоголизма). Как отмечают исследователи, с окончанием Гражданской войны в среде фабрично-заводских рабочих стали возрождаться забытые в период военного коммунизма обычаи бытового пьянства, это «обмывание первой полочки», «спрыскивание», походы в гости [10, с. 67]. В жизнь вошло правило отмечать с застольем и выпивкой старые религиозные и новые революционные праздники, семейные события (крестины, свадьбы, именины, поминки).

Так, 3 декабря 1924 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О разрешении выделки и продажи наливов, настоек, коньяка и ликерных вин крепостью не свыше 30 градусов», 28 августа 1925 г. издано постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О введении в действие Положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими». С 1 октября 1925 г. на всей территории страны (кроме ЗСФСР) допускалось изготовление хлебного вина (30-градусной водки), водочных изделий и коньяка на государственных, кооперативных и частных водочных заводах. Торговля на внутреннем рынке хлебным вином (водкой), водочными изделиями и коньяком могла производиться с соблюдением действующих законов государственными, кооперативными и частными предприятиями¹.

С расширением продажи водки и вина выросло их потребление. Вина, наливов и настоек было продано (в млн ведер) в 1923 г. – 0,8; в 1925 г. – 20,5. Выросло и потребление пива: в 1922 г. выпивалось 8,0 млн ведер, а в 1925 г. – 31,0. Если в 1925 г. среднедушевое потребление в стране составляло примерно 0,88 л абсолютного алкоголя, то в 1928 г. по РСФСР оно возросло до 3,5 л, превысив даже показатели 1913 г. «(3,4 л на сопоставимой территории)» [10, с. 63, 74].

¹ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. Отд. 1. № 57. Ст. 426.

Статистические данные ЦСУ СССР свидетельствуют о том, что по сравнению с 1922 г. расходы рабочей семьи на спиртные напитки выросли в 1927 г. в 18 раз. В РСФСР в 1924–1925 гг. в расчете на душу населения потреблялось 0,48 л алкоголя, а в 1928–1929 гг. – уже 4,18 л [19, с. 334]. С принятием постановления от 26 августа 1925 г. изменился характер пьянства. Если в 1923–1924 гг. в основном обнаруживался «пивной алкоголизм», то в 1926–1927 гг. – «водочный алкоголизм» [18, с. 13].

Естественно, пьянство и алкоголизм привели к другим проявлениям социальной девиации – хулиганству, уличной преступности, домашнему насилию. Так, уже в 1926 г. число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, возросло по сравнению с предыдущим годом в городах на 270 %, в селах – на 330 % [10, с. 75].

В сложившейся ситуации потребовалось принять срочные меры. Так, 11 сентября 1926 г. СНК РСФСР издал постановление «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы по борьбе с алкоголизмом». Народному комиссариату здравоохранения (Наркомздраву) и Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу) при участии ВЦСПС поручалось «разработать мероприятия по усилению просветительной деятельности в области алкогольного вопроса, в частности: а) ввести в программу школ всех ступеней и типов основные сведения о вреде алкоголя; б) выпустить соответствующие наглядные пособия и литературу; в) разработать план проведения антиалкогольной пропаганды в избах-читальнях, домах крестьянина, рабочих клубах, красных уголках и красных палатках»¹.

Наркомздраву и Наркомпросу давалось поручение «совместно с кино-организациями озаботиться созданием ряда фильмов как для города, так и для деревни по вопросам борьбы с самогоном и алкоголизмом вообще»². Санитарно-просветительное кино выступало как «лучший инструмент» антиалкогольной пропаганды, делая ее «общедоступной, привлекательной, вызывающейся в память» [33, с. 187].

Фильмы о вреде водки предлагалось использовать для проведения как антиалкогольных, так и антирелигиозных кампаний «в свя-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 57. Ст. 447.

² Там же.

зи с пасхальными днями» 1929 г. и церковными праздниками, когда особенно «развито пьянство и потребление алкоголя» [38, с. 4].

Одним из первых, кто обратил внимание на возможность использования кино для организации культурного досуга, был Л. Д. Троцкий. В 1923 г. в газете «Правда» была опубликована его статья «Водка, церковь и кинематограф», вошедшая позднее в его книгу «Вопросы быта». В статье выдвигалась задача кинофикации – вытеснение водки из быта рабочих с помощью кино. По мысли Л. Д. Троцкого, кино могло соперничать и с кабаком, и с церковью. Кинематограф, являясь такой же «составной частью жизни», как баня, пивная, церковь, способен удовлетворить потребности граждан в их «стремлении развлечься, поглазеть и посмеяться» [33, с. 187].

В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) И. В. Сталин выдвинул лозунг «Кино – вместо водки». В то же время работавший на хозяйском расчете кинематограф рассматривался в качестве источника денежных поступлений в бюджет городов и губерний. В Политическом отчете Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) И. В. Сталин сказал: «Я думаю, что можно было бы начать постепенное свертывание выпуска водки, вводя в дело, вместо водки, такие источники дохода, как радио и кино. В самом деле, отчего бы не взять в руки эти важнейшие средства и не поставить на этом деле ударных людей из настоящих большевиков, которые могли бы с успехом раздуть дело и дать, наконец, возможность свернуть дело выпуска водки?» [32, с. 60].

Руководители Общества борьбы с алкоголизмом полагали, что в Советской России кабаки постепенно перестанут быть главным местом отдыха пролетариев. До Революции 1917 г. «алкоголь давал забвение от тяжелой жизни». На вопрос «Почему вы пьёте?» рабочие Путиловского завода отвечали: «Мы обращаемся к алкоголю, потому что другого развлечения нет. И если есть учреждения, где можно было бы получить развлечение, то они недоступны. У нас мало книг, газет, библиотек» [36, с. 4]. Если раньше рабочий шел в кабак, потому что «дется ему некуда было», то теперь клубы, кружки, кинотеатры могут дать рабочему «здоровое и приятное развлечение» [37, с. 46].

Кинематограф относился к способам «культурно-бытового отвлечения» трудящихся от пьянства. В годы первой пятилетки для расширения киносети было выделено 150 млн р. Под кино-

театры приспособливали закрытые церкви, синагоги, подвалы больших жилых домов [31, с. 76, 77].

В 1920-е гг. любую научно-просветительную кинокартину называли культурфильмой (культурфильмом), к какому бы тематическому и жанровому подразделению она не относилась. Культурфильм считался «одним из мощных средств распространения и популяризации общих и технических знаний» [39, с. 449]. Кино передавало «знания в более живой, гибкой форме и притом такие факты и случаи, которые в обычных условиях не могут демонстрироваться», например различные опыты в специальных лабораториях. Кропотливая работа по созданию культурфильмов требовала применения особых методов.

Кинематографистам, занимавшимся созданием научно-популярных фильмов, следовало учитывать социальную остроту и значимость заявленных в них тем. При этом «тема и ее оформление должны быть усвоены средним посетителем нашего массового экрана». Хотя культурфильмы давали зрителям «какой-то круг определенных сведений, знаний» [40, с. 338], их не рекомендовалось перегружать информацией, потому что «аудитория была еще недостаточно подготовлена для целевых картин научного и производственного характера». Заботясь о занимательности культурфильмов, постановщики стремились «по возможности облекать научный материал в форму фабульного сюжета». Практика показала, что «такие фильмы воспринимаются зрителем с большим интересом» [41, с. 1]. Анонсы о выходе культурфильмов, в том числе антиалкогольных лент, печатались в «Кино-справочниках» и газете «Кино».

Санитарно-просветительные фильмы разъясняли отрицательное воздействие пьянства на трудовую деятельность, социальный вред потребления спиртных напитков. Они показывали негативное влияние алкоголя на организм человека. Советская антиалкогольная кинопропаганда не только предупреждала о тяжелых последствиях алкогольного делирия (белой горячки), но и предлагала пути профилактики заболевания и лечения алкоголиков.

«Первый удар кино по водке»

В Советской России в фонд санитарно-просветительных фильмов вошли некоторые дореволюционные киноленты, сре-

ди них вышеупомянутый фильм «Пьянство и его последствия» (1913) режиссера и сценариста А. Л. Дворецкого. Съемки фильма проводились научным отделом кинофабрики акционерного общества «А. Ханжонков и К°». Картина, обратив на себя общественное внимание, стала «первым ударом кино по водке» [35, с. 10]. К созданию фильма привлекались доктора Ф. А. Андреев и А. М. Коровин, приват-доценты А. Н. Бернштейн, Т. И. Вяземский и М. Н. Шатерников, что обусловило научную ценность данной ленты даже спустя годы. В фильме демонстрировались опыты, поставленные в физиологической лаборатории и Институте общей патологии Высших женских курсов [35, с. 10]. В роли алкоголика снимался русский актер Иван Ильич Можухин (1889–1939). В 2001 г. в НИИ киноискусства фильм частично восстановили. Экспромт-реконструкция фильма с закадровыми голосовыми комментариями позволяет понять основной замысел режиссера. Закадровый текст читают Евгений Марголит и Владимир Забродин.

Фильм начинается с объяснения сущности спиртных напитков. В первой части показаны процесс введения алкоголя в организм и физиологические последствия злоупотребления спиртными напитками. За кадром голос говорит: «Пьянство вызывает в организме целый ряд тяжелых болезненных явлений, которые объясняются ядовитыми свойствами спирта. Эти свойства вытекают из самой природы спирта». На экране демонстрируется желудок обычного человека и разлагающийся желудок пьяницы. В нем пища не переваривается, «а слепые люди пьют водку для пищеварения». Затем сравнивается печень обычного человека и печень пьяницы, последнюю можно принять за печень животного, так она сильно увеличена (гипертрофирована) или атрофирована (сморщена). «Наибольшую чувствительность к алкоголю, в смысле отравления им, обнаруживает нервная система и особенно головной мозг» [34, с. 25]. В фильме перечисляются негативные последствия пьянства: «Тут и полное притупление нравственного чувства, тут тяжелые сумерки души и утрата навсегда человеческого достоинства»¹.

Лента разворачивает картины из жизни алкоголиков, «дает различные моменты опьянения, драки и убийства» [34, с. 25]. На

¹ «Пьянство и его последствия» (1913). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/> (дата обращения: 25.06.2024).

экране возникают кадры, снятые на городской улице; показана очередь к казенке (казенной винной лавке). В очереди – опустившиеся, потерявшие человеческий облик, грязные, оборванные люди: «Словно они прикованы к этим проклятым дверям. Какие типы! Гной города, подонки всего города, смердящие и заражающие воздух, стоят в очереди к казенке»¹.

Алкоголизм не только разрушает организм пьяницы, но и наносит вред его потомству. Фильм затрагивает вопрос о влиянии алкоголя на рождаемость и наследственность, демонстрируя «длинную вереницу детей алкоголиков – идиотов, душевно и физически больных» [35, с. 9]. Титры комментируют кадры: «Ужас леденит сердце!». Это – дети пьяниц, «без вины виноватые: слабоумные, идиоты, эпилептики, водяночники, рахитики, паралитики. Проклят тот день и час, когда вы подняли ко рту первую рюмку»².

Хронические алкоголики часто болевают белой горячкой. Во время приступа «сознание все больше затуманивается, и больному начинают рисоваться разные страшные видения: скорпионы, крысы, змеи и т. п. Спасаясь от мнимых чудовищ, больной способен выскочить из окна или швырять первыми попавшимися в руки предметами» [29, с. 37]. В фильме «Пьянство и его последствия» для демонстрации приступа белой горячки, при котором в помутненном сознании пьяницы возникают черти и зеленые змии, использован прием кукольной анимации: алкоголику мерещится змий, он воочию видит, как из бутылки вылезает чертик. Кукол изготовил русский мультипликатор Владислав Александрович Старевич (1882–1965).

В 1920-е гг. считалось, что картина «Пьянство и его последствия» несколько устарела, потому что в ней дан «неправильный социальный разрез вопроса», поскольку постановщик «все время оперирует с “подонками” общества, с хитрованцами (обитателями Хитрова рынка в Москве – Е. Д.), люмпен-пролетариатом» [34, с. 25]. Однако в Советской России социальные проблемы пьянства и алкоголизма приобрели такую остроту, что этот дореволюционный фильм показывали наряду с новыми советскими кинокартинами.

¹ «Пьянство и его последствия» (1913). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/> (дата обращения: 25.06.2024).

² Там же.

«Второй удар по водке»

Выпуск советских санитарно-просветительных фильмов о вреде алкоголя стал «вторым ударом по водке» [35, с. 10]. Их производством занимались киностудии «Межрабпом-Русь», «Межрабпомфильм», «Совкино». Число антиалкогольных кинолент невелико. Ежегодно из десятков культурфильмов в лучшем случае только один фильм посвящался данной проблеме.

В 1926 г. на экраны страны вышел культурфильм «Зеленый змий» (Межрабпом-Русь); режиссер Леонид Молчанов, сценаристы Александр Тягай и Абрам Берлянд. В роли девушки снималась Вера Петровна Марецкая (1906–1978). Александр Иванович Громов (1889–?) исполнил роль крестьянина Мирошкина. Фильм раскрывал социальный вред алкоголизма и необходимость борьбы с ним. В нем показано негативное влияние пьянства на крестьянское хозяйство. Постановочные сцены «повествовали о бедах, которые могут обрушиться на крестьянина, если он злоупотребляет спиртными напитками (преступность, разрушение организма)». Картина «Зеленый змий» была сделана как монтаж киноиллюстраций и титров-тезисов со статическим материалом о вреде алкоголизма [42, с. 138].

Культурфильм «Алкоголь, труд и здоровье» также раскрывал «социальный вред и дурное влияния алкоголя». Первую часть фильма снял режиссер А. Н. Тягай на киностудии «Межрабпом-Русь» (1926), вторую часть – режиссер А. М. Дубровский на киностудии «Межрабпомфильм» (1928). Как считал Ю. М. Ларин, «главная беда от алкоголизма – это понижение производительности труда, и в силу этого – замедление нашего хозяйственного роста» [31, с. 20].

В картине показано негативное влияние алкоголя на работоспособность человека, как-то: появление преждевременной усталости, снижение внимания и, как следствие, рост прогулов и несчастных случаев на производстве. Для фильма сняли опыт, сделанный Московским институтом охраны труда: «Рабочий производит в специальной камере определенную работу (ударяет молотом по наковальне). Все его движения записываются особым пишущим прибором. Вы видите ритмически ровную кривую. Затем ему дают выпить 50 куб. сантиметров спирта, и через час он опять приступает к работе. Вы ясно можете наблюдать на ленте, записывающей его работу, как скачет “пья-

ная кривая”, как неровны его движения, как быстро наступает утомление и снижается трудоспособность» [36, с. 36]. Опыт подтверждал прямую связь между употреблением горячительных напитков и производительностью труда.

Съемки фильма проводились во время кампании за режим экономии (1926). Первая часть фильма завершалась титрами: «Режим экономии несовместим с пьянством на производстве. И нужно направить острие борьбы против самого возмутительного нарушения этого режима – пьянства» [35, с. 10–11].

В создании фильма участвовал доктор медицинских наук, профессор А. С. Берлянд, поэтому киносценарий строился на клиническом и доклиническом материале. Для второй части сделаны съемки судебно-медицинского вскрытия трупа алкоголика с целью демонстрации необратимых изменений организма человека под влиянием алкоголя. Культурфильм «Алкоголь, труд и здоровье» рекомендовался для показа лишь в городской аудитории из-за перегруженности научным материалом, что делало картину «недостаточно популярной, тяжелой, скучноватой» [34, с. 26].

Среди санитарно-просветительных антиалкогольных фильмов, выпущенных киностудией «Совкино», можно назвать ленты «Пьянство» (1927) [43, с. 37] и «Алкоголь» (1928). Для создания картины «Алкоголь» режиссер Ю. А. Геника пригласил медиков во главе с наркомом здравоохранения Н. А. Семашко. Научные опыты для доказательства ядовитых свойств алкоголя проводились в Институте патологической физиологии МГУ и Институте высшей нервной деятельности при Комакадемии. Фильм показывает последствия воздействия спирта на животных и человека. На пленку сняли операцию на желудке собаки, в который вставлена фистула, затем в желудок собаки вводился спирт, и обнаруживалось замедление процесса пищеварения. Опыт демонстрировался как на собаке, так и на алкоголике с хроническим катаром желудка [35, с. 18].

В картине выявлено пагубное влияние алкоголя на кровеносную систему. На собаках и алкоголиках демонстрировались различные расстройства в этой области. Опыты с голубями и обезьянами наглядно показывали, что алкоголь отравляет головной мозг и ведет к разрушению нервной системы, вызывает различные нервные заболевания, поражает потомство и ведет к вырождению.

В фильме указывалось, что «алкоголизм – это болезнь, алкоголики, как всякие больные, подвергаются лечению», здесь показано лечение алкоголиков стрихнином, кислородом, электризацией и другими принятыми в то время способами. Поскольку алкоголизм – это еще и социальная болезнь, то «меры борьбы с алкоголизмом должны быть также социальными» [35, с. 19]. Предлагалось выпустить вторую серию, где бы выявлялись социальные причины алкоголизма и способы борьбы с ним.

Сильной стороной картины «Алкоголь» (Совкино, 1928) считалось то, что она «беспощадно срывает все покровы с алкоголя и выявляет его перед массовой аудиторией во всей его неприкрашенной наготе». Перегрузка картины «специальным материалом научного характера в ущерб социальному и бытовому» делала ее «несколько тяжеловесной, а в некоторых местах и скучной» [35, с. 19]. Рабочей аудитории требовалась более популярная картина.

«За ваше здоровье»

По принципу чередования игровых сцен и кадров с научной информацией и статистикой снят фильм «За ваше здоровье» (Межрабпомфильм, 1929). Его режиссер А. М. Дубровский, автор сценария А. Н. Тягай и консультант Э. И. Дейчман показали пьянство в рабочем быту – «по рюмочке, за здоровье, за компанию, для праздника». В данном фильме документальные кадры совмещены со сценами игрового кино из жизни рабочей семьи. Роль рабочего исполнил киноактер Александр Петрович Чистяков (1880–1942), актриса Мария Михайловна Блюменталь-Тамарина (1859–1938) снялась в роли его матери-старушки.

Фильм начинается с постановочной картины домашнего праздника, повод – прибавление в семействе рабочего. По случаю рождения ребенка дома устроили празднование, превратившееся в рядовое пьяное застолье. В тесной комнатухе гости сидят за столом, сплошь заставленным бутылками, рядом с кроватью родильницы. После обильного возлияния глава семейства, еле держась на ногах, с угрожающим видом пускается в пляс. Его несбалансированные движения рук и ног сопровождает надпись: «Алкоголь одурманивает и возбуждает обманчивое чувство веселья»¹.

¹ «За ваше здоровье» (1929). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview> (дата обращения: 25.06.2024).

Далее в кадре возникают титры с вопросом: «Каково здоровье после алкоголя?». И тут же дается ответ: «Алкоголь действует разрушительно на все органы человеческого тела, но больше всего поражает нервную систему и мозг». Как доказательство на экране появляется клиника для душевнобольных, вслед – надпись: «Третья часть всех душевных болезней вызывается алкоголем. С увеличением потребления алкоголя растет число алкогольных сумасшествий». Затем график дает информацию о росте психических заболеваний: 1923 г. – 1 319; 1924 г. – 1 657; 1925 г. – 3 562; 1926 г. – 5 618 зафиксированных случаев¹. Среди наиболее распространенных последствий алкоголизма – алкогольный делирий, белая горячка.

В московской психиатрической клинике снималась хроника, запечатлевшая искажение сознания человека во время приступа белой горячки у пациента. Далее зрители видят знакомого нам рабочего, оказавшегося в больничной палате психиатрической клиники. Он, как говорится, «допился до “чертиков”», у него возникают зрительные, слуховые, тактильные галлюцинации. Рабочему «мерещатся крысы и гады», он пытается их схватить; он «бредит атакой», ползет по полу, стреляет из воображаемого ружья². Рост потребления алкогольных напитков, как и рост психических расстройств на почве пьянства, связан с отменой «сухого» закона и производством дешевой водки с 1925 г.

Жертвами алкоголя являются женщины и дети. В фильм «За ваше здоровье» включен инсценированный эпизод, как мать новорожденного малыша под давлением нетрезвых гостей прикладывает к рюмке с вином. И как следствие: «Молоко матери, отравленное алкоголем, вызвало заболевание и смерть ребенка». Помимо этого эпизода, на экране показаны «дети, родившиеся от родителей-алкоголиков, пораженные разного рода болезнями» [42, с. 322]. И сразу в кадре появились титры: «Неизлечимо больные идиоты и эпилептики ... благодарны на всю жизнь своим родителям. Вам, выпивающим за ваше здоровье». Вслед за показом детей с разными патологиями следует предупреждающая надпись: «У совершенно здоровых родителей в результате отравления зародыша алкоголем могут родиться больные дети»³.

¹ «За ваше здоровье» (1929). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview> (дата обращения: 25.06.2024).

² Там же.

³ Там же.

Далее демонстрируется опыт. Лаборантка просматривает куриные яйца в овоскоп, потом опускает три яйца в чашку Петри со спиртом. Вынутые из чашки три яйца помечают краской и кладут в инкубатор к другим яйцам. После всех манипуляций дается разъяснение: «Если здоровый зародыш (свежее яйцо) подвергнуть действию алкоголя и затем положить под наседку или в инкубатор, то через 20 дней из отравленного яйца появится хилый, больной цыпленок»¹. Затем сравнили слабых цыплят, вылезших из проспиртованных яиц, со здоровыми птенцами, вылупившимися из яиц, необработанных спиртом. Результаты научных экспериментов приводятся как неопровержимое доказательство пагубного влияния алкоголя на плод в чреве матери.

Санитарно-просветительные фильмы всегда затрагивали вопрос охраны здоровья на производстве, отмечая негативное влияние пьянства на трудовые процессы: «Алкоголь, разрушая здоровье, ведет к разрушению труда». Пьянство среди рабочих и кустарей является одной из главных причин низкого качества работы, невыполнения планов. Оно в 50–60 % всех случаев является причиной прогулов. В 1926–1927 гг. зафиксировано 100 тыс. прогулов в год. Из тысячи горняков не являются на работу в будни 29, после праздников – 50, после получки – 70 чел. «Еще больший, неисчислимый вред приносит алкоголь, ослабляя работоспособность». В фильме показаны опыты с участием добровольцев до и через час после употребления 75 г водки. Выпивший человек теряет способность к точным и согласованным действиям, у него нарушается координация движений, теряется чувство равновесия, понижается скорость работы. Убедительны постановочные кадры, где показано, как во время перерыва молодой рабочий распилил на троих бутылку водки, а потом упал с высоты на землю и погиб. Вывод: «В “рюмочке” гибнет людей больше, чем в океане»².

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 11 сентября 1926 г. Наркомздрав, Наркомюст и НКВД разрабатывали меры по принудительному лечению алкоголиков в невропсихиатрических и специальных учреждениях (клиники, стационары, профилактории, колонии, наркологические диспансеры). Те-

¹ «За ваше здоровье» (1929). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview> (дата обращения: 25.06.2024).

² Там же.

перь стало возможным применять меры по «принудительному вытрезвлению лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения»¹. В Ленинграде первый наркодиспансер открылся в 1927 г., в 1928 г. – второй. В Москве в середине 1929 г. работало уже 30 диспансеров [19, с. 337]. В фильм «За ваше здоровье» вставлены кадры хроники, где «пьяные дебоширы попадают для вытрезвления в московскую милицию» и сцены безобразного поведения клиентов вытрезвителей.

Одна часть фильма «За ваше здоровье» касается лечения алкоголиков в наркодиспансерах. В фильме приводится статистика, сколько больных прошло через наркологические диспансеры: в 1925 г. – 5 тыс., в 1926 г. – 9 тыс., в 1927 г. – 14 тыс., в 1928 г. – 18 тыс. человек. Показаны пациенты одного из таких заведений, слушающие лекцию о вреде алкоголя. Демонстрируются методы лечения больных: электризация, вдухание кислорода в кровеносные сосуды, гипноз и другие лечебные средства, которые «укрепляют расшатанную нервную систему алкоголиков». Индивидуальный гипнотический сеанс в качестве эксперимента провели с киноактером, исполнявшем главную роль рабочего. Врач приказал: «Смотрите на меня! Вам хочется спать и заснуть!». Киноактер А. П. Чистяков добровольно подвергся гипнозу и спал 40 минут².

Во время сна у больного путем внушения вырабатывается отвращение к алкоголю. Для полного излечения алкоголики несколько раз проходят сеансы массового гипноза. Мужчины и женщины разных возрастов получают приказ: «Всем спать! Дышите глубоко! Никакие ощущения не будут доходить до вас кроме того, что я скажу». Все больные погружаются в сон. Одному спящему мужчине протыкают железной спицей запястье на руке, он ничего не чувствует. Несколько человек получают команду: «Поднять левую руку». И все они поднимают левую руку. Доктор громко говорит: «Запомните навсегда: алкоголь – яд. Где бы вы теперь не увидели водку или пиво, вы не будете пить, вы будете чувствовать сильнейшее отвращение к алкогольным напиткам. Когда я скажу: раз, два, три, вы проснетесь! Вы будете чувствовать себя хорошо и бодро, и никогда больше не будете пить, так как алкоголь вызывает в вас отвращение!».

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 57. Ст. 447.

² «За ваше здоровье» (1929). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview> (дата обращения: 25.06.2024).

По команде гипнотизера все пациенты просыпаются. Лечение, начатое врачом в диспансере, продолжает медсестра, обследующая больного на дому¹.

Герой фильма – рабочий, возвращается на завод, он – молодец в кузнечном цехе. После работы в кассе предприятия он получает зарплату. Дома его ждут жена и мать, его ищут на улице, но рабочего нигде нет. Мать-старушка сетует: «Горбатого могила исправит...», но тут появляется рабочий с покупками, подарками для жены и матери, игрушками для детей. Его радостно встречают домочадцы. На следующий день во дворе завода устроен митинг, агитатор призывает: «Алкогольному яду нужно противопоставить настоящие культурные развлечения, создающие здоровый досуг и рождающий радостные и бодрые чувства. Вместо водки – культурный отдых». В качестве средства, способного отвлечь городских жителей от пьянства, на экране показывают парки культуры и отдыха, заводские клубы, библиотеки, спортивные игры.

Фильм заканчивается хроникой «Спартакиада СССР» (1928): зрители видят многоборье, соревнования по плаванию, футбольный матч, марш физкультурников. Бодрые, физически развитые парни и девушки дружно шагают в ногу, потому что «они не пьют за ваше здоровье»². Фильм не только показывал социальный вред алкоголизма, но и пропагандировал культурный отдых, спорт как важное средство в борьбе с пьянством.

По мнению Е. В. Шерстневой, «мероприятия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, инициированные Наркомздравом РСФСР, преследовали прежде всего долгосрочные просветительские и идеологические цели» [26, с. 55]. Что касается антиалкогольных фильмов, то их польза «не подлежит ни малейшему сомнению». Их реализм «на людей нервных и мало-подготовленных должен действовать потрясающе». Однако приходится согласиться с комментатором фильма «Пьянство и его последствия», что, к сожалению, «городские пьяницы смотреть картины не придут»³. Можно было надеяться, что они посмотрят антиалкогольные фильмы во время лекций работни-

¹ «За ваше здоровье» (1929). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/> (дата обращения: 25.06.2024).

² Там же.

³ «Пьянство и его последствия» (1913). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/> (дата обращения: 25.06.2024).

ков Общества борьбы с алкоголизмом или культурно-массовых мероприятий санпросвета в клубе.

Задача по «вытеснению водки из быта с помощью кино» была довольно трудной. К октябрю 1927 г. в стране насчитывалось около 21 тыс. торговых точек по продаже винно-водочных изделий, в том числе до 5,3 тыс. городских «водочных пунктов», на селе – около 15,5 тыс. В то же время на всю страну имелось чуть более 7 тыс. киноустановок – втрое меньше, чем пунктов торговли водкой. Культурно-общественные расходы в бюджете московских рабочих в середине 1927 г. составляли 4,2 %, а расходы на табак и алкоголь – 5,3 % [44, с. 60]. Доля от продажи спиртных напитков в государственном бюджете в 1923/24 г. составляла 2 %, а в 1927/28 г. – 12 %. В 1926/27 г. доход от реализации водки составил 500 млн руб. [45, с. 234]. В 1927/28 г. доход государства от продажи водки намечался в размере 644 млн р., а доход от кино в 1926/27 г. не превышал 20 млн р. [44, с. 60]. Достижение максимальной доходности проката и вытеснение водки с помощью кино упирались в ограниченность рынка, охватываемого городской и сельской киносетью. Да и общественно-политические задачи лозунга «Кино – вместо водки», возлагаемые на кинематограф, нередко противоречили соображениям коммерческой выгоды.

Фильм «За ваше здоровье» выпустили в период очередной антиалкогольной кампании 1928–1929 гг. Однако «борьба с пьянством в Советской России приносила больше поражений, чем побед» [45, с. 243], потому что она носила противоречивый характер. Сначала в стране отменили «сухой» закон, началось производство 30-градусной водки, а вскоре Наркомздрав стал вести борьбу с пьянством и алкоголизмом. Такая непоследовательная политика вызывала определенную реакцию в обществе. М. А. Булгаков в дневнике в ночь на 3 января 1925 г. записал ходивший по Москве анекдот: «Если бы к “рыковке” добавить “семашковки”, то получилась бы хорошая “совнаркомовка”» [46].

Водка «рыковка» была названа в честь председателя СНК СССР и РСФСР А. И. Рыкова, подписавшего постановление о производстве спирта и спиртных напитков. В то же время Н. А. Семашко, народный комиссар здравоохранения, в своей брошюре «На борьбу с пьянством» открыто заявлял: «Алкоголь – это белогвардейский полковник, который идет против нас, чтобы

сорвать все наше строительство». Нарком разъяснял пагубное влияние алкоголя на «народное здоровье», выявлял «народно-хозяйственный вред алкоголизма», разоблачал «пьяные предрассудки» [47, с. 8, 10, 12, 15, 17]. Между тем Н. А. Семашко признавал необходимость производства спиртных напитков и торговли ими, объясняя это тем, что «решили вышибать клин клином», т. е. водкой вытеснить самогон. Двусмысленность высказываний руководителя Наркомздрава и привела к появлению «семашковки».

Обсуждение и выводы

Таким образом, кинематографисты приняли участие в борьбе с социальными девиациями (пьянством и алкоголизмом), создавая санитарно-просветительные киноленты. В 1920-е гг. в целях антиалкогольной пропаганды Наркомздраву и Наркомпросу предлагалось совместно с кино-организациями выпустить на экран научно-популярные фильмы (культурфильмы) о борьбе за трезвость. Антиалкогольные культурфильмы создавались на киностудиях «Межрабпом-Русь» – «Зеленый змий» (1926), «Алкоголь, труд и здоровье» (1 часть, 1926); «Межрабпомфильм» – «Алкоголь, труд и здоровье» (2 часть, 1928), «За ваше здоровье» (1929); «Совкино» – «Пьянство» (1927), «Алкоголь» (1928). Можно отметить высокий научный потенциал санитарно-просветительных фильмов, так как в их создании принимали участие видные ученые-медики.

Культурфильмы выполняли агитационно-пропагандистскую и научно-просветительную функцию. Демонстрируя различные проявления социальных девиаций (пьянства и алкоголизма), они убедительно доказывали негативные последствия алкогольной зависимости и чрезмерного потребления спиртных напитков как для самого человека, так и для его родных и близких. Во главу угла ставился вопрос об ущербе, который наносят пьяницы производству (прогулы, срыв планов, несчастные случаи и травматизм на производстве).

Сравнивая приемы коммуникации и способы убеждения в ходе борьбы с социальными девиациями в дореволюционном и советском кино, можно отметить их сходство и различие. Дореволюционный фильм «Пьянство и его последствия» (1913) и советский культурфильм «За ваше здоровье» (1929)

имеют несколько общих черт в показе последствий алкоголизма и антиобщественных явлений. В них демонстрируются кадры хроники с реальными представителями социального дна: в первом случае – это обитатели ночлежек где-нибудь на Хитровом рынке в Москве; в другом случае – это опустившиеся граждане страны Советов. Режиссеры и сценаристы едины в показе тяжелых последствий злоупотребления алкоголем для потомства. Кадры, иллюстрирующие дурную наследственность и врожденную патологию у детей алкоголиков, никого не оставляют равнодушными. Вместе с тем в дореволюционном фильме «смердящие и заражающие воздух подонки всего города»¹ предоставлены сами себе. В культурфильме четко заявлена позиция государства, применявшего жесткие санкции по отношению к гражданам, склонным к социальным девиациям. Замысел советских постановщиков при демонстрации пагубных последствий пьянства состоял в том, чтобы показать его негативное влияние на трудовую деятельность. Все меры нормативно-правового и медицинского характера (изоляция от общества в вытрезвителе, принудительное лечение в наркодиспансере) должны были способствовать не только лечению пьяниц и алкоголиков, но и возвращению их к нормальной трудовой жизни с пользой для общества.

Культурно-просветительные мероприятия (лекции, беседы, киносеансы) по борьбе с социальными девиациями сочетались с запретом и ограничением продажи водки. Ответственность за результат антиалкогольных кампаний зачастую возлагалось на профсоюзы, комсомол, женские организации.

Список литературы

1. Шевченко И. А., Черных Е. В. Попечительства о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона» // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 426–450. EDN: KNKKAD
2. Калюжная О. В. Проекты борьбы с крестьянским пьянством в Российской империи в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 22. – № 4. – С. 5–15. EDN: HONGSJ
3. Неупокоев И. В., Федоров С. Г. Пьянство как социальная девиация и борьба за народную трезвость во второй половине XIX – начале XX в. (на примере крестьянской общины Тобольской губернии) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1 (82). – С. 146–156. EDN: QDXRSS

¹ «Пьянство и его последствия» (1913). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/> (дата обращения: 25.06.2024).

4. Емельянов С. Градус отрезвления: противоречивые решения Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством, собравшегося 110 лет назад в Санкт-Петербурге // Родина. – 2020. – № 1. – С. 62–67. EDN: NXKSJD
5. Афанасьев А. Л. Трезвенное движение как реформистское в период «выбора пути» в России в 1907–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 480. – С. 92–98. EDN: RGDVVVG
6. Лаврук П. П. «Прекратить всякую торговлю крепкими напитками...». «Сухой закон» накануне и в период Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 9. – С. 61–66. EDN: TLZYRW
7. Николаев А. В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. – 2008. – Вып. 28. – № 35 (136). – С. 60–71.
8. Богданов С. В. Алкогольная политика российского государства в условиях общественных модернизаций (1894–1984). М.: РУСАЙНС, 2020. 302 с.
9. Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона» / В. Б. Аксенов и др. М.: Пробел-2000, 2007. 476 с.
10. Такала И. Р. «За трезвый быт!»: Алкогольная политика советского государства в 1920-е годы // The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. – 2007. – № 1. – С. 55–88.
11. Такала И. Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 335 с.
12. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005. 175 с.
13. Лебина Н. Б. Рабочая молодежь и антиалкогольное движение 1920-х годов // Народная борьба за трезвость в русской истории. – Л.: Издательский отдел Библиотеки АН СССР, 1989. – С. 45–47.
14. Орлов И. Б. «Класс – он тоже выпить не дурак»: Краткий курс российского пьянства на заре советской власти // Солидарность. – 2002. – № 16. – С. 14–15.
15. Яров С. В. К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-х годах // Народная борьба за трезвость в русской истории. – Л.: Издательский отдел Библиотеки АН СССР, 1989. С. 42–44.
16. Шевченко И. А. Практика потребления алкоголя в российской деревне в первой трети XX в. // Вопросы истории. – 2022. – № 7. Ч. 1. – С. 62–69. EDN: DXHCXD
17. Литвак К. Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 74–88.
18. Лебина С. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»: Летний Сад, 1999. 316 с.
19. Лебина С. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
20. Орлов И. Б. История повседневности исторический и социологический аспекты становления. М.: Высшая Школа Экономики, 2010. 316 с.
21. Панин С. Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е годы // Социологический журнал. – 2002. – № 4. – С. 92–102.
22. Бордюгов Г. А. «Социальный паразитизм» или социальная аномалия? Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, взрослой беспризорностью в 20–30-е годы // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 60–73.
23. Иванцов И. Г. О борьбе с пьянством в среде членов ВКП(б). 1920-е – 1930-е гг. // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2013. – № 2. – С. 106–109.
24. Коржихина Т. П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х годов // Вопросы истории. – 1985. – № 9. – С. 39–47.
25. Сушко А. В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 452. – С. 160–167. EDN: RSSWM
26. Шерстнева Е. В. Санитарное просвещение и пропаганда в борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР в 1920-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2014. – Т. 22. – № 4. – С. 54–58. EDN: SMGJDL
27. Дмитриев А. Н., Пашков К. А., Паренькова О. Р. Красный санпросвет: медицина, культура, общество в 1920-е годы // Наследие веков. – 2021. – № 5. – С. 15–30. EDN: AHKKCI

28. Шерстнева Е. В. Эммануил Исаакович Дейчман (1889–1967) – один из лидеров антиалкогольного движения 20-х годов в СССР // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2015. – № 5. – С. 60–62. EDN: UYCSLT

29. Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним. Библиотека журнала «Спутник агитатора». Общество борьбы с алкоголизмом. М.: Московский рабочий, 1929. 224 с.

30. «В борьбе с народным недугом...»: Материалы к истории фильма «Пьянство и его последствия». (Публикация, предисловие и комментарии Р. М. Янгирова) // Киноведческие записки. – 2003. – № 64. – С. 230–242.

31. Ларин Ю. М. Алкоголизм и социализм. Общество борьбы с алкоголизмом. М.: Госиздат, 1929. 143 с.

32. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 года // XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 38–66.

33. Троцкий Л. Д. Водка, церковь и кинематограф // Киноведческие записки. – 2000. – № 45. – С. 185–188.

34. Сухаребский Л. М. Обзор санпросветительных кинофильм за 10 лет пролетарской революции (1917–1927). М.: Изд-во Мосздравотдела, 1928. 59 с.

35. Сухаребский Л. М., Хавенсон А. С. Кино против водки. М.-Л.: Теакинопечатъ, 1929. 24 с.

36. Сигал Б. С. Алкоголизм и молодежь. Л.: Прибой, 1930. 40 с.

37. Сигал Б. С. Алкоголь и молодежь. М.-Л.: Молодая гвардия, 1925. 50 с.

38. Список картин к проведению антирелигиозной кампании в связи с пасхальными днями. М.: Теакинопечатъ, 1929. 12 с.

39. Лебедев Н. А. Очерк истории кино СССР: немое кино (1918–1934). М.: Искусство, 1965. 582 с.

40. Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. 703 с.

41. Кино. Ежедневная газета. 1925. 28 июля.

42. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог: в 3 т. Т. 1: Немые фильмы. (1918–1935). М.: Искусство, 1961. 527 с.

43. Кино-справочник на 1927 год / под ред. Г. М. Болтянского. М.: Кинопечатъ, 1927. 224 с.

44. Пути кино: первое Всесоюзное партийное совещание по кинематографии / под ред. Б. С. Ольхового. М.: Теакинопечатъ, 1929. 465 с.

45. Орлов И. Б. Новая политика – новое веселие // Веселие Руси: градус новейшей истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: Пробел-2000, 2007. С. 223–256.

46. Булгаков М. А. Мой дневник. URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/publicistika/dnevnik-1925.htm> (дата обращения: 07.12.2024).

47. Семашко Н. А. На борьбу с пьянством. М.; Л.: Госиздат, 1926. 25 с.

«Cinema Against Vodka»: The 1920s Health Education Cinema in the Struggle with Social Deviations (Drunkenness and Alcoholism)

Elena V. Dianova

The article shows the role of cinematography and health education films in the fight against social deviations (drunkenness and alcoholism). Communication techniques and methods of persuasion in pre-revolutionary and Soviet cinema are compared. The restored films "Drunkenness and Its Consequences" (1913) and "To Your Health" (1929) were used as sources. Health education films explained the negative impact of drunkenness on work and production, and revealed the negative consequences of alcohol addiction. Demonstrating various manifestations of social deviations (drunkenness and alco-

holism), they convincingly proved the harm of alcoholic beverages for both an individual and the entire society. Soviet anti-alcohol cinema propaganda not only warned about the severe outcome of alcoholic delirium (delirium tremens), but also suggested ways to prevent the disease and treat patients. Cultural and educational events (lectures, talks, film screenings) to combat this national disaster were combined with the prohibition and restriction of the alcoholic beverages' sale.

Key words: social deviations, drunkenness, alcoholism, health education cinema, cultural films.

For citation: Dianova, E. V. (2025) «Kino protiv vodki»: sanitarno-prosvetitel'nyj kinematograf 1920-h gg. v bor'be s social'nymi deviaciyami (p'yanstvom i alkogolizmom) [«Cinema Against Vodka»: The 1920s Health Education Cinema in the Struggle with Social Deviations (Drunkenness and Alcoholism)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 1. Pp. 132–157. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_132. EDN: OPXPGC

References

1. Shevchenko, I. A., Chernykh, E. V. (2021) *Popechitel'stva o narodnoj trezvosti v Rossii nachala XX veka: ot vinnoj monopolii do «suhogo zakona»* [Guardianship of Public Sobriety in Russia at the Beginning of the 20th Century: From the Wine Monopoly to Prohibition]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. No. 1. Pp. 426–450. (In Russ.)
2. Kalyuzhnaya, O. V. (2022) *Proekty bor'by s krest'yanskim p'yanstvom v Rossijskoj imperii v nachale XX veka* [Projects to Combat Peasant Drunkenness in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. Vol. 22. No. 4. Pp. 5–15. (In Russ.)
3. Neupokoev, I. V., Fedorov, S. G. (2023) *P'yanstvo kak social'naya deviaciya i bor'ba za narodnuyu trezvost' vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere krest'yanskoj obshchiny Tobol'skoj gubernii)* [Drunkenness as a Social Deviation and the Struggle for Public Sobriety in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (on the example of the peasant community of the Tobolsk province)]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. No. 1 (82). P. 146–156. (In Russ.)
4. Emelianov, S. (2020) *Gradus otrezvleniya: protivorechivye resheniya Pervogo vsrossijskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom, sobravshegosya 110 let nazad v Sankt–Peterburge* [Degree of sobriety: contradictory decisions of the First All-Russian Congress on the Fight against Drunkenness, which gathered 110 years ago in St. Petersburg]. *Rodina* [Rodina]. No. 1. Pp. 62–67. (In Russ.)
5. Afanasyev, A. L. (2022) *Trezvennoe dvizhenie kak reformistskoe v period «vybora puti» v Rossii v 1907–1914 gg.* [The sobriety movement as a reformist one during the period of “choosing the path” in Russia in 1907–1914]. *Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 480. Pp. 92–98. (In Russ.)
6. Lavruk, P. P. (2019) «Prekratiť vsyakuyu trgovlyu krepkimi napitkami...». «Suhoy zakon» nakanune i v period Pervoj mirovoj vojny [“Stop all trade in strong drinks...”. “Prohibition” on the eve of and during the First World War]. *Voenno–istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. No. 9. Pp. 61–66. (In Russ.)
7. Nikolaev, A. V. (2008) *Antialkogol'naya kampaniya v Rossii 1894–1914 godov: istoricheskij opyt resheniya problemy* [Anti-alcohol campaign in Russia in 1894–1914: historical experience of solving the problem]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series 1: History]. Issue 28. No. 35 (136). Pp. 60–71. (In Russ.)
8. Bogdanov, S. V. (2020) *Alkogol'naya politika rossijskogo gosudarstva v usloviyah obshchestvennykh modernizacij (1894–1984)* [Alcohol policy of the Russian state in the context of social modernization (1894–1984)]. Moscow: RUSANNS. (In Russ.)
9. *Veseliye Rusi. XX vek: gradus novyej rossijskoj istorii: ot «p'yanogo byudzhet» do «suhogo zakona»* (2007) [Fun of Rus'. 20th century: the degree of modern Russian history: from the “drunken budget” to “prohibition”]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.)

10. Takala, I. R. (2007) «*Za trezvyj byt!*»: *Alkohol'naya politika sovetskogo gosudarstva v 1920-e gody* ["For a sober life!": Alcohol policy of the Soviet state in the 1920s]. The NEP Era: Soviet Russia 1921–1928. No. 1. Pp. 55–88. (In Russ.)
11. Takala, I. R. (2002) *Veseliye Rusi: Istoriya alkohol'noj problemy v Rossii* [Fun of Rus': History of the Alcohol Problem in Russia]. St. Petersburg: Neva Magazine. (In Russ.)
12. Bagdasaryan, V. E., Orlov, I. B. (2005) *Pitejnaya politika i «p'yanaya kul'tura» v Rossii: vek XX-j* [Drinking Policy and "Drunken Culture" in Russia: 20th Century]. Moscow: MGOU Publishing House. (In Russ.)
13. Lebina, N. B. (1989) *Rabochaya molodezh' i antialkohol'noe dvizhenie 1920-h godov* [Working Youth and the Anti-Alcohol Movement of the 1920s]. *Narodnaya bor'ba za trezvost' v russkoj istorii* [People's Struggle for Sobriety in Russian History]. Leningrad: Publishing Department of the USSR Academy of Sciences Library. Pp. 45–47. (In Russ.)
14. Orlov, I. B. (2002) «*Klass – on tozhe vypit' ne durak*»: *Kratkij kurs rossijskogo p'yanstva na zare sovetskoy vlasti* ["Class – It's Not a Fool to Drink Either": A Brief Course in Russian Drunkenness at the Dawn of Soviet Power]. *Solidarnost'* [Solidarity]. No. 16. Pp. 14–15. (In Russ.)
15. Yarov, S. V. (1989) *K voprosu o prichinah rosta alkoholizma v 1920-h godah* [On the Issue of the Causes of the Rise of Alcoholism in the 1920s]. *Narodnaya bor'ba za trezvost' v russkoj istorii* [People's Struggle for Sobriety in Russian History]. Leningrad: Publishing Department of the USSR Academy of Sciences Library. Pp. 42–44. (In Russ.)
16. Shevchenko, I. A. (2022) *Praktika potrebleniya alkogolya v rossijskoj derevne v pervoj treti XX v.* [The Practice of Alcohol Consumption in the Russian Village in the First Third of the 20th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 7, Part 1. Pp. 62–69. (In Russ.)
17. Litvak, K. B. (1992) *Samogonovarenie i potreblenie alkogolya v rossijskoj derevne 1920-h godov* [Moonshining and alcohol consumption in the Russian village of the 1920s]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history]. No. 4. Pp. 74–88. (In Russ.)
18. Lebina, S. B. (1999) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody* [Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920–1930.]. St. Petersburg: Magazine "Neva": Summer Garden. (In Russ.)
19. Lebina, S. B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to the grand style]. Moscow: New literary review. (In Russ.)
20. Orlov, I. B. (2010) *Istoriya povsednevnosti istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovleniya* [History of everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
21. Panin, S. E. (2002) «*P'yanaya*» prestupnost' v Rossii v 1920–e gody ["Drunken" crime in Russia in the 1920s]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. No. 4. Pp. 92–102. (In Russ.)
22. Bordyugov, G. A. (1989) «*Social'nyj parazitizm*» ili social'naya anomalija? Iz istorii bor'by s alkoholizmom, nishchenstvom, prostituciej, vzrosloj besprizornost'yu v 20 – 30-e gody ["Social parasitism" or a social anomaly? From the history of the fight against alcoholism, beggary, prostitution, adult homelessness in the 1920s and 1930s]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. No. 1. Pp. 60–73. (In Russ.)
23. Ivantsov, I. G. (2013) *O bor'be s p'yanstvom v srede chlenov VKP(b). 1920-e – 1930-e gg.* [On the fight against drunkenness among members of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). 1920s – 1930s]. *Nauchnyj vestnik YUzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management]. No. 2. Pp. 106–109. (In Russ.)
24. Korzhikhina, T. P. (1985) *Bor'ba s alkoholizmom v 1920-e – nachale 1930-h godov* [The fight against alcoholism in the 1920s – early 1930s]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 9. Pp. 39–47. (In Russ.)
25. Sushko, A. V. (2020) *Bor'ba s p'yanstvom v organah OGPU v Sibiri v 1920–h gg.* [The fight against drunkenness in the OGPU organs in Siberia in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 452. Pp. 160–167. (In Russ.)
26. Sherstneva, E. V. (2014) *Sanitarnoe prosveshchenie i propaganda v bor'be s p'yanstvom i alkoholizmom v SSSR v 1920-e gody* [Health education and propaganda in the fight against drunkenness and alcoholism in the USSR in the 1920s]. *Problemy social'noj gigieny, zdoravoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine]. Vol. 22. No. 4. Pp. 54–58. (In Russ.)

27. Dmitriev, A. N., Pashkov, K. A., Parenkova, O. R. (2021) *Krasnyj sanprosvet: medicina, kul'tura, obshchestvo v 1920-e gody* [Red health education: medicine, culture, society in the 1920s]. *Nasledie vekov* [Heritage of the centuries]. No. 5. Pp. 15–30. (In Russ.)
28. Sherstneva, E. V. (2015) *Emmanuil Isaakovich Deichman (1889–1967) – odin iz liderov anti-alkogol'nogo dvizheniya 20-h godov v SSSR* [Emmanuil Isaakovich Deichman (1889–1967) – one of the leaders of the anti-alcohol movement of the 1920s in the USSR]. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine]. No. 5. Pp. 60–62. (In Russ.)
29. Deichman, E. I. (1929) *Alkogolizm i bor'ba s nim. Biblioteka zhurnala «Sputnik agitatora». Obshchestvo bor'by s alkogolizmom* [Alcoholism and the fight against it. Library of the magazine "Sputnik agitatora". Society for the fight against alcoholism]. Moscow: Moskovsky rabochy. (In Russ.)
30. «V bor'be s narodnym nedugom...»: *Materialy k istorii fil'ma «P'yanstvo i ego posledstviya»*. (Publikaciya, predislovie i kommentarii R. M. Yangirova) (2003) ["In the fight against the national illness ...": Materials for the history of the film "Drunkenness and its consequences". (Publication, preface and comments by R. M. Yangirov)]. *Kinovedcheskie zapiski* [Film studies notes]. No. 64. Pp. 230–242. (In Russ.)
31. Larin, Yu. M. (1929) *Alkogolizm i socializm. Obshchestvo bor'by s alkogolizmom* [Alcoholism and Socialism. Society for the Fight against Alcoholism]. Moscow: Gosizdat. (In Russ.)
32. Stalin, I. V. (1928) *Politicheskij otchet Central'nogo Komiteta XV s"ezdu VKP(b) 3 dekabrya 1927 goda* [Political Report of the Central Committee to the XV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), December 3, 1927]. *XV s"ezd VKP(b). Stenograficheskij otchet* [XV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Verbatim Report.]. Moscow-Leningrad: Gosizdat. Pp. 38–66. (In Russ.)
33. Trotsky, L. D. (2000) *Vodka, cerkov' i kinematograf* [Vodka, Church and Cinematography]. *Kinovedcheskie zapiski* [Film Studies Notes]. No. 45. Pp. 185–188. (In Russ.)
34. Sukharebsky, L. M. (1928) *Obzor sanprosvetitel'nyh kinofil'm za 10 let proletarskoj revolyucii (1917–1927)* [Review of health education films for 10 years of the proletarian revolution (1917–1927)]. Moscow: Moszdravtodela Publishing House. (In Russ.)
35. Sukharebsky, L. M., Khavenson, A. S. (1929) *Kino protiv vodki* [Cinema against vodka]. Moscow-Leningrad: Teakinopechat. (In Russ.)
36. Sigal, B. S. (1930) *Alkogolizm i molodezh'* [Alcoholism and Youth]. Leningrad: Priboy. (In Russ.)
37. Sigal, B. S. (1925) *Alkogol' i molodezh'* [Alcohol and Youth]. Moscow-Leningrad.: Young Guard. (In Russ.)
38. *Spisok kartin k provedeniyu antireligioznoj kampanii v svyazi s paskhal'nymi dnyami* (1929) [List of films for the anti-religious campaign in connection with Easter]. Moscow: Teakinopechat. (In Russ.)
39. Lebedev, N. A. (1965) *Ocherk istorii kino SSSR: nemoe kino (1918–1934)* [Essay on the History of Cinema in the USSR: Silent Cinema (1918–1934)]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
40. *Ezhegodnik literatury i iskusstva na 1929 god* (1929) [Yearbook of Literature and Art for 1929]. Moscow: Publishing House of the Communist Academy. (In Russ.)
41. *Kino* (1925) [Cinema]. *Ezhenedel'naya gazeta*. 28 iyulya [Weekly Newspaper. July 28]. (In Russ.)
42. *Sovetskie hudozhestvennye fil'my. Annotirovannyj catalog. Nemye fil'my. (1918–1935)* (1961) [Soviet Feature Films. Annotated Catalog. Silent Films. (1918–1935)]. In 3 Vol. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
43. *Kino-spravochnik na 1927 god* (1927) [Cinema Directory for 1927]. Moscow: Kinopechat. (In Russ.)
44. *Puti kino* (1929) [The Paths of Cinema]: *pervoe Vsesoyuznoe partijnoe soveshchanie po kinematografii* [The First All-Union Party Conference on Cinematography]. Moscow: Teakinopechat. (In Russ.)
45. Orlov, I. B. (2007) *Novaya politika – novoe veselie* [New politics – new fun]. *Veseliye Rusi: gradus novejshej istorii: ot «p'yanogo byudzhet» do «suhogo zakona»* [Fun of Rus': the degree of mod-

ern history: from the “drunken budget” to the “dry law”]. Moscow: Probel-2000. Pp. 223–256. (In Russ.)

46. Bulgakov, M. A. (1925) *Moj dnevnik* [My diary]. URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/publicistika/dnevnik-1925.htm> (In Russ.) (date of access 07/12/2024).

47. Semashko, N. A. (1926) *Na bor'bu s p'yanstvom* [On the fight against drunkenness]. Moscow; Leningrad: State Publishing House. (In Russ.)

Об авторе

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российская Федерация; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7661-5181

About the author

Dianova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of National history, Institute of history, political and social sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-7661-5181

*Статья поступила в редакцию 03.07.2024
Одобрена после рецензирования 09.01.2025
Принята к публикации 14.01.2025*

Практика мобилизационного рекрутирования кадров для советской военно-исторической науки: микроисторическое исследование

Р. А. Бадиков

Развертывание в СССР в 1930-е гг. сети военных академий Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) обернулось возникновением с их стороны целевого запроса на военно-исторические кадры в интересах научного сопровождения учебных дисциплин и исследовательских проектов, связанных с ретроспективным анализом войн и военного искусства. Усиление кадрового дефицита со временем привело к распространению в академиях неоднозначной практики мобилизационного рекрутирования – принудительного перевода учащихся (слушателей и адъюнктов) в категорию штатных научно-преподавательских работников академий по профилю военно-исторической и иной близкой военно-научной деятельности. В статье на основе реконструкции соответствующих эпизодов из биографии известного советского военачальника, генерала А. Н. Боголюбова рассматривается специфика применения данной практики, нередко сводившей на нет карьерные перспективы и планы советских командиров, вовлеченных таким образом в орбиту военно-исторической науки в порядке своеобразной мобилизации. Раскрываются особенности и результаты работы А. Н. Боголюбова в 1938–1941 гг. в качестве рекрутированного военного историка. В заключение обосновывается тезис о возможности экстраполяции микроисторического кейса на сравнительно многочисленную группу современников и однокурсников А. Н. Боголюбова по Академии Генерального штаба РККА.

Ключевые слова: микроистория, военно-историческая наука, кадровая политика, мобилизационные практики, Советский Союз, Красная армия.

Для цитирования: Бадиков Р. А. Практика мобилизационного рекрутирования кадров для советской военно-исторической науки: микроисторическое исследование // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 158–173. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_158. EDN: JLDYOP

Введение

Процессы комплексного реформирования военно-образовательной системы СССР в 1930-е гг., ставшие одним из множества следствий усиления военной напряженности в Европе, актуализировали проблему нехватки в советской армии отдельных категорий специалистов высокой квалификации, в том числе кадров для продвижения военно-исторической науки. Наиболее остро проблема ощущалась во вновь созданных в 1930-е гг. военных академиях Москвы и Ленинграда (Академия Генерального штаба, Артиллерийская, Военно-инженерная, Военно-транспортная, Военно-хозяйственная академии), которые располагали полноценными, но недоукомплектованными кафедрами военной истории. Их коллективы формировали приоритетный запрос на военно-исторические кадры в интересах научного сопровождения учебных дисциплин и исследовательских проектов, связанных с ретроспективным анализом войн и военного искусства.

Указанное обстоятельство выступило одним из факторов распространения в среде высших военно-учебных заведений Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) неоднозначной практики набора (мобилизационного рекрутирования) кадров из числа обучающихся. Речь идет о долговременном и во многом принудительном переводе отдельных слушателей и адъюнктов военных академий в категорию научно-преподавательского состава, причем нередко еще до завершения нормативного срока их обучения. Соответствующие инициативы вузовского руководства зачастую входили в противоречие с карьерными планами воспитанников академий, большую часть из которых представляли зрелые командиры, искренне стремившиеся получить после обучения назначения на ответственные должности. Принудительный перевод на научно-преподавательскую работу (по военно-исторической или иной близкой специализации) не без оснований трактовался советскими командирами как проявление недоверия к их военно-управленческой компетентности, как специфический вид временной «почетной ссылки».

Целью исследования является раскрытие указанной практики набора (мобилизационного рекрутирования) военно-исторических кадров на примере одного из частных случаев ее применения, произошедшего в 1938 г. с известным советским военачальником А. Н. Боголюбовым. В последние месяцы

обучения в столичной Академии Генерального штаба (АГШ) РККА полковник А. Н. Боголюбов, подобно некоторым однокурсникам, пережил неожиданный и неприятный карьерный излом, выразившийся в его досрочном отчислении из рядов слушателей с последующим переводом внутри академии на вакантную должность старшего преподавателя кафедры военной истории. Результатом этой коллизии стало появление нового имени в плеяде одаренных советских военных историков 1930-х гг., которое, однако, вскоре погасло ввиду откомандирования военачальника из АГШ в действующую армию в июне 1941 г. Типический для эпохи господства мобилизационных практик случай А. Н. Боголюбова позволяет реконструировать одну из важных составляющих проблемы кадрового обеспечения военно-исторической науки СССР в 1930-е гг., вхождение в орбиту которой не всегда носило для ее акторов добровольный, осознанный и прогнозируемый характер.

Рассматриваемый сюжет не нашел отражения в обширной биографии военачальника, которая в целом крайне скупо освещает его незапланированную работу в 1938–1941 гг. по военно-исторической линии. Подобная историографическая тенденция характерна как для трудов, опубликованных в советский период, в 1948–1990 гг. [1, с. 69–70; 2, с. 4; 3, с. 14; 4, с. 6; 5, с. 19], так и для новейших исследований 2000–2015 гг. [6, с. 299, 303; 7, с. 59], авторы которых акцентируют внимание на службе А. Н. Боголюбова в годы Великой Отечественной войны.

Источниковая база исследования основывается на комплексе впервые вводимых в научный оборот делопроизводственных материалов о военно-исторической и служебной деятельности А. Н. Боголюбова, выявленных нами в 2018–2024 гг. в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном военном архиве, Государственном историческом архиве Чувашской Республики, научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Особый интерес представляют опубликованные, хотя ранее и не востребованные исследователями, мемуарные записки супруги военачальника – И. Н. Боголюбовой (Смидович), в которых отражены детали военно-исторических изысканий героя публикации [8, с. 21–35]. Этот нарратив остается одним из редких источников,

раскрывающих неформальную сторону жизни А. Н. Боголюбова, поскольку воспоминаний он оставить не успел.

Результаты

Создание в 1936 г. АГШ как элитного вуза РККА для обучения будущего советского «генералитета» стало одним из наиболее многообещающих проектов, реализованных военным руководством СССР накануне Второй мировой войны. Слушатель первого набора полковник И. Х. Баграмян, вспоминая в 1960-е гг. об отборе на обучение в академию, точно выразил соответствующие ожидания новой генерации советских командиров: «...я, как и все мои товарищи, попросту "заболел" желанием попасть в эту академию. <...> Я был уверен, что академия ... даст нам те крылья, на которых мы смело, не вслепую, сумеем подняться к вершинам...» [9, с. 44].

Схожее воодушевление, имевшее здоровую карьерную подоплеку, довелось испытать и будущему генерал-полковнику, одному из ближайших фронтовых соратников Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина, 35-летнему майору А. Н. Боголюбову¹, на тот момент – начальнику первого (оперативного) отделения штаба 2-го стрелкового корпуса (г. Калинин) Московского военного округа. Новые служебные перспективы открылись перед ним 7 мая 1936 г., в канун передислокации корпуса в Белорусскую ССР. Именно в этот день, как следует из письма А. Н. Боголюбова своей супруге, он получил и одобрил запрос начальника штаба округа касательно своей отправки в академию: «Я, конечно, страшно (ах как страшно!!) обрадовался и послал молнию: "Согласен, хочу, мечтаю"» [7, с. 59].

Период последующего обучения А. Н. Боголюбова в академии (октябрь 1936 – июнь 1938 г.) был связан с напряженной учебной и исследовательской работой. Одним из результатов последней стала разработка в 1937 г. проекта большого теоретического труда «Учение Ленина – Сталина о войне и армии», который майор А. Н. Боголюбов, однако, не смог воплотить в жизнь [11, л. 23]. Безусловным успехом явился выход в свет в феврале 1938 г. первой заметной работы будущего военачальника. В специальном выпуске журнала «Смена» (печатный орган ЦК ВЛКСМ) был опубликован его иллюстрированный очерк «Вооруженный народ»,

¹ Иллюстрацию см. на с. 239.

посвященный истории создания РККА и событиям Гражданской войны на юге страны в 1918–1919 гг. [12, с. 9–12].

Первая проба пера военного специалиста, к весне 1938 г. твердо закрепившегося в числе отличников – претендентов на ведущие штабные вакансии в системе органов управления РККА, не могла не привлечь внимание руководства АГШ. В выпускной характеристике на А. Н. Боголюбова, подготовленной 5 июля 1938 г. начальником 2-го курса комбригом Н. И. Трубецким, проводится мысль о целесообразности его направления в адъюнктуру. «По своей теоретической подготовке, – указывал Н. И. Трубецкой, – и склонности к научно-исследовательской работе может быть оставлен при АГШ в качестве адъюнкта кафедры оперативного искусства» [13, л. 18].

Рекомендация курсового начальника, однако, оказалась запоздалым и скорее формальным документом. Решение о досрочном отчислении А. Н. Боголюбова из состава слушателей и его переводе на научно-преподавательскую работу, правда по линии другой, менее значимой кафедры военной истории, было утверждено еще 24 июня 1938 г. приказом народного комиссара обороны СССР № 1744 [14, л. 4 об.]. Таким образом, день официального окончания АГШ (14 августа 1938 г.) полковник А. Н. Боголюбов встречал уже в ином служебном статусе – старшего преподавателя упомянутой кафедры. Несмотря на преждевременное завершение обучения, он получил впоследствии диплом выпускника-генштабиста № 419084 и смог пользоваться кругом сопутствующих преимуществ и прав, за исключением главного – возможности применить полученные в 1936–1938 гг. знания и навыки на практике, в рамках штабной службы в органах управления РККА. В аналогичном положении оказались, по нашим подсчетам, не менее 44,4 % слушателей (60 чел. из 135) первого набора академии, которые вместо распределения на высокие должности также были откомандированы на рутинную службу в военные вузы.

Мобилизация А. Н. Боголюбова в интересах продвижения военно-исторической науки в АГШ, от которой он, как и любой кадровый командир, не мог отказаться в силу норм служебной дисциплины, представляется не вполне закономерным кадровым решением. Тема его дипломной работы «Армейская операция. Отступательный маневр армии в условиях окружения» вписывалась в сферу научных разработок профилирующей кафедры опе-

ративного искусства, к которой А. Н. Боголюбова и рекомендовал прикрепить Н. И. Трубецкой, а также кафедры тактики высших соединений. При этом точечные исторические изыскания военачальника в годы обучения носили скорее вспомогательный характер, играя роль хобби или увлечения. В этой связи небезынтересно очертить круг обстоятельств, предопределивших вхождение 38-летнего полковника А. Н. Боголюбова, в целом неожиданное для него, в орбиту специфической военно-исторической работы.

Прежде всего обратим внимание на фактор политических репрессий и его деструктивное влияние на корпоративную среду академии. «Большой террор» 1937–1938 гг. привел к возникновению количественного и качественного некомплекта научно-преподавательских кадров, а также способствовал росту недоверия руководства АГШ к сотрудникам и воспитанникам, которые были замечены в контактах с «врагами народа» [15, с. 163–166; 16, с. 505; 17, с. 272–273]. По свидетельству супруги военачальника, И. Н. Боголюбовой, именно по этой причине значительная часть слушателей не смогла претендовать на высокие командно-штабные должности: «...их поставили строем и начальство в очень грубой форме сказало, что они прихвостни Кучинского (подразумевается арестованный в 1937 г. начальник академии, комдив Д. А. Кучинский. – Р. Б.) и других врагов народа, что им не доверяют, что их вообще надо бы наказать. В войска не пустят, а найдут им другое применение» [8, с. 29]. В этот круг избранных, переведенных на научно-преподавательскую работу, судя по воспоминаниям И. Н. Боголюбовой, вошел и ее муж. Он «...очень переживал, – вспоминала супруга военачальника, – а я ему говорила, что нет ничего оскорбительного быть учителем многих слушателей – это даже почетно и что нет логики в действиях начальства: не доверять и послать преподавать...» [8, с. 29]. Проблема контактов с репрессированными лицами, к слову, вошла в жизнь А. Н. Боголюбова в январе 1938 г., за несколько месяцев до завершения обучения. Тогда, на партийном собрании 2-го курса «...разбиралось, – по признанию военачальника, – мое дело в связи с врагами народа Кутяковым (по службе) и Твердохлебовым (случайные встречи...)», после чего партийная организации вуза объявила ему предупреждение «за недостаточную политическую бдительность...» [11, л. 13–14]. Данный эпизод был серьезным ударом по репутации А. Н. Боголюбова,

по-видимому, достаточным, чтобы временно закрыть для него перспективы продолжения службы в органах управления РККА и обусловить его оставление в штате академии, причем вне коллективов основных профилирующих кафедр.

Вторым по значимости фактором, обусловившим мобилизацию А. Н. Боголюбова в ряды военно-исторических кадров, следует считать нарастание к 1938 г. кризисных явлений в работе кафедры военной истории АГШ. Ее состав (начальник, комдив В. А. Меликов [18]; профессор, комдив А. А. Свечин; профессор, комбриг Н. А. Левицкий; старший преподаватель, полковник А. В. Голубев) отличался высокой служебной квалификацией, но, вероятно, не всегда идеологически верно трактовал отдельные военно-исторические сюжеты. Содержательную зарисовку по этому вопросу оставил в мемуарах приятель Боголюбова в период обучения, полковник М. И. Казаков: «...профессор А. А. Свечин был, по существу, отстранен от чтения лекций по эпохе империалистических войн. На кафедре истории военного искусства (так в тексте. – Р. Б.) вообще чувствовался разнбой во взглядах. Там постоянно происходили споры ... но я не уверен, что в этих спорах рождалась научная истина» [19, с. 38]. Позднее, в декабре 1938 г., недостатки в работе кафедры стали предметом обращения слушателя второго набора академии майора П. Г. Григоренко в адрес секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева. «Кафедра до недавнего времени, – резюмировал Григоренко в письме, – была исключительно засорена врагами народа. Разоблачение и изъятие врагов народа не улучшило преподавания» [20, с. 88].

Потребность в усилении кафедры идеологически мотивированными кадрами, разделяющими линию ВКП(б), накладывалась на острую нехватку военно-исторических трудов, которая не была устранена даже к началу 1939 г. «Весь коллектив кафедры [военной истории], – особо подчеркивает в одном из документов этого периода начальник АГШ комбриг И. Т. Шлемин, – работает над созданием пособий, которые необходимы для программного курса в 1939/40 уч[ебном] году» [21, л. 23]. В этих условиях для кафедры было важно реализовать запрос на новых сотрудников, одним из которых и стал А. Н. Боголюбов – политически лояльный слушатель выпускного курса, обладающий отличной военной подготовкой и определенным опытом разработки военно-исторических работ. Вскоре состав кафедры пополнили

однокурсники и товарищи А. Н. Боголюбова по набору 1936 г. – 40-летние полковники И. С. Коротков и Ф. А. Храмов, также перемещенные на военно-преподавательскую работу по инициативе руководства АГШ, в порядке своеобразной мобилизации.

Преодолев чувство разочарования ввиду вынужденного продолжения службы в академии, А. Н. Боголюбов в июне-октябре 1938 г. постепенно включается в рабочий процесс кафедры военной истории. На первых порах ему удалось компенсировать пробел в учебной нагрузке кафедры, образовавшийся еще в декабре 1937 г. после ареста профессора А. А. Свечина. В основном на А. Н. Боголюбова была возложена функция проведения занятий по курсу истории Первой мировой войны и Гражданской войны с контингентом слушателей второго набора. Вновь зачисленные в академию в 1937 г. 128 командиров, среди которых были будущие известные генералы И. С. Глебов, Г. Ф. Захаров, Н. Д. Захватаев, П. И. Левин, Г. С. Лукьянченко, В. Н. Разуваев, М. Н. Шарохин [22, с. 42], отличались настойчивостью в стремлении освоить военно-исторические дисциплины и не довольствовались одним лекционным материалом. Откликаясь на потребности подопечных, А. Н. Боголюбов в этот период предпринимает основательные шаги по созданию военно-научных исследований, соответствующих профилю своей новой работы.

Второе полугодие 1938 г. в научном плане прошло для А. Н. Боголюбова главным образом под знаком изучения военно-управленческого наследия А. В. Суворова. Некоторую поддержку ему оказывал профессор Н. А. Левицкий, выступавший с 1937 г. консультантом сценаристов художественного фильма «Суворов» (Мосфильм, 1940 г.) [23]. Результатом реализованного А. Н. Боголюбовым комплексного исследования стал выход в свет 160-страничной монографии «Полководческое искусство А. В. Суворова», которая была сдана в набор в ноябре 1938 г. [24] Монография не избежала критики современников [25, с. 142–143], однако по сей день она остается востребованной, подтверждением чему служит недавнее ее переиздание [26]. Публикация в 1938 г. книги и двух статей по избранной тематике в журналах всесоюзного уровня [27; 28] придала начинающему историку столь необходимую уверенность в собственных силах.

Вывявленные служебные материалы А. Н. Боголюбова свидетельствуют о том, что осенью 1938 г. он прилагал усилия для

реализации еще одного проекта, важного для нормализации военно-исторической работы в академии. Речь идет о подготовке в формате соавторства (вклад А. Н. Боголюбова 2 печ. л.) «Учебника по военной истории» [13, л. 9 об.]. Тем не менее основное внимание после завершения монографии о деятельности А. В. Суворова исследователь сосредоточивает на формировании концепции новой книги – «Разгром Колчака». Содержательно данное исследование охватывало опыт стратегических операций красных на Восточном фронте в период Гражданской войны, начиная с зимней кампании 1918/1919 гг. и заканчивая контрнаступлением фронта весной-летом 1919 г. [29]. Небезынтересно, что описываемые в издании операции совпали со временем службы Боголюбова на данном театре военных действий [30, л. 1–1 об.].

Первичную апробацию фрагментов этой книги А. Н. Боголюбов произвел в периодической печати [31; 32], а уже в середине июня 1939 г. итоговый вариант рукописи, успешно прошедший редактуру начальника кафедры, комдива В. А. Меликова, был сдан в набор в издательство АГШ [33]. Спустя некоторое время после выхода в свет в августе 1939 г. книга «Разгром Колчака» получила известность в среде преподавателей и слушателей московских высших военно-учебных заведений (Военной академии имени М. В. Фрунзе, Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского и др.).

На пике своей военно-исторической «ссылки» полковник А. Н. Боголюбов зарекомендовал себя не только в качестве автора. Как читатель и рецензент он внимательно оценивал новинки профильной библиографии. Так, в течение 1938 г. в периодике были опубликованы его отзывы на книги С. А. Калинина «Суворов: Очерк жизни и деятельности великого русского полководца» [34], В. А. Меликова «Героическая оборона Царицына 1918 г.» [35], Ф. Е. Огородникова «Удар по Колчаку весной 1919 г.» [36].

Исключительная работоспособность А. Н. Боголюбова была отмечена его коллегами по кафедре [37, с. 92–93] и руководством вуза. Коллектив совета академии на заседании, прошедшем 17 октября 1938 г., поддержал ходатайство о присуждении перспективному военному историку ученого звания доцента без защиты диссертационной работы [13, л. 21]. Несмотря на наличие у А. Н. Боголюбова менее девяти месяцев педагогического стажа, соответствующее представление начальника АГШ ком-

брига И. Т. Шлемина от 11 ноября 1938 г. [38, л. 8] было одобрено ВАК Всесоюзного комитета по делам высшей школы в апреле 1939 г. [11, л. 2]. Таким образом, в рамках новой для себя, непривычной военно-исторической работы А. Н. Боголюбову удалось выстроить успешную карьерную траекторию (старший преподаватель – и. о. доцента – доцент) и сформировать полновесную научную репутацию уже к началу 1939 г. Для А. Н. Боголюбова это было крайне важно, учитывая, что его партийное прошлое на тот момент было совсем не идеальным [39, л. 1].

Фактическое завершение работы А. Н. Боголюбова в военно-исторической сфере произошло менее чем через год после его перевода в штат АГШ. В середине июня 1939 г., едва успев подготовиться к публикации книгу «Разгром Колчака», начинающий преподаватель по указанию Народного комиссариата обороны СССР отправляется в правительственную командировку в Китай. В рамках развернувшейся здесь Японо-китайской войны (1937–1945 гг.) ему выпала честь состоять в качестве Главного военного советника с «большими полномочиями» при лидере Китайской республики Чан Кайши [40, с. 235].

В коллектив кафедры А. Н. Боголюбов вернулся только в середине апреля 1941 г., однако начавшаяся вскоре Великая Отечественная война окончательно свела на нет его работу в интересах развития советской военно-исторической науки.

Пребывание на фронте в 1941–1945 гг. во многом принесло А. Н. Боголюбову¹ избавление от однообразной, рутинной деятельности в АГШ, которой он нередко тяготился, и возродило его командно-штабную карьеру, успешно развивавшуюся в первой половине 1930-х гг., но едва не подошедшую к концу в июне 1938 г.; позволило А. Н. Боголюбову проявить талант выдающегося штабного работника и организатора стратегических операций фронтового масштаба.

Отметим, что послевоенный период службы генерал-полковника А. Н. Боголюбова был связан с его пребыванием в 1945–1950 гг. на ответственных должностях в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Обеспечивая в качестве начальника цикла и заместителя начальника академии оперативно-тактическую подготовку контингента слушателей, он вместе с тем более никогда не предпринимал усилий по разработке

¹ Иллюстрацию см. на с. 240.

специальных трудов по истории войн и военного искусства, сконцентрировав свое внимание на вопросах теории оперативного искусства и основах советской военной доктрины. Таким образом, он окончательно оставляет в прошлом репутацию перспективного историка, восходящего таланта советской военно-исторической науки 1930–1940-х гг.

Иным был научный путь ранее упомянутых однокурсников и товарищей А. Н. Боголюбова по кафедре военной истории. Доцент (1939 г.), полковник И. С. Коротков, так и не получивший возможности проявить себя на командно-штабной работе после окончания АГШ, со временем вырос в одного из ведущих экспертов по истории Гражданской войны на юге России. По итогам защиты диссертации «Разгром Врангеля» 18 октября 1946 г. в Военной академии имени М. В. Фрунзе ему была присуждена ученая степень кандидата военных наук [42, л. 1–2, 68, 105–105 об.]. Аналогичным образом могла сложиться судьба другого коллеги А. Н. Боголюбова по кафедре – доцента (1939 г.), полковника Ф. А. Храмова, успевшего подготовить в 1938–1940 гг. ряд заметных исследований, в том числе две книги [43, 4–5 об., 15]. К несчастью для отечественной военно-исторической науки, он пропал без вести в самом начале Великой Отечественной войны, будучи откомандированным руководством академии 25 июня 1941 г. на Западный фронт, на войсковую стажировку в 28-й стрелковый корпус (г. Брест) 4-й армии [44; 45]. Такими несхожими с точки зрения итогов профессиональной деятельности оказались судьбы трех слушателей первого набора АГШ РККА, мобилизованных в 1938 г. на военно-историческую работу в своей альма-матер.

Обсуждение и выводы

Содержание любого микроисторического исследования, по словам классика исторической антропологии Карло Гинзбурга, состоит в том, чтобы «...помочь нам делать более качественные обобщения через изучение конкретных кейсов» [46, с. 83]. Следуя указанному методологическому ориентиру, мы можем констатировать: раскрытый в рамках данной статьи микроисторический случай (кейс) полковника А. Н. Боголюбова, обобщающий опыт его вынужденного вхождения в поле военно-исторической науки в качестве исследователя и преподавателя, можно с определенными оговорками экстрапо-

лизовать на относительно многочисленную группу советских командиров – современников военачальника.

Потенциальная типичность, масштабируемость рассмотренного нами случая становится очевидной, в частности при обращении к служебным материалам военнослужащих, принятых на обучение в АГШ в 1936 г. одновременно с А. Н. Боголюбовым. По нашим подсчетам, не менее 24 из 135 слушателей первого набора академии до завершения нормативного, двухлетнего срока обучения, были вынуждены, подобно А. Н. Боголюбову, «волею судеб» [47, с. 94], продолжить свою службу в АГШ, частично компенсировав здесь, таким образом, некомплект кадров, хотя и в рамках различных кафедр и научных направлений (не только в интересах обеспечения военно-исторической работы).

Военно-научная деятельность в этом плане стала для мобилизованных преподавателей, бывших в недавнем прошлом далеко не последними войсковыми командирами и слушателями ведущей академии РККА, новой и весьма специфической служебной обязанностью. Результаты данной деятельности, особенно в части научно-публикационной активности, нередко служили критерием целесообразности их пребывания в армии и ключевым аттестационным показателем, по крайней мере до возвращения на активную командную и штабную работу. Данное обстоятельство, не всегда учитываемое отечественными исследователями, существенно стимулировало развитие военно-исторических и военно-научных проектов, публикацию их результатов в межвоенный период (1921–1941 гг.). Случай А. Н. Боголюбова, наряду с эпизодами мобилизационного рекрутирования его однокурсников по академии И. С. Короткова и Ф. А. Храмова, в этом отношении чрезвычайно показателен. В то же время он является, по нашему убеждению, лишь одним из множества схожих микросюжетов эпохи расцвета мобилизационных подходов к развитию советского государства и общества, когда практика решения практически любых кадровых проблем мобилизационными мерами [48, с. 8, 28] утрачивала качество экстраординарного явления и становилась новой нормой.

Список литературы

1. Грибков А. И. Теоретик и практик военного дела // Военная мысль. – 1990. – № 5. – С. 69–75.

2. Герой Советского Союза генерал-полковник Боголюбов А. Н. / сост. П. А. Емелькин. Чебоксары: [б. и.], 1979. 21 с.
3. Трофимов П. Т. На огненной черте. Очерки и фронтовые записки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 208 с.
4. Хват Л. От солдата до генерала // Смена. – 1948. – № 4. – С. 5–6.
5. Шлемина Е. Солдат Родины // Звезды не меркнут / сост. И. С. Хрусталева. – Калининград: Калининградское кн. изд-во, 1982. – С. 17–23.
6. Малиновская Н. Р., Юрина Е. В. Имена Победы: в 2 т. Т. 1. М.: Кучково поле, 2015. 380 с.
7. Марфин Ю. П. Доброволец из Чебоксар: О Герое Советского Союза генерал-полковнике А. Н. Боголюбове. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. 80 с.
8. Боголюбова И. Н. Горькая судьба (воспоминания жены генерала). М.: Н. Ардабьевский, 2000. 87 с.
9. Баграмян И. Х. Воспоминания о годах пребывания в Академии Генерального штаба // 25 лет Военной ордена Суворова I степени Академии Генерального Штаба Вооруженных сил СССР. 1936–1961 (сб. восп.) / ред. кол.: А. И. Гастилевич и др. – М.: Академия Ген. штаба, 1961. – С. 37–59.
10. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-2616. Оп. 1. Д. 5.
11. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. № 966.
12. Боголюбов А. Вооруженный народ // Смена. – 1938. – № 2. – С. 9–12.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 7016.
14. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. № 872.
15. Лазарев С. Е. Советская военная элита 1930-х годов: «Красные» полководцы, какими они были. Проблемы взаимоотношений. Трагедия «чисток». 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с. EDN: DWAXNN
16. Сувениров О. Ф. 1937. Трагедия Красной Армии. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 784 с. EDN: QPNYUL
17. Черушев Н. С. Элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2005. 320 с.
18. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40895. УПК № 171990.
19. Казаков М. И. Над картой бывших сражений. М.: Воениздат, 1971. 288 с.
20. Кто такой П. Г. Григоренко? (публикация В. К. Петрова) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 10. – С. 87–90.
21. ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 21. Д. 36.
22. Академия Генерального штаба: История Военной орденов Ленина и Суворова I степени академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР имени К. Е. Ворошилова / под ред. Н. Г. Попова. М.: Воениздат, 1987. 246 с.
23. Красная звезда. – 1938. – № 8.
24. Боголюбов А. Н. Полководческое искусство А. В. Суворова. М.: Гос. воен. изд-во, 1939. 160 с.
25. Колубовский И. Суворов в литературе // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 5. – С. 135–145.
26. Боголюбов А. Н. Полководческое искусство А. В. Суворова. М.: Вече, 2018. 301 с.
27. Боголюбов А. Великий русский полководец А. В. Суворов // Исторический журнал. – 1938. – № 10. – С. 51–60.
28. Боголюбов А. Встречное сражение на р. Требия // Военная мысль. – 1938. – № 9. – С. 120–141.
29. Боголюбов А. Н. Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк) / под ред. В. А. Меликова. М.: Учебный отдел Академии Генерального штаба РККА, 1939. 120 с.
30. РГВА. Ф. 40895. УПК № 25148.
31. Боголюбов А. Разгром Колчака // Военно-исторический журнал. – 1939. – № 1. – С. 9–23.
32. Советская Сибирь. – 1939. – № 130.
33. ГИА ЧР. Ф. Р-2616. Оп. 1. Д. 33а.
34. Красная звезда. – 1938. – № 173.
35. Боголюбов А. Рецензия: Меликов В. А. Героическая оборона Царицына 1918 г. М., 1938 // Военная мысль. – 1938. – № 12. – С. 149–153.

36. Красная звезда. – 1938. – № 235.
37. Дмитриев В. Д. Судьбы людские. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 127 с.
38. ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 11099.
39. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 100. Д. 281731.
40. Казаков К. П. Огневой вал наступления. М.: Воениздат, 1986. 320 с.
41. ГИА ЧР. Ф. Р-2616. Оп. 1. Д. 13.
42. ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 21а. Д. 127.
43. ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 11510.
44. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 33. Оп. 11459. Д. 351.
45. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 563782. Д. 58.
46. Велижев М. Б., Атнашев Т. М. Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. – 2019. – Т. 160. – № 6. – С. 83–92. EDN: GWQXEA
47. Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974. 542 с.
48. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / отв. ред. С. А. Красильников. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 591 с. EDN: BJALAF

The Practice of Mobilization Recruiting Researchers for Soviet Military Historical Science: a Microhistorical Study

Roman A. Badikov

The establishment of military academies for the Red Army (RKKA) in the 1930s led to an increased demand for military and historical staff for the purposes of scientific support of academic disciplines and research projects related to the retrospective analysis of wars and military art. This growing shortage resulted in the ambiguous practice of mobilization recruiting within the academies and the forced transfer of trainees – cadets and adjuncts – to the category of salaried scholarly/teaching staff (specializing in military-science profiles). The article reconstructs several experiences of a Soviet military commander General Alexander N. Bogolyubov and consequently discusses the specifics of this practice which often frustrated career prospects and plans of Soviet commanders who were thus involved in the orbit of military history through such specific mobilization. The article reveals the features and results of A. N. Bogolyubov's work in 1938–1941 as a recruited military historian. In conclusion, the thesis about the possibility of extrapolation of the presented microhistorical case to a relatively large group of A. N. Bogolyubov's contemporaries and fellow students from the RKKA General Staff Academy is substantiated.

Key words: microhistory, military history, recruitment policy, mobilisation practices, Soviet Union, Red Army.

For citation: Badikov, R. A. (2025) *Praktika mobilizatsionnogo rekrutirovaniya kadrov dlja sovetsoj voenno-istoricheskoy nauki: mikroistoricheskoe issledovanie* [The Practice of Mobilization Recruiting Researchers for Soviet Military Historical Science: a Microhistorical Study]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 158–173. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_158. EDN: JLDYOP

References

1. Gribkov, A. I. (1990) *Teoretik i praktik voennogo dela* [Theorist and Practitioner of Military Affairs]. *Voennaja mysl'* [Military Thought]. No. 5. Pp. 69–75. (In Russ.)
2. Emel'kin, P. A. (1979) (comp.) *Geroj Sovetskogo Sojuza general-polkovnik Bogoljubov A. N.* [Hero of the Soviet Union Colonel-General Alexander N. Bogolyubov]. Cheboksary. (In Russ.)

3. Trofimov, P. T. (1985) *Na ognennoj cherte. Oчерки i frontovye zapiski* [On the Fiery Line. Essays and Front-line Notes]. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izdatel'stvo. (In Russ.)
4. Hvat, L. (1948) *Ot soldata do generala* [From Soldier to General]. *Smena* [Smena]. No. 4. Pp. 5–6. (In Russ.)
5. Shlemina, E. (1982) *Soldat Rodiny* [Soldier of the Motherland]. *Zvezdy ne merknut* [Stars do not Fade]. Comp. I. S. Hrustalev. Kaliningrad: Kaliningradskoe kn. izdatel'stvo. Pp. 17–23. (In Russ.)
6. Malinovskaja, N. R., Jurina, E. V. (2015) *Imena Pobedy* [The Names of Victory]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
7. Marfin, Ju. P. (2000) *Dobrovolc iz Cheboksar: O Geroe Sovetskogo Sojuza general-polkovnike A. N. Bogoljubove* [Volunteer from Cheboksary: About the Hero of the Soviet Union, Colonel-General Alexander N. Bogolyubov]. Cheboksary: Chuvashskoe kn. izdatel'stvo. (In Russ.)
8. Bogoljubova, I. N. (2000) *Gor'kaja sud'ba (vospominaniya zheny generala)* [Bitter Fate (Memoirs of the General's Wife)]. Moscow: N. Ardab'evskij. (In Russ.)
9. Bagramyan, I. H. (1961) *Vospominaniya o godah prebyvaniya v Akademii General'nogo shtaba* [Memoirs of the years of stay at the Academy of the General Staff]. *25 let Voennoj ordena Suvorova I stepeni Akademii General'nogo Shtaba Vooruzhennyh sil SSSR. 1936–1961 (sb. vosp.)* [25th anniversary of the Order of Suvorov 1st Class Armed Forces General Staff Academy of the USSR. 1936–1961 (collection of memoirs)]. Eds. A. I. Gastilovich and others. Moscow: Academy of the General Staff. Pp. 37–59. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Chuvashskoj Respubliki* [State Historical Archive of the Chuvash Republic] (hereinafter – GIA ChR). F. P-2616. Op. 1. D. 5.
11. *Nauchnyj arhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities] (hereinafter – NA ChGIGN). Otd. II. Ed. hr. No. 966.
12. Bogoljubov, A. (1938) *Vooruzhennyj narod* [Armed People]. *Smena* [Smena]. No. 2. Pp. 9–12. (In Russ.).
13. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation] (hereinafter – GA RF). F. R-9506. Op. 23. D. 7016.
14. NA ChGIGN. Otd. II. Ed. hr. No. 872.
15. Lazarev, S. E. (2020) *Sovetskaja voennaja jelita 1930-h godov: «Krasnye» polkovodcy, kakimi oni byli. Problemy vzaimootnoshenij. Tragedija «chistok»* [The Soviet military elite of the 1930s: the "Red" commanders, as they were. Relationship problems. The tragedy of the Purges]. Moscow: LENAND. (In Russ.). EDN: DWAXNN
16. Suvenirov, O. F. (2009) *1937. Tragedija Krasnoj Armii* [1937. The Tragedy of the Red Army]. Moscow: Jauza; Jeksmo. (In Russ.). EDN: QPNYUL
17. Cherushev, N. S. (2005) *Jelita Krasnoj Armii na golgoфе* [The Elite of the Red Army on Golgotha]. Moscow: Veche. (In Russ.)
18. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [Russian State Military Archive] (hereinafter – RGVA). F. 40895. UPK No. 171990.
19. Kazakov, M. I. (1971) *Nad kartoj bylyh srazhenij* [Over the Map of Past Battles]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
20. Petrov, V. K. (publ.) (1990) *Kto takoj P. G. Grigorenko?* [Who is P. G. Grigorenko?]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 10. Pp. 87–90. (In Russ.)
21. GA RF. F. R-9506. Op. 21. D. 36.
22. Popov, N. G. (1987) (ed.). *Akademija General'nogo shtaba: Istoriya Voennoj ordenov Lenina i Suvorova I stepeni Akademii General'nogo shtaba Vooruzhennyh sil SSSR imeni K. E. Voroshilova* [Academy of the General Staff: The history of the Orders of Lenin and Suvorov 1st Class Armed Forces General Staff Academy of the USSR, named after K. E. Voroshilov]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
23. *Krasnaya zvezda* [Red Star]. 1938. No. 8.
24. Bogoljubov, A. N. (1939) *Polkovodcheskoe iskusstvo A. V. Suvorova* [The Military Art of Alexander V. Suvorov]. Moscow: Gosvoenizdat. (In Russ.)
25. Kolubovskij, I. (1940) *Suvorov v literature* [Suvorov in Literature]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 5. Pp. 135–145. (In Russ.)
26. Bogoljubov, A. N. (2018) *Polkovodcheskoe iskusstvo A. V. Suvorova* [The Military Art of Alexander V. Suvorov]. Moscow: Veche. (In Russ.)
27. Bogoljubov, A. (1938). *Velikij russkij polkovodec A. V. Suvorov* [The Great Russian Commander Alexander V. Suvorov]. *Istoricheskij zhurnal* [Historical Magazine]. No. 10. Pp. 51–60. (In Russ.)

28. Bogoljubov, A. (1938) *Vstrechnoe srazhenie na r. Trebija* [Counter Battle on the Trebia River]. *Voennaja mysl'* [Military Thought]. No. 9. Pp. 120–141. (In Russ.)
29. Bogoljubov, A. N. (1939) *Razgrom Kolchaka (Operativno-strategicheskij ocherk)* [The Defeat of Kolchak (Operational and Strategic Essay)]. Ed. V. A. Melikov. Moscow: Uchebnyj otdel Akademii General'nogo shtaba RKKA. (In Russ.)
30. RGVA. F. 40895. UPK No. 25148.
31. Bogoljubov, A. (1939) *Razgrom Kolchaka* [The Defeat of Kolchak]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine]. No. 1. Pp. 9–23. (In Russ.)
32. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia]. 1939. No. 130.
33. GIA Ch R. F. R-2616. Op. 1. D. 33a.
34. *Krasnaya zvezda* [Red Star]. 1938. No. 173.
35. Bogoljubov, A. (1938) *Recenzija: Melikov V. A. Geroicheskaja oborona Caricyna 1918 g. M., 1938* [Review: Melikov V. A. Heroic Defense of Tsaritsyn 1918. Moscow, 1938]. *Voennaja mysl'* [Military Thought]. No. 12. Pp. 149–153. (In Russ.)
36. *Krasnaya zvezda* [Red Star]. 1938. No. 235.
37. Dmitriev, V. D. (2003) *Sud'by ljudskie* [Human Destinies]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
38. GA RF. F. R-9506. Op. 23. D. 11099.
39. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (hereinafter – RGASPI). F. 17. Op. 100. D. 281731.
40. Kazakov, K. P. (1986) *Ognevoj val nastuplenija* [The Firing Shaft of the Offensive]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
41. GIA Ch R. F. P-2616. Op. 1. D. 13.
42. GA RF. F. R-9506. Op. 21a. D. 127.
43. GA RF. F. R-9506. Op. 23. D. 11510.
44. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (hereinafter – CAMO RF). F. 33. Op. 11459. D. 351.
45. CAMO RF. F. 33. Op. 563782. D. 58.
46. Velizhev, M. B., Atnashev, T. M. (2019) *Mikroistorija i problema dokazatel'stva v humanitarnyh naukah* [Microhistory and the Problem of Proof in the Humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. Vol. 160. No. 6. Pp. 83–92. (In Russ.). EDN: GWQXEA
47. Vasilevskij, A. M. (1974) *Delo vsej zhizni* [The Whole Life's Work]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
48. Krasilnikov, S. A. (2018) (ed.) *Social'naya mobilizaciya v stalinskom obschestve (konets 1920-h – 1930-e gg.)* [Social mobilization in Stalinist society (late 1920s – 1930s)]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.). EDN: BJALAF

Об авторе

Бадиков Роман Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация; e-mail: badikov_roman@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4070-1621

About the author

Badikov Roman A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation; e-mail: badikov_roman@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4070-1621

Статья поступила в редакцию 30.07.2024
Одобрена после рецензирования 25.01.2025
Принята к публикации 31.01.2025

Повседневная жизнь уездного города: проституция в Ростове во второй половине XIX – начале XX в.

Г. В. Карандашев

В статье исследуется проблема городской проституции в России во второй половине XIX – начале XX в. на примере уездного г. Ростова Ярославской губернии. На основе анализа широкого спектра источников явление рассматривается как социокультурный феномен повседневной жизни, что позволяет выявить динамику и характеристики проституции как неотъемлемого компонента городского быта. В работе показано социальное положение публичных женщин, деятельность содержательниц домов терпимости и окружающая социокультурная среда. Знаменитая ростовская ярмарка приносила особый колорит в жизнь города, на время проведения заметно увеличивая население и привлекая девушек легкого поведения. В Ростове действовала врачебно-полицейская комиссия для предотвращения распространения сифилиса. Тайная проституция представляла наибольшую опасность в плане распространения венерических заболеваний. Основная масса публичных женщин принадлежала к низшим классам и находилась в стесненных материальных обстоятельствах. Приезжие проститутки, в основном одиночки, квартировали в домах ростовских мещан. Женщины были ограничены в праве свободного перемещения и выхода из числа проституток. Комбинация специфики профессиональной деятельности, социального окружения и предрасположенности к алкоголю способствовала формированию вокруг проституции криминогенной обстановки.

Ключевые слова: Российская империя, Ярославская губерния, Ростов, повседневность, проституция, полиция.

Для цитирования: Карандашев Г. В. Повседневная жизнь уездного города: проституция в Ростове во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 174–189. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_174. EDN: HKKIFG

Введение

1843–1917 гг. являлись особенным периодом в истории российской проституции – она была декриминализована и подлежала медико-полицейскому надзору. В зарубежной историографии бытует мнение, что государство тем самым осуществляло контроль над публичными женщинами как для защиты здоровья населения, так и для укрепления патриархального порядка, создавая дополнительные ограничения для женщин, находившихся в тяжелых материальных условиях. Проститутки сталкивались с сильной социальной стигматизацией и предвзятостью, а сама проституция была связана с вопросом о статусе женщины в обществе. При этом регламентация не решала фундаментальных социально-экономических проблем, способствовавших существованию древнейшей профессии, не обеспечивала реальной защиты женщин [1–3]. Проституция рассматривается не только как общественное явление, но и как культурный конструкт, отражающий гендерную и классовую динамику имперской России [4].

В конце XIX – начале XX в. проституция стала популярным объектом научного изыскания и полемики среди российских ученых [5–6]. В современной отечественной историографии она зачастую рассматривается как социокультурный феномен повседневной жизни российского города [7–9]. При этом ее регламентация зависела от местных властей и отличалась в различных частях империи [10–14].

Несмотря на наличие достаточно широкого спектра публикаций по данной проблеме, на местном уровне, особенно в небольших уездных городах, вопрос остается малоизученным. Цель данной статьи – на основе обширного круга источников проанализировать социокультурные аспекты городской проституции в повседневной жизни г. Ростова Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Методы истории повседневности, включая микроисторический анализ, дают возможность изучить классовые и гендерные иерархии провинциального города, оценить систему охраны здоровья местного населения и понять динамику городской жизни. Они позволяют исследовать моральные и этические стандарты поведения различных слоев общества [15].

В корпус неопубликованных архивных источников, сосредоточенных в фондах Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), а также в его ростовском филиале (ГАЯО РсФ), вошли де-

лопроизводственные документы, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Особый источниковедческий интерес представляют правительственные циркуляры, распоряжения ярославского губернатора, рапорты и отчеты ростовских полицейских властей и медицинских работников о состоянии проституции, журналы ростовской врачебно-полицейской комиссии, а также различные просительные документы местных жителей, содержательниц публичных женщин и самих проституток, адресованные к городской и губернской властям.

Корпус опубликованных источников составили официальные статистические документы, представленные материалами первой всеобщей переписи населения 1897 г. по Ярославской губернии, где «проституция» выделена как отдельное занятие населения. В издании приведены сведения о количестве публичных женщин по городам и уездам, возрастам, национальности, родному языку, наличию родственников [16]. Значимым источником послужили данные исследования от 1 августа 1889 г., когда в Российской империи, за исключением Великого княжества Финляндского, впервые проводилось масштабное изучение состояния проституции. Статистическим комитетом совместно с медицинским департаментом министерства внутренних дел были разработаны опросные листы, разосланные в губернские врачебные управления. С их помощью от местных властей поступила подробная информация о функционировавших домах терпимости, их содержательницах и поднадзорных публичных женщинах [17]. Кроме того, в работе были задействованы материалы дореволюционного путеводителя по Ростову [18].

Статистические показатели проституции

Ростов, уездный город Ярославской губернии, согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г., насчитывал 13 715 жителей [16, с. 1]. В первой, или центральной, части города располагался кремль, обнесенный крепостным земляным валом. Внутри размещались церковные строения, общественный гостиный двор, несколько частных лавок, городские присутственные места, женская гимназия, пожарное депо, гостиницы и две базарные площади. Во второй части находилась обширная ярмарочная площадь, примыкавшая к городскому валу с одной стороны, а с другой окаймленная бульваром, открытым в 1860 г.

Кроме нескольких церквей, там располагались мужская гимназия, отделение Красного Креста, мытный двор, полицейское управление, тюрьма и городской сад. Третью часть составляли городские улицы [18, с. 36–37].

В 1847 г. Министерство внутренних дел «ввиду ограничения любострастной болезни, гибельной особенно в тех классах народа, которым неизвестны ее последствия и не имеющих доступной врачебной помощи», через губернаторов запросило информацию «о девках и женщинах занимающихся развратом публично, дознать кто их содержательницы, вид по которому проживают публичные женщины и девки, время поступления их к содержательницам» [19, л. 11–12]. Согласно рапорту ростовского полицмейстера от 21 июля 1847 г. официально в городе проститутки и их содержательницы на учете не состояли. При этом сообщалось о «довольно известных дурного поведения лицах живущих отдельно каждая на своих квартирах любострастных болезней неимеющих». В предоставленном списке значились две мещанские вдовы, три мещанские девки, три солдатки, а также солдатская «дочь умершего отставного солдата Ивана Труева служившего в инвалидной команде» и крестьянская девка Кашинского уезда с. Косова гора вотчины помещицы Трубецкой. Солдатки проживали по документам, выданным рекрутскими присутствиями, а крестьянка – по билету, выписанному управляющим имением Трубецкой. Все женщины квартировали в домах ростовских мещан. В ростовском уезде публичных женщин не имелось [19, л. 27–31].

В 1866 г. в городе было зарегистрировано 20 проституток: 8 солдаток (6 состояли в браке), 7 мещанок, 4 крестьянки и 1 вольноотпущенная. Мещанки были жительницами Ростова, а крестьянки прибыли из уезда [20, л. 29–30]. На 20 февраля 1878 г. числилось 33 публичных женщины, из которых 18 были крестьянками, 8 ростовскими мещанками, 6 солдатками (2 замужем) и 1 записанная как «дочь чиновника» М. Спасская [21, л. 14–16].

По обследованию 1 августа 1889 г. в Ростове подтвердили свой статус 11 проституток-одинок, 7 из которых были местными жительницами, а 4 приехали из других губерний. Средний возраст ростовских проституток составлял 21 год [17, с. 23]. В 1897 г., согласно всероссийской переписи, в разряде местных проституток состояло 20 женщин [16, с. 188].

В упомянутых официальных статистических обзорах существование домов терпимости в Ростове не зафиксировано, но архивные материалы подтверждают их функционирование в разные годы второй половины XIX – начала XX в. 31 декабря 1866 г. крестьянка ростовского уезда Х. Г. Юлина подписала годовой контракт с ростовским мещанином Д. Соколовым, согласно которому она могла открыть в деревянном доме Соколова, находившемся «в городе Ростове в Успенской улице с принадлежащими к нему землею, недвижимым строением и лавкою для какой либо торговли», с 1 января 1867 г. по 1 января 1868 г. «заведение публичных женщин» стоимостью 95 р. серебром. Соколову на этот период в доме проживать воспрещалось. Оплата должна была быть произведена в три этапа, а именно: «при написании сего условия – двадцать рублей, в будущую ростовскую ярмарку – сорок рублей, а остальные 35 рублей в декабре месяце того же 1867 года». Подобный график платежа свидетельствовал в пользу высоких доходов от деятельности борделя в период ростовской ярмарки. Договор был заверен юридически [22, л. 1–2].

Далее, 17 февраля 1867 г. Юлина получила свидетельство ростовского полицейского управления, разрешавшее содержание дома терпимости сроком на один год «с тем, чтобы Юлина все правила, утвержденные Господином Министром внутренних дел 29 мая 1844 года, исполняла во всей точности». К документу прилагался список поступавших в распоряжение Юлиной проституток: солдатских дочерей А. Исаевой 20 лет и Е. Шатровой 19 лет, ростовской мещанской девицы Е. Федякиной 20 лет и крестьянской девицы Т. Дормидонтовой 22 лет [22, л. 3–4 об.].

13 марта 1867 г. к Юлиной явились помощник полицейского пристава и врач Метелицын, крестьянка сообщила: «и нашли что дом Соколова по ветхости по тесноте и сырости неудобен в чем и составили акт и запретили мне торговлю. А 16 числа сего же марта часу в 1 ночи Г. Исправник и частный пристав прибыв в мою квартиру приказали мне прекратить мою торговлю из дома Соколова выехать». При этом в исполнение решения ростовского мирового судьи Соколов взыскал с Юлиной всю оставшуюся сумму. В целях возмещения убытка Юлина ходатайствовала перед губернатором о взыскании 130 р. с полицейского начальства, указав, что оно само выдало свидетельство на открытие заведения именно в доме Соколова, а позднее, в течение ярмарки, дом тер-

тимости инспектировали «полицейские дозоры и г. доктор Метелицын и ничего вредного и неудобного не находили» [22, л. 5].

19 апреля 1867 г. ростовское уездное управление рапортовало губернатору о том, что «публичное заведение девиц вольного поведения крестьянки Юлиной» закрыли в связи с тем, что арендуемый дом оказался «весьма ветхий, двери и потолки покосились, в комнатках, где помещаются спальни довольно сыро», а проститутки Исаева и Федякина были заподозрены в краже и признаны неблагонадежными [22, л. 7]. В прошении Юлиной отказали, о чем ей сообщили лишь 12 марта 1869 г. в Санкт-Петербурге, куда она к этому времени сумела перебраться [22, л. 13–14].

2 апреля 1885 г. в местную полицию поступило прошение от ростовской мещанки А. И. Кореновой об открытии дома терпимости. Было выяснено, что Коренева, 30 лет, под судом и следствием не состояла, детей не имела, дом терпимости предполагала открыть в собственном доме на Успенской ул., в котором имелось шесть комнат. Помещение признали удобным и опрятным. Перед тем как выдать разрешение на открытие борделя с шестью проститутками, полиция проконсультировалась с городским врачом, который заявил, что заведение мещанки Кореновой необходимо «ввиду правильного надзора за проститутками и в предупреждение самовольного открытия других подобных лицами неимеющими права на содержание девочек под видом одиночек». Он даже считал, что одного дома терпимости мало, так как по спискам в городе оставалось еще 15 проституток, а тайно в трактирах и пивных развратом занимались до 40 женщин [23, л. 448–451].

В начале XX в. костромская мещанка Е. Степанова владела одним из ростовских борделей, который располагался в доме А. П. Можайевой. В 1904 г., после проверки помещения полицейским надзирателем 1-й части, оно было «найденно отремонтированным»; разрешение на работу публичного заведения с 4 проститутками продлили [24, л. 13–17]. А в прошении мещанки А. Моисеевой, проживавшей в доме Сахарова, иметь в квартире пять проституток вместо двух было отказано «за неоплатою гербового сбора» [24, л. 30].

Относительно тихую повседневную жизнь уездного города прерывала знаменитая ростовская ярмарка. На протяжении длительного времени она оставалась одной из важнейших статей доходов населенного пункта. Несмотря на то что торговля

ежегодно «начиналась со среды первой недели великого поста и кончалась на четвертой» [18, с. 34], вместе с многочисленным пришлым людом туда прибывали содержательницы домов терпимости и женщины легкого поведения. В 1876–1880 гг. ростовские власти даже запрещали открытие домов терпимости, ссылаясь на творившиеся «безобразия» [25, л. 8–11]. Количество городских проституток менялось каждый месяц.

Социальное положение проституток

26 сентября 1878 г. ростовский пристав рапортовал, что часть публичных женщин проживала «где день, где ночь», а затем без ведома полиции скрывалась. В летнее время «почти половина проституток» занималась в селениях ростовского уезда поденными работами, и только этим трудом они себя прокармливали. В зимнее время многие женщины «не имели не только теплой одежды, но даже обуви» и вследствие этого не могли приходить в назначенные для освидетельствования дни. Это было известно ростовскому городовому врачу, который считал для себя неудобным и затратным ходить по квартирам к подобным женщинам. Чтобы собрать проституток к назначенному для освидетельствования дню, пристав рассылал по городу и в слободы полицейских «для сбора их и отправления к врачу; более приличные женщины весьма часто приглашают к себе бедных проституток, под видом прислуги, одевают их и тайным образом допускают с собою развратничать» [23, л. 53–54]. Чиновник просил полицию сделать распоряжение, чтобы врач посещал их на дому, так как в связи с наступлением зимнего времени и неимением надлежащей одежды, они не могли проходить регулярные медицинские осмотры в земской больнице. Кроме того, предлагалось разрешить открыть новый дом терпимости в Ростове, «и тогда можно надеется, что для полиции не будет столько труда как теперь разыскивать проституток для освидетельствования». шесть из 19 проституток не имели постоянных городских квартир и проживали в близлежащих селениях [23, л. 69–73].

Из-за отсутствия паспортов проститутки не могли свободно перемещаться в другие города, для чего требовалось получить проходное свидетельство, а по прибытию встать на учет в полиции. 8 июня 1880 г. пристав Фролов сообщал, «что публичные женщины Александра Кобылкина и Настасья Тумакова

самовольно уехали, первая – в г. Рыбинск, а последняя – в г. Ярославль, Агрофена Неклюдова из разряда публичных исключена Полицейским Управлением еще в прошлом году; Марья Мелентьева и Клавдия Федякина оставляют разврат, первая хочет поступить на фабрику Кекина, а вторую взял на попечение муж, Апполинария Озерова, Евлампия Богданова находятся на работах в собственных селениях а Марья Поварова и Вера Галина укрываются от освидетельствования, почему по отыскании сего числа будут задержаны при части и завтра отосланы». Кобылкину и Тумакову приговорили к денежным штрафам и сообщили в рыбинское и ярославское полицейские управления [23, л. 230–231].

Проститутки по разным причинам пытались сменить сферу деятельности. Часто в этом им хотели помочь родственники и сожители. Например, мещанка А. П. Фарфаровская объясняла про свою дочь: «по молодости и неопытности своей, увлекшись развратной жизнью, без ведома моего проживала в публичных местах проституток, а поэтому и зачислена в число их, с обязанностью исполнять полицейско-медицинские правила по освидетельствованию организма врачом, для чего и получила от Ростовского городского полицейского управления установленный билет 30 марта сего 1880 года за № 20. В настоящее время дочь моя, Анна Фарфоровская более месяца взята мной в семейство проживает под моим попечением оставивши безнравственную жизнь, занимаясь женскими работами и хозяйством. Почему для освобождения ее от нравственного гнета при воспоминании о жизни проститутки, принимая в свое родительское попечение, я прошу ростовское уездное полицейское управление дочь мою ростовскую мещанскую девицу Анну Алексееву Фарфаровскую из числа проституток исключить и от обязанности являться ко исполнению врачебно-медицинских правил освободить». В ходе проверки было установлено, что «мещанка Анна Фарфаровская действительно в настоящее время оставила разврат, проживает у отца своего, который взял ее на свое попечение с ответственностью за ее поведение» [23, л. 221–223].

Выйти из разряда проституток получалось не у всех женщин. 8 июня 1881 г. солдатская жена А. Ф. Моткова сообщала: «достигши 30 летнего возраста, я хотя и содержу у себя на квартире проституток, но сама по летам и отвращению к этой профессии более этим не занимаюсь, а занимаюсь исключительно одним

домохозяйством и свойственными пожилой женщине работами, о чем засвидетельствует как квартирный мой хозяин мещанин Аполлон Федоров Ушаков и его жена, так и гости». Пристав Фролов установил, что Моткова, проживая в одной квартире с проститутками, продолжала заниматься старой профессией. Ей объявили, что до оставления «квартиры проститутки и занятия самой проституцией», она не может быть исключена из состава проститутки [23, л. 312]. 15 июня 1882 г. крестьянка дер. Турово Х. Кузнецова просила удалить ее из разряда публичных женщин в связи с намерением поступить на фабрику купца Кекина. Женщина получила отказ, так как, по собранным полицией сведениям, «ремесло разврата не оставила» [23, л. 427–428].

14 мая 1882 г. ростовский мещанин А. Коренев заявлял, что имел «на своем содержании в нежных отношениях по обоюдной любви с проституционной вдовой Анной Ивановой Звездкиной», с которой желал продолжить сожителство, и просил ее освободить «от возлагаемого по проституции каждеднедельного свидетельства», ручаясь, что «за ней впредь ничего подобного быть не может». Позднее за себя ходатайствовала сама обер-офицерская вдова Звездкина: «Имею честь покорнейше просить полицейское управление выключить меня из разряда проститутки и освободить от свидетельства; так я уже оставила заниматься и в настоящее время нахожусь на содержании у ростовского мещанина Алексея Коренева больше чем с год». Несмотря на то что заявители действительно сожителствовали, в удалении из разряда публичных женщин ей было отказано, так как «Звездкина шляется по трактирам в обществе проститутки» [23, л. 409–414, 430]. Позднее она все же вышла замуж и открыла дом терпимости [23, л. 448–451].

Часть проститутки состояла в официальном браке, при этом мужа их деятельности не препятствовали, а в некоторой степени даже способствовали. Так, 19 февраля 1883 г. в ростовское уездное полицейское управление поступило прошение солдата В. Федорова, где он сообщал, что его супруга, числившаяся в проститутках Ростова, желала «поступить в число тамошних же в г. Москве», и запрашивал для нее документы для проживания в Москве. К ходатайству прилагалось свидетельство о браке и билет проститутки на имя Н. А. Федоровой, 17-летней ростовской мещанской жены, оформленный 22 декабря 1882 г. В итоге

Федоровой выдали проходное свидетельство, удалили из списка публичных женщин Ростова, а также уведомили канцелярию московского обер-полицмейстера о ее прибытии [23, л. 439–442а].

30 ноября 1882 г. по предписанию Ярославского губернского правления в Ростове с целью предупреждения распространения сифилиса среди нижних воинских чинов начала действовать врачебно-полицейская комиссия [26, л. 8]. В ее состав вошли представители гражданских и военных властей: уездный исправник Крылов (председатель), городской врач Пирожков, капитан 35-й артиллерийской бригады Чайковский и военный врач Гарковенко. К «неукоснительному исполнению» были приняты «Правила о предупреждении распространения любострастной болезни между нижними воинскими чинами в Ярославской губернии», которые предусматривали расширение полномочий военных властей по борьбе с венерическими заболеваниями. Военная администрация получила следующие права:

- командировать своих врачей для освидетельствования проституток-одиночек в помощь городским медикам;
- получать всю необходимую информацию о надзоре за проституцией от ответственных полицейских чиновников;
- собирать сведения о местах, посещаемых солдатами «для полового распутства» и в случае обнаружения мест «тайной проституции» направлять туда полицейских;
- требовать от каждого заболевшего сифилисом солдата точных сведений о заразившей его женщине [26, л. 1–2].

По сообщению поручика Мартоса от 13 апреля 1895 г., солдаты в основном посещали проституток-одиночек, которые квартировали преимущественно на ул. Лазаревской. Некоторые имели постоянных любовниц. В тайные притоны нижние чины не ходили, так как после 9 ч вечера они оставались в казармах, а разрешение на выход предоставлялось только с согласия начальства [27, л. 51]. Несмотря на факты заражения и последующие допросы в военной части, солдаты старались не сообщать о путях инфицирования, скрывали настоящие имена женщин, которые могли передать венерические заболевания. Выданные же проститутки часто оказывались здоровыми [28, л. 85; 29, л. 68]. Деятельность ростовской врачебно-полицейской комиссии способствовала координации и ужесточению межведомственного контроля над городской проституцией.

Проституция и правонарушения

Местом регулярных правонарушений, связанных с проституцией, являлись питейные заведения. В прошении, направленном 19 августа 1891 г. Ярославскому губернатору, ростовчане выражали свое недовольство, заявляя, что «вышли из терпения» и призывали к принятию мер для прекращения «безобразий» в ростовских трактирных заведениях. В прошении предлагалось направить комиссию для проверки ситуации, в том числе на предмет коррупции и неэффективности городской полиции [30, л. 32].

Трактир «Якорь» располагался в непосредственной близости от городской думы и принадлежал бывшему волостному старшине Карашской волости И. В. Григорьеву. В жалобе указывалось, что данное заведение представляло из себя «вертеп», притон для различных сомнительных личностей, особенно женщин с неприличной репутацией. При этом отмечалось, что чины полиции благодетельствовали Григорьеву, вероятно, получали от него взятки. В ответ на многочисленные жалобы, начиная от исправника и заканчивая городовыми, не принимались никакие меры. Трактир Якимовой «Ивановское подворье» также описывался как «не заведение, а прямой дом терпимости», где допускался разврат, включая продажу женщин несовершеннолетним. Однажды в этом трактире был задержан малолетний послушник казначея Троице-Сергиева Варницкого монастыря, который украл деньги и тратил их на алкоголь, находясь в компании проституток [30, л. 32].

27 августа 1891 г. ростовский уездный исправник докладывал губернатору, что даже незначительные нарушения в небольшом городе не оставались незамеченными для полиции. Трактирные заведения, принадлежащие Григорьеву и Якимовой, которые преимущественно посещались представителями низших слоев населения, такими как фабричные рабочие и солдаты, находились под постоянным наблюдением. Помимо регулярных проверок полицейскими патрулями, проводились внезапные ночные осмотры. Благодаря таким мерам, Григорьев привлекался к ответственности за допущение азартных игр и публичных женщин, за что по решению судьи в одном случае был оштрафован на 25 р., а в другом – на 10 р. Якимова также была оштрафована за допущение женщин с дурной репутацией на 25 р. (отменено съездом судей) и еще раз – на 10 р. По мнению чиновника, не-

смотря на сложности, связанные с надзором за трактирными заведениями в Ростове и обусловленные ограниченным числом полицейских, крупные бесчинства происходили в них крайне редко. Губернатор поручил установить более строгий и систематический надзор за данными учреждениями [30, л. 29–37].

В ноябре 1868 г. в Ростове произошло жестокое убийство проститутки П. Тимофеевой, проживавшей в доме Сорокиной. Экспертиза показала, что умершая, на вид 25 лет, обладала русыми густыми волосами, в которых «была замешана яровая солома», высоким ростом и крепким телосложением, «подкожный слой содержал много жира». На трупе были надеты «неопряденная деревенская рубашка с лифом из красного ситца, на ногах худые шерстяные чулки, на правой руке четыре кольца черноватого цвета». Перед смертью и в течение жизни женщина систематически употребляла спиртные напитки. Помимо алкоголя, в желудке обнаружили остатки пшеничной каши. Тело имело множественные травмы, в том числе головы, шеи и рук. Внутренние повреждения включали гиперемии мягкой мозговой оболочки и увеличенную печень с кровью. Удары наносились поленом и кулаками [31, л. 18].

Преступление совершили четыре человека: ростовские мещане Е. Федякина, А. Головин, И. Новиков и крестьянка ростовского уезда У. Васильева. У Федякиной и Новикова на руках были обнаружены раны от укусов, указывавшие на попытку самообороны со стороны Тимофеевой. Труп в мешке с камнями бросили в колодец на ул. Лазаревской. Местные жители знали, что женщина имела накопления, «хоть она себе ни в чем и не отказывала, но была бережлива и даже скупа». После происшествия выяснилось, что у Тимофеевой пропала шкатулка со 120 р. и пальто [31, л. 3–4, 16]. Федякина и Васильева в 1866 г. состояли в числе ростовских проституток [20, л. 19–20]. Повседневная жизнь публичных женщин ставила их в группу риска, повышала вероятность возникновения конфликтных ситуаций и насилия со стороны клиентов или знакомых. Регулярное потребление алкоголя дополнительно увеличивало уязвимость женщин.

Обсуждение и выводы

Во второй половине XIX – начале XX в. проституция была заметным элементом повседневной жизни российского провинциального города. Социальный состав девушек легкого поведения

небольших уездных городов в целом соответствовал более крупным урбанизированным центрам. Особенно бедственным было материальное положение проституток, прибывавших из сельской глубинки. Основными потребителями платных интимных услуг являлись представители низших социальных слоев, пришлый рабочий люд и солдаты. Публичные женщины по большей части были проститутками-одиночками, квартировавшими в домах местных мещан. Дома терпимости, рассчитанные на состоятельную публику, как правило, отсутствовали. Часть женщин так и не сумела оставить «ремесло разврата», отдав этому молодость. Некоторые впоследствии сами становились содержательницами борделей. Другие же сумели завязать с «непотребством», устроиться на работу, выйти замуж, переехать.

Местные власти осуществляли строгий надзор за женщинами, попавшими в список проституток, который пополнялся за счет задержанных по обвинению в нелегальной проституции и на основе личного заявления. Несмотря на возможность беспрепятственно оставить профессию, даже в случае долга перед содержательницей, полиция внимательно разбиралась в каждом случае. При наличии сомнения в реальном намерении женщины бросить проституцию, паспорт не возвращался, приходилось продолжать регулярно проходить медицинские освидетельствования. Поднадзорная проституция не являлась основной причиной распространения венерических заболеваний. Тайная проституция в этом смысле представляла гораздо большую опасность. Сочетание профессиональной деятельности, социального окружения и предрасположенности к употреблению спиртных напитков создавало условия, способствовавшие насилию и преступлениям как против публичных женщин, так и с их стороны.

Список литературы

1. Hearne S. Policing prostitution: regulating the lower classes in late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press, 2021. 240 p.
2. Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1995. 304 p.
3. Allen B. C. Prostitution and the State in Late Imperial Russia. California: University of California Press, 1999. 288 p.
4. Lucey C. Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 270 p.
5. Тарновский В. М. Проституция и аболиционизм: докл. Рус. сифилидол. и дерматол. о-ву проф. В. М. Тарновского. СПб.: К. Риккер, 1888. 261 с.

6. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгов женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб.: б. и., 1911–1912. Т. 1–2.
7. Карандашев Г. В. Проституция в повседневной жизни г. Рыбинска во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 53–60. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60. EDN: HKMIRX
8. Карандашев Г. В. Городская повседневность: проституция в Ярославле в конце XIX – начале XX вв. // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – № 1 (33). – С. 48–57. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.005. EDN: TOTYVG
9. Кончаковская Н. Б. Проституция в городской повседневности пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. – 2020. – № 2(49). – С. 67–79. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-2-67-79. EDN: QWYJVY
10. Лебина Н. Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с. EDN: VHFHKT
11. Малышева С. Ю. Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. – № 3–1. – С. 102–112. EDN: RBXLJN
12. Нестеренко Д. Н. Особенности взаимоотношений маргинальных элементов и общества на примере феномена проституции в XIX веке (по материалам Енисейской губернии) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2024. – № 1. – С. 155–164. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164. EDN: XTNHZX
13. Синова И. В. Жизнь по «жёлтому» билету. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2021. 208 с. EDN: RZUTUK
14. Синова И. В. Маргиналы в петербургском социуме во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2016. – № 1(1). – С. 63–76. EDN: WPCQXQ
15. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 4. – № 1. – С. 7–21. EDN: SEELED
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ярославская губерния. СПб.: Тип. кн. В. И. Мещерского, 1904. 233.
17. Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб.: Тип. Мин. внутр. дел, 1890. С. 16–36.
18. Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий: Типография А. Х. Оппель, 1912. 115 с.
19. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 3. Д. 796.
20. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 5.
21. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 197.
22. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2901.
23. Государственный архив Ярославской области Ростовский филиал (ГАЯО РсФ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 241.
24. ГАЯО РсФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 277.
25. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 3203.
26. ГАЯО РсФ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 193.
27. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 958.
28. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 600.
29. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 2. Д. 247.
30. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4135.
31. ГАЯО. Ф. 346. Оп. 4. Д. 187.

Everyday Life of a County Town: Prostitution in Rostov in the 1850s through 1900s

Gleb V. Karandashev

The article examines the problem of urban prostitution in Russia in the second half of the 19th – early 20th century on the example of the district city of Rostov, Yaroslavl province. Based on the analysis of a wide range of sources, prostitution is considered as a socio-cultural phenomenon of everyday life in Rostov, which allows to identify the dynamics and characteristics of prostitution as an integral component of urban life. The paper examines the social status of prostitutes, the activities of the brothels' keepers and the surrounding socio-cultural environment. The famous Rostov fair brought a special flavor to the life of the city, attracting girls of easy virtue. A medical and police commission operated in Rostov to prevent the spread of syphilis. Clandestine prostitution posed the greatest danger in terms of the spread of sexually transmitted diseases. The majority of public women belonged to the lower social categories. Visitant prostitutes, mostly single, lived in the houses of Rostov burghers, and the locals had their own housing. Women were restricted in their right to move freely and leave the prostitution ring. The combination of the professional activity specifics, social environment and predisposition to alcohol contributed to the formation of a criminogenic environment around them.

Key words: Russian Empire, Yaroslavl province, Rostov, everyday life, prostitution, police.

For citation: Karandashev, G. V. (2025) Povsednevnyaya zhizn' uezdnogo goroda: prostituciya v Rostove vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Everyday Life of a County Town: Prostitution in Rostov in the 1850s through 1900s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 174–189. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_174. EDN: HKKIFG

References

1. Hearne, S. (2021) Policing prostitution: regulating the lower classes in late Imperial Russia. Oxford: Oxford University Press.
2. Bernstein, L. (1995) *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press.
3. Allen, B. C. (1999) *Prostitution and the State in Late Imperial Russia*. University of California Press.
4. Lucey, C. (2021) *Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
5. Tarnovskij, V. M. (1888) *Prostituciya i abolicionizm: Dokl. Rus. sifilidol. i dermatol. o-vu prof. V. M. Tarnovskogo* [Prostitution and abolitionism: report to Russian syphilidol. and dermatol. society by Prof. V. M. Tarnovskij]. St. Petersburg: K. Rikker. (In Russ.)
6. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshego v S.-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda* (1911–1912) [Proceedings of the First All-Russian Congress on combating trafficking in women and its causes, which took place in St. Petersburg from April 21 to April 25 1910]. Vol. 1–2. St. Petersburg. (In Russ.)
7. Karandashev, G. V. (2024) *Prostituciya v povsednevnoj zhizni g. Rybinska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Prostitution in the daily life of Rybinsk in the 2nd half of the 19th – the early 20th century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. Vol. 30. No. 1. Pp. 53–60. (In Russ.). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-53-60. EDN: HKMIRX
8. Karandashev, G. V. (2024) *Gorodskaya povsednevnost': prostituciya v Yaroslavle v konce XIX – nachale XX vv.* [Urban everyday life: prostitution in Yaroslavl in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. [Herald of Humanitarian Education]. No. 1 (33). Pp. 48–57. (In Russ.). DOI: 10.25730/VSU.2070.24.005. EDN: TOTYVG
9. Konchakovskaia, N. B. (2020) *Prostitutsiia v gorodskoi povsednevnosti Permskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Vestnik of Perm University]. No. 2 (49). Pp. 67–79. (In Russ.). DOI: 10.17072/2219-3111-2020-2-67-79. EDN: QWYJVV
10. Leбина, N. B. (1994) *Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (40s of the 19th century – 40s of the 20th century)]. Moscow: Progress Academy. (In Russ.). EDN: VHFHKT
11. Malysheva, S. Yu. (2013) *Soderzhatel'nicy kazanskikh bordelej vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: portret javleniya* [The mistresses of Kazan brothels in the second half of the 19th – early 20th century: the portrait

of the phenomenon]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 155. No. 3–1. Pp. 102–112. (In Russ.) EDN RBXLJN

12. Nesterenko, D. N. (2024) *Osobennosti vzaimootnoshenij marginal'nykh elementov i obshchestva na primere fenomena prostitutsii v XIX veke (po materialam Enisejskoj gubernii)* [Relationships features of the marginal elements and society by the example of the prostitution phenomenon in the 19th century (based on materials of the Yenisei province)]. *Sotsial'no-ekonomicheskij i humanitarnyj zhurnal* [Socio-economic and humanitarian journal]. No. 1. Pp. 155–164. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-155-164. EDN: XTNNHZ

13. Sinova, I. V. (2021) *ZHizn' po «zhyltomu» biletu* [Life on the "yellow" ticket]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russ.). EDN: RZUTUK

14. Sinova, I. V. (2016) *Marginaly v peterburgskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Marginals in St. Petersburg society in the second half of the 19th – early 20th century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. No. 1 (1). Pp. 63–76. (In Russ.). EDN: WPCKQX

15. Pushkareva, N. L., Lyubichankovskij, S. V. (2014) *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyah: ot shkoly Annalov k Rossijskoj filosofskoj shkole* [Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annales school to the Russian philosophical school]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. Vol. 4. No. 1. Pp. 7–21. (In Russ.). EDN: SEELED

16. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda. Yaroslavskaya guberniya* (1904) [First General Census of the Russian Empire in 1897. Yaroslavl Province]. St. Petersburg: Tip. kn. B. I. Meshcherskogo, (In Russ.)

17. *Prostituciya = La prostitution: po obsledovaniyu 1-go avgusta 1889 goda* (1890) [Prostitution according to the survey of August 1, 1889]. St. Petersburg. (In Russ.)

18. Ivanov, D. A. (1912) *Sputnik po Rostovu Velikomu Yaroslavskoj gubernii* [Companion to Rostov the Great, Yaroslavl province]. Rostov Velikij: Tipografiya A. H. Oppel. (In Russ.)

19. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti* [State Archive of the Yaroslavl region] (hereinafter – GAYO). F. 73. Op. 3. D. 796.

20. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 5.

21. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 197.

22. GAYO. F. 73. Op. 4. D. 2901.

23. *Gosudarstvennyj arhiv Yaroslavskoj oblasti. Rostovskij filial* [State Archive of the Yaroslavl region. Rostov branch] (hereinafter – GAYO RsF). F. 34. Op. 1. D. 241.

24. GAYO RsF. F. 13. Op. 1. D. 277.

25. GAYO. F. 73. Op. 4. D. 3203.

26. GAYO RsF. F. 13. Op. 1. D. 193.

27. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 600.

28. GAYO. F. 1150. Op. 2 D. 247.

29. GAYO. F. 1150. Op. 1. D. 958.

30. GAYO. F. 73. Op. 4. D. 4135.

31. GAYO. F. 346. Op. 4. D. 187.

Об авторе

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация; e-mail: karandashev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7499-9254

About the author

Karandashev Gleb V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation; e-mail: karandashev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-7499-9254

Статья поступила в редакцию 28.11.2024

Одобрена после рецензирования 22.01.2025

Принята к публикации 27.01.2025

Колониальные журналы как источник по вопросам переселения в немецкие колонии

В. Шмидт

В статье проанализированы публикации колониальных журналов кайзеровской Германии по вопросам переселенческой политики в немецкие колонии, поскольку в исследованиях колониального прошлого Германии практически отсутствует упоминание о роли колониальных журналов в формировании мнения немецкого общества на проблему переселения в немецкие колонии. Подборка колониальных журналов определялась преимущественно их ролью в освящении данного вопроса. Анализ содержания публикаций колониальных журналов по вопросам переселения в немецкие колонии во многом показывает их двойственный характер, что свидетельствует о том, что они отражали не только официальную точку зрения, но и оппозиционные взгляды определенных кругов страны на эту проблему. Редакции изданий стремились представить широкий спектр мнений по теме переселения, но в основном в статьях высказывалась позиция, отрицавшая необходимость немецкого переселения в колонии.

Ключевые слова: колониальная политика, колониальные журналы, переселенческая политика, немецкие колонии, двойственный характер публикаций колониальных журналов.

Для цитирования: Шмидт В. Колониальные журналы как источник по вопросам переселения в немецкие колонии // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 190–202. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_190. EDN: HMJORQ

Введение

Одной из актуальных проблем колониальной политики Германии являлся вопрос переселения ее населения в немецкие колонии. В связи с этим представляется необходимым рассмотрение роли колониальных журналов в формировании представлений читательской аудитории о немецких колониях. К сожалению, долгое время колониальные журналы кайзеровской Германии практически не анализировались в плане их значимости в освещении вопросов, связанных с переселением.

Нужно сразу оговориться, что проблема переселения в колонии со стороны правительства страны была не особенно желательной темой. К тому же большинство населения Германии не проявляло особого интереса к колониальным захватам и уже приобретенным немецким колониям. Еще в 1880 г. Бисмарк высказал мысль, что «как долго я буду рейхсканцлером, мы не будем проводить активной колониальной политики» [1, р. 54]. Или его же высказывание «Моя карта Африки лежит в Европе. Здесь лежит Россия, здесь находится Франция, а мы находимся в середине, это моя карта Африки» [2, р. 377].

Из высказываний Бисмарка следует, что он не питал иллюзий относительно экономического значения колоний. Для него главным во внешнеполитическом плане являлось сохранение хороших взаимоотношений с Англией, «так как это в тысячу раз лучше, чем Восточная Африка» [3, р. 364].

Статистические данные свидетельствуют о том, что к началу 1912 г. в колониальных владениях Германии проживало 18 560 немцев, из них 12 135 – в немецкой Юго-Западной Африке, 3 579 – в немецкой Восточной Африке, 1 339 – в Камеруне, 665 – в немецкой Новой Гвинее, 316 – в Того. Основной причиной, по которой немцы не желали переселяться в колонии являлось то, что они не рассматривались руководством страны как территории, пригодные для переселения. К тому же не имелось достаточно материальных средств для поддержки переселенческого движения, а следовательно, на основе этого у желающих переселиться в колонии не было наличного капитала прежде всего для переезда, а также для обустройства на новом месте [4, р. 28]. В начале 90-х гг. XIX в. в Германии развилось мнение, что увеличение населения страны можно регулировать с помощью создания условий для массового переселения в колонии, однако

на деле это являлось полной спекуляцией, так как Германия для организации переселенческого движения в колонии не обладала достаточными финансовыми средствами.

Историография вопроса о переселении в немецкие колонии на основе материалов колониальных журналов не особенно обширна. К числу значимых произведений, в которых указана библиография колониальных журналов, следовало бы отнести работу Петера Юнге, в которой он провел классификацию колониальных журналов по целям их публикаций [5].

Колониальные журналы, по классификации Юнге, можно разделить на следующие группы:

1. Информативные, которые предназначены для широкой читательской аудитории, например, «*Deutsche Kolonialzeitung*» и «*Koloniale Zeitschrift*».

2. Научные – «*Beiträge zur Kolonialpolitik und Kolonialwirtschaft*», а также «*Zeitschrift für Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft*», «*Koloniale Monatsblätter*», «*Jahrbücher über die deutschen Kolonien*», публикации которых были рассчитаны на узкий круг специалистов.

3. Информативные, ориентированные на контингент переселенцев из числа молодых людей – «*Deutsche Kulturpionier*», а также журнал, предназначенный для женской читательской аудитории – «*Kolonie und Heimat*».

Надо отметить, что специальной литературы, непосредственно касающейся вопросов переселения в немецкие колонии, не имеется, в основном данная проблема представлена в отдельных исследованиях, посвященных отдельным немецким колониям. В этом плане следует отметить работу Удо Каулиха, в которой имеются сведения о переселении в немецкую Юго-Западную Африку [6].

Значимым исследованием по вопросам переселения в немецкие колонии также является труд Бирты Кундрус «*Moderne Imperialisten. Das Kaiserreich im Spiegel seiner Kolonien*» [7]. Общая история колониальной империи под немецким управлением представлена в монографии Хорста Грюндера, в которой затрагиваются вопросы, связанные с переселением из Германии в немецкие колонии [8].

Информативный журнал «*Deutsche Kolonialzeitung*» издавался с 1884 г. как печатный орган колониального союза первона-

чально во Франкфурте-на-Майне, а затем с 1885 г. в Берлине. В первом номере за 1884 г. были оговорены цели и задачи этого печатного издания. «*Deutsche Kolonialzeitung*», как новый печатный орган немецкого колониального союза ставил во главу угла защиту колониальных интересов Германии. «С особенным вниманием» он собирался рассматривать вопросы развития колониально-политического движения в других государствах, а также «объективно освещать вопросы о немецких поселениях во всех частях света» [9, р. 1].

Другой колониальный журнал информативного характера «*Koloniale Zeitschrift*» начал выходить с января 1900 г. Статьи в этом журнале можно разделить по содержанию на политические, экономические и географические. В нем также публиковалось специальное «Обозрение» о колониях Германии и колониях других европейских государств, прежде всего их колониальных владениях в Африке. Вопросы переселенческой политики в немецкие колонии журнал освещал не очень активно.

К числу научных колониальных журналов, рассчитанных на узкий круг специалистов, относился прежде всего «*Beiträge zur Kolonialpolitik und Kolonialwirtschaft*», первоначально выходивший с 1899 г. в издательстве Вильгельма Зюссерота в Берлине. Данный журнал являлся вторым важнейшим печатным органом немецкого колониального общества, после «*Deutsche Kolonialzeitung*». В отличие от «*Deutsche Kolonialzeitung*» этот журнал был ориентирован на аудиторию с определенными знаниями о колониальном вопросе.

Следующий журнал «*Jahrbücher über die deutschen Kolonien*», выпущенный Карлом Шнайдером в издательстве «Бедекер» в Эсенне, также принадлежал к числу информативных видов. Он был предназначен для студентов колониальных школ. Надо отметить, что в содержании журнала не было четкой градации по заявленным темам. Материалы журнала интересны также и в том плане, что на его страницах с определенной периодичностью публиковались сюжеты, касавшиеся вопросов переселения в немецкие колонии.

В рамках данной темы следовало бы рассмотреть также специализированные колониальные журналы информативного характера для будущих переселенцев. К их числу прежде всего относится «*Deutsche Kulturpionier*», специально издававшийся

для студентов колониальной школы в Витценхаузене в период с 1900 по 1919 гг. В нем в основном публиковались письма бывших учащихся школы, переселившихся в немецкие колонии.

Результаты

Важным моментом при систематизации колониальных журналов в освещении вопросов переселения в немецкие колонии является их принадлежность к различным политическим группам, иными словами, к различным колониальным союзам. Эти агитационные союзы особенно развились с 1880 г., став «внутриполитической силой» [10, р. 10]. В основном члены этих союзов – это представители городских слоев, которые находились под руководством профессиональных политиков, так как в большинстве данные союзы находились в тесном контакте с партиями [11, р. 301].

«Deutsche Kolonialzeitung» был печатным органом немецкого колониального союза («Deutscher Kolonialverein»), руководителем которого являлся Герман цу Хохенлоэ-Лангенбург. В 1886 г. союз насчитывал 12 400 членов, которые в основном принадлежали к городской буржуазии, к политическим кругам, индустриальному, торговому и финансовому капиталу [12, р. 159].

«Kolonialverein» являлся независимой от правительства организацией, которая сотрудничала с членами всех партий [13, р. 19]. Его основными целями были пропаганда идей нужности колониальной работы, а также требование организации торговых факторий и создание сельскохозяйственных колоний в уже имевшихся немецких колониях, а также захват новых колониальных территорий [14, р. 311].

Также к задачам «Deutscher Kolonialverein» относилось получение пространства для переселения немецкого населения. Однако ситуация внутри страны выглядела по-иному. В «Deutsche Kolonialzeitung» за 1887 г. было ясно сказано, что переселенческие колонии со стороны государства являются нежелательными, иными словами, колонии не рассматривались со стороны государства как территории для переселения. Объясняя эту позицию, редакция журнала «Deutsche Kolonialzeitung» опубликовала ряд статей, взятых из «Reichsanzeiger» за 1886 г. Особенно был выделен тезис: «Нужно справедливо отметить, что заморские колонии Германии как области для переселения не одинаковы с областями для переселения в США» Далее сооб-

щалось, что будущие переселенцы не должны питать иллюзий о спокойной жизни с достатком в колониях, так как переселение связано прежде всего с трудной работой. Кто желает переселиться, должен работать для того, чтобы поддержать свою жизнь. При этом жизнь и работа в колониях во многом будет зависеть от климата и качества почвы [15, р. 668], а государство не берет ответственности за это переселение [16, р. 103].

Херфурт писал в 1903 г.: «Когда мы двадцать лет назад начали нашу колониальную политику, мы хорошо знали, как и сегодня, из каких оснований мы это делаем. Мы стремились ограничить немецкое переселение, а именно направить немецких переселенцев в немецкие колонии, с помощью чего укрепить нашу экономическую жизнь через создание рынков» [17, р. 235].

Интерес к колониям оставался у большинства населения Германии до 1914 г. малозначительным, да и материалы колониальных журналов формировали среди населения страны негативное представление о колониях, что в свою очередь способствовало затруднению в организации планового переселения.

Практически все партии кайзеровской Германии в начале колониальной эры не концентрировали свою деятельность на вопросах заморской экспансии. Многие из них вообще были против захвата колоний. А те партии, которые открыто выступали за приобретение колоний, такие как консерваторы и национал-либералы, в сущности, не были полностью настроены на поддержку колониальной идеи. «Немецкая консервативная партия», членами которой являлись дворяне и крупные землевладельцы, выступали за экспансию на Востоке, в предподчтении заморским колониям. «Немецкая народная партия» была ограничена локальной деятельностью. Отношение католической партии «Центр» к колониальной политике невозможно оценить однозначно. Она, с одной стороны рассматривала колониальную политику как возможность для создания рынков сбыта продукции немецкой промышленности, а с другой стороны, под углом дальнейшего развития экспорта. Левые либералы считали колонии экономически неэффективными и в дальнейшем, по их мнению, расширение колониальных владений должно было стать причиной многих международных конфликтов. Социал-демократы высказывали мнение, что колониальная политика есть средство для продолжения существования капитализма.

В этом плане однозначной позиции в поддержку переселения придерживался только журнал «Kolonialzeitschrift». Но и он вынужден был предупреждать тех, кто рассчитывал на легкую жизнь на новых землях без особых забот: «Имеются люди, которые имеют представления о наших колониях, в которых летают жаренные голуби, следовательно, по их мнению, в колониях без особых усилий можно достичь богатства» [18, р. 178].

Одной из актуальных тем, по которой происходила дискуссия в колониальных журналах, была проблема климата и жизненных условий для переселения. Главным образом это касалось немецкой Юго-Западной и Восточной Африки. Другие немецкие колонии рассматривались как торговые колонии, поэтому о них не было дискуссий о пригодности их климата для переселения. Одной из самых частых дискуссий была по теме климата немецкой Восточной Африки и его влияния на здоровье европейских переселенцев. В противовес немецкой Юго-Западной Африке, где был субтропический климат, который был предпочтителен для переселения, в немецкой Восточной Африке был тропический климат, который сопутствовал развитию типичных тропических болезней, как например, малярия.

Среди авторов колониальных журналов не было единого мнения по поводу оценки климата для европейских переселенцев. В целом их позиции по данному вопросу можно разделить на четыре категории:

- 1) климат немецкой Восточной Африки во всех областях колонии подходит для немецкого переселения;
- 2) для немецкого переселения климат подходит только в горных районах колонии;
- 3) климат практически непригоден для немецкого переселения;
- 4) переселенцы могут при здоровом образе жизни защитить себя от болезней, поэтому влияние климата является второстепенным фактором.

Мнение о пригодности в климатическом отношении всех областей немецкой Восточной Африки для заселения немцами переселенцами высказал Прайер в журнале «Deutsche Kolonialpionier», где положительно отозвался о климате этой немецкой колонии. Надо отметить, что Прайер являлся единственным автором колониальных журналов, который рас-

считывал не только горные районы колонии как пригодные регионы для переселения, но также и степные районы. По его мнению, важным фактором для переселения являлось улучшение путей сообщения, что способствовало бы быстрейшему процессу переселения [19, р. 87–93].

В большинстве случаев авторы колониальных журналов считали, что единственным регионом, подходящим для переселения немецких колонистов, являются горные районы колонии, свободные от малярии. Так, Август Лейе в статье «О заселении немецкой Восточной Африки», опубликованной в «*Deutsche Kolonialzeitung*», рассматривал территории Уее, Ибена и Конде как более пригодные регионы для немецкого переселения, так как они были свободны от тропических болезней [20, р. 253].

Противоположной позиции придерживался Курт Тоэппен. В статье «Заселение Восточной Африки», также опубликованной в «*Deutsche Kolonialzeitung*», он писал, что климат этой колонии для переселения является непригодным. Тоэппен видел проблему для переселения не только в тропических заболеваниях, с которыми придется столкнуться колонистам, но и с трудностями, которые ожидают их при жизни во внутренних районах колонии [21, р. 208].

Напротив, доктор Беервальд в журнале «*Deutsche Kolonialpionier*» за 1903 г. подверг критике мнение Тоэппена. Он доказывал, что переселение возможно при условии, что переселенцы будут вести «здоровый образ жизни, главным образом питаться продуктами колонии и при этом думать о запрете на алкоголь, т. е. полностью исключат употребление алкоголя» [17].

Наряду с критикой вопросов переселения в немецкие колонии, имелось также много предложений по улучшению этого процесса. В многочисленных статьях, опубликованных в колониальных журналах, рассматривался вопрос о возможности переселения и заселения Африки бурами. Особенно активно в колониальных журналах обсуждалась тема о переселении буров в немецкую Юго-Западную Африку.

Буры являлись потомками переселенцев из Германии, Франции и Голландии, которые с 1652 г. поселились в Южной Африке. В октябре 1899 г. Южноафриканской республике была объявлена война Англией. Бурские республики были вынуждены признать, что их присоединение к Британской империи

означало для них потерю независимости. В немецкой прессе, а в особенности в «Alldeutsche Partei», прямо высказывалось сочувствие «несчастливым братьям» [22, р. 69].

Многие представители научных кругов Германии, такие как Эрнст фон Вебер, Генрих фон Трейчке и Юлиус Ланглебен подчеркивали идентичности в расовом отношении немцев и буров. В германском обществе также имелись круги, которые мечтали о немецкой южноафриканской империи. Многие авторы видели в бурах союзников в борьбе против африканцев, рассматривая тему их переселения как лозунг для дальнейшего развития немецких колоний. Такой подход существовал, например, в работах К. Дове [23, р. 88]. По мнению этих авторов, буры являлись европейцами, которые имели интерес к переселению в немецкие колонии и представление о введении сельского хозяйства в засушливых районах [24, р. 36].

Но также имелись и противники переселения буров в немецкие колонии, к их числу относилось немецкое колониальное общество. Они видели в бурах типичных представителей беднейших слоев и готовы были использовать буров лишь как пример для начала колонизации немецких колоний и как рекламу для немцев, желающих переселиться в колонии.

В результате отдельные семьи буров начали осуществлять самостоятельное переселение в германские колонии, но государственной помощи им не оказывалось. Причем большинство из них отправилось в немецкую Юго-Западную Африку. В 1903 г. из 4682 европейских жителей этой территории 56 % составляли немцы, 31,4 % имели бурское происхождение. «Бур есть пионер для освоения наших областей и является поэтому нужным элементом», как писала об этом «Deutsche Kolonialzeitung» [25, р. 239].

Один из авторов колониальных журналов, Прагер также поддерживал идею переселения буров, пока «немцы находятся еще в состоянии осмысления вопросов о переселении», а значит для колонизации региона «лучше использовать силы других наций» [26, р. 303].

Тема переселения буров обсуждалась не только на страницах информативных журналов, но также нашла отражение в научных публикациях. В первую очередь это были статьи врача Зандера, который восхищался мужеством буров в их борьбе против Англии и одновременно предлагал их переселение

в немецкую Юго-Западную Африку. Причем он не видел опасности в переселении буров для переселения немцев [27, р. 611].

Можно сказать, что большинство авторов колониальных журналов положительно относились к вопросу переселения буров в немецкие колонии. Свидетельством этому также является тот факт, что в «*Deutsche Kolonialzeitung*» публиковались положительные статьи о бурах, несмотря на то что немецкое колониальное общество было против этого переселения. Большинство авторов в колониальных журналах писало о незначительном использовании буров в переселенческих мероприятиях в немецкие колонии, обосновывая это тем, что и немецкие переселенцы также должны жить в колониях. Письма переселенцев, которые писали по вопросу переселения буров в колонии, колониальные журналы не публиковали.

Обсуждение и выводы

Колониальные журналы не сформировали положительного мнения немецкого общества о необходимости переселяться в африканские колонии, не способствовали они и организации этого процесса.

Содержание колониальных журналов свидетельствует также о том, что хотя редакции стремились представить широкий спектр мнений по данной проблеме, в основном публиковались оценки, направленные против немецкого переселения в колонии. Авторы, сообщавшие о переселении в колонии, предупреждали о многочисленных трудностях и предостерегали потенциальных переселенцев. Таким образом, очевидно желание издателей журналов: Альфреда Херфурта, Франца Кольбе, Ганса Вагнера и др. противостоять возможному массовому переселению в немецкие колонии жителей метрополии.

Список литературы

1. Poschinger H. V. (Hrsg.) Bismark und die Parlamentarier. Bd. III. Breslau: Trewend, 1896. 332 p.
2. Engelberg Ernst. Bismark. Das Reich in der Mitte Europas. Bd. II. Berlin: Siedler, 1990. 730 p.
3. Wehler Hans – Ulrich. Bismark und der Imperialismus. München: Deutsche Taschenbuchverlag, 1976. 586 p.
4. Siedhoff Carola. Die Auswanderung in die deutschen Kolonien im Spiegel der deutschen Kolonialzeitschriften von 1884 bis zum Ersten Weltkrieg. Berlin: Business, 2001. 200 p.
5. Junge Peter. Bibliographie deutschen Kolonialzeitschriften. Bd. III. Bremen 1985. 113 p.

6. Kaulich Udo. Die Geschichte der ehemaligen Kolonie Deutsch-Südwestafrika (1884–1914). Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main: Lang, 2001. 639 p.
7. Kundrus Birtte. Moderne Imperialisten. Kaiserreich im Spiegel seiner Kolonien. Köln: Böhlau, 2003. 339 p.
8. Gründer Horst. Geschichte der deutschen Kolonien. – Paderborn: Schöningh 2001. – 312 p.
9. Deutsche Kolonialzeitung. 1884. No. 1. Pp. 1–2.
10. Gießner Axel. Massenverbände und Massenparteien im wilhelminischen Reich. Zum Wandel der Wahlkultur 1903–1912. Düsseldorf: Droste, 2000. 338 p.
11. Hering Reiner. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Christians, 2003. 600p.
12. Fricke Dieter (Hrsg.) Lexikon zur Parteiengeschichte. Bd. 2. Köln: Pahl – Rugenstein, 1984. 768 p.
13. Deutsche Kolonialgesellschaft (Hrsg.). Fünfzig Jahre Deutsche Kolonialgesellschaft. 1882–1932. Berlin: 1932. 40 p.
14. Schnee Heinrich. Deutsches Kolonial – Lexikon. Bd. 1. Leipzig: Quelle und Meyer, 1920. 776 p.
15. Deutsche Kolonialzeitung. – Band – 1885. – No. 2. – Pp. 659–668.
16. Deutsche Kolonialzeitung. – Band – 1887. No. 4. – Pp. 100–105.
17. Deutsche Kolonialzeitschrift. 1903. No. 13. – Pp. 230–235.
18. Deutsche Kolonialzeitung. – 1910. No. 8. – Pp. 170–178.
19. Deutsche Kolonialpionier. – 1902. No. 1/2. – Pp. 87–93.
20. Deutsche Kolonialzeitung. – 1902. No. 26. – Pp. 249–253.
21. Deutsche Kolonialzeitung. – 1902. – No. 28. – Pp. 200–208.
22. Schwabe K. Mit Schwert und Pflug in Deutsch-Südwestafrika. Vier Kriege – und Wanderjahre. Berlin: Mittler, 1899. 448 p.
23. Dove K. Deutsch – Südwest – Afrika. Gotha: Perthes, 1896. 93 p.
24. Hindorf Richard. Der landwirtschaftliche Wert und die Besiedlungsfähigkeit Deutsch-Südwestafrikas. Berlin: Mittler & Sohn, 1902. 88 p.
25. Deutsche Kolonialzeitung. – 1903. – No. 13. – Pp. 230–239.
26. Deutsche Kolonialzeitschrift. – 1902. – No. – 31. – Pp. 299–303.
27. Beiträge zur Kolonialpolitik und Kolonialwirtschaft. – Band. – 1899. – No. 12. – Pp. 609–611.

Colonial Magazines as a Source to Study Relocation to German Colonies

Waldemar Schmidt

The author of the article analyzed the publications of colonial magazines of Kaiser Germany on the issues of resettlement policy in the German colonies. The author was guided primarily by the fact that in studies of the colonial past of Germany there is practically no mention of the role of colonial magazines in shaping views among German society on the problem of resettlement in the German colonies. The selection of colonial magazines was determined primarily by their significance in covering issues of the country's resettlement policy in the German colonies. It should be noted that the publications of colonial magazines on the issue of resettlement in the German colonies have, first of all, a certain significance in understanding the attitude of imperial colonial circles to the problem of resettlement. When analyzing the publications of colonial magazines, the contents of articles and notes on the issues of resettlement in the German colonies, their dual nature is largely shown, which indicates that the publications of colonial magazines reflected not only the official point of view on the issues of resettlement in the German colonies,

but also reflected the opposition the views of certain circles of the country on this problem. The content of colonial magazines also indicates that the editors sought to present a wide range of opinions on this issue, but mainly the articles expressed opinions directed against German resettlement in the colonies. The authors who reported on the relocation to the colonies in their articles also warned and cautioned against this relocation.

Key words: colonial policy, colonial magazines, resettlement policy, German colonies, dual nature of publications in colonial magazines.

For citation: Waldemar, S. (2025) Kolonial'nye zhurnaly kak istochnik po voprosam pereseleniya v nemeckie kolonii [Colonial Magazines as a Source to Study Relocation to German Colonies]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 190–202. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_190. EDN: HMJORQ

References

1. Poschinger, H. V. (Hrsg.) (1896) Bismark und die Parlamentarier. Bd. III. Breslau: Tre-wend. (In Germ.)
2. Engelberg, Ernst (1990) Bismark. Das Reich in der Mitte Europas. Bd. II. Berlin: Siedler. (In Germ.)
3. Wehler, Hans-Ulrich. (1976) Bismark und der Imperialismus. München. Deutscher Ta-schenbuchverlag. (In Germ.)
4. Siedhoff, Carola (2001) Die Auswanderung in die deutschen Kolonien im Spiegel der deut-schen Kolonialzeitschriften von 1884 bis zum Ersten Weltkrieg. Berlin: Business. (In Germ.)
5. Junge, Peter (1985) Bibliographie deutschen Kolonialzeitschriften. Bd. III. Bremen. (In Germ.)
6. Kaulich, Udo. (2001) Die Geschichte der ehemaligen Kolonie Deutsch-Südwestafrika (1884–1914). Eine Gesamtdarstellung. Frankfurt am Main. Lang. (In Germ.)
7. Kundrus, Birtte. (2003) Moderne Imperialisten. Kaiserreich im Spiegel seiner Kolonien. Köln: Böhlau. (In Germ.)
8. Gründer, Horst. (2001) Geschichte der deutschen Kolonien. Paderborn: Schöningh. (In Germ.)
9. Deutsche Kolonialzeitung. 1884. No. 1 (In Germ.)
10. Grießler, Axel (2000) Massenverbände und Massenparteien im wilhelminischen Reich. Zum Wandel der Wahlkultur 1903–1912. Düsseldorf: Droste. (In Germ.)
11. Hering, Reiner (2003) Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Ham-burg: Christians. (In Germ.)
12. Fricke Dieter (Hrsg.) (1984) Lexikon zur Parteiengeschichte. Bd. 2. Köln: Pahl – Rugens-tein. (In Germ.)
13. Deutsche Kolonialgesellschaft (Hrsg.) Fünzig Jahre Deutsche Kolonialgesellschaft. 1882–1932. Berlin. (In Germ.)
14. Schnee, Heinrich (1920) Deutsches Kolonial – Lexikon. Bd. 1. Leipzig: Quelle und Meyer. (In Germ.)
15. Deutsche Kolonialzeitung. Band 1885. No. 2 (In Germ.)
16. Deutsche Kolonialzeitung. Band 1887. No. 4 (In Germ.)
17. Deutsche Kolonialzeitschrift. 1903. No. 13 (In Germ.)
18. Deutsche Kolonialzeitung. 1910. No. 8 (In Germ.)
19. Deutsche Kolonialpionier. 1902. No. 1/2 (In Germ.)
20. Deutsche Kolonialzeitung. 1902. No. 26 (In Germ.)
21. Deutsche Kolonialzeitung. 1902. No. 28 (In Germ.)
22. Schwabe, K. (1899) Mit Schwert und Pflug in Deutsch – Südwestafrika. Vier Kriegs- und Wanderjahre. Berlin: Mittler. (In Germ.)
23. Dove, Karl (1896) Deutsch – Südwest – Afrika. Gotha: Perthes. (In Germ.)

24. Hindorf, R. (1902) Der landwirtschaftliche Wert und die Besiedlungsfähigkeit Deutsch-Südwestafrikas. Berlin Mittler & Sohn. (In Germ.)
25. Deutsche Kolonialzeitung. 1903. No. 13 (In Germ.)
26. Deutsche Kolonialzeitschrift. 1902. No. 31 (In Germ.)
27. Beiträge zur Kolonialpolitik und Kolonialwirtschaft. Band. 1889. No. 12 (In Germ.)

Об авторе

Шмидт Вальдемар, магистр истории, Университет Регенсбурга, Регенсбург, Федеративная Республика Германия; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

About the author

Schmidt Waldemar, Master of History, University of Regensburg, Regensburg, Federal Republic of Germany; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

Статья поступила в редакцию 02.10.2024

Одобрена после рецензирования 28.11.2024

Принята к публикации 05.12.2024

Техническая интеллигенция и движение изобретателей и рационализаторов в Псковской области в 1960-е гг.

Т. В. Власов

В данной работе рассматривается роль и влияние интеллигенции в контексте стимулирования технического прогресса в СССР, на примере Псковской области в 1960-е гг. Анализируется динамика рационализаторской и изобретательской деятельности в 60-е гг. XX в., опираясь на материалы периодического издания «Псковская Правда» и архивные документы Псковского областного совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Предпринята попытка выявления ключевых направлений деятельности членов ВОИР в Псковской области, а также роли и влияния интеллигенции в развитии и поддержке данного движения. Приводятся статистические данные о развитии изобретательства и рационализации на территории региона, статистические отчеты о техническом творчестве рационализаторов и новаторов. Анализируется роль рационализаторов и новаторов с учетом имеющихся недостатков в работе предприятия.

Ключевые слова: рационализаторы, новаторы, инженерно-технические специалисты, «Псковская правда», научно-технический прогресс, ВОИР.

Для цитирования: Власов Т. В. Техническая интеллигенция и движение изобретателей и рационализаторов в СССР в 1960-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 203–214. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_203. EDN: HSBQYQ

Введение

В современном информационном обществе государство придает большое значение развитию новых технологий как одного из важнейших факторов экономического и социального прогресса. В рамках своей политики государство направляет усилия на укрепление научно-технического потенциала Российской Федерации, осознавая, что инновационные технологии могут стать движущей силой развития страны. В этом контексте появляются различные инициативы и организации, которые популяризируют науку, стимулируют и вовлекают молодых специалистов в научную деятельность. Изучение деятельности технической интеллигенции, движения изобретателей и рационализаторов в СССР 1960-х гг. приобретает особую актуальность в свете современных геополитических реалий и задач, стоящих перед Россией. Научно-техническая революция (НТР), начавшаяся в середине XX в. и активно развивавшаяся в 1960-е, оказала значительное влияние на формирование экономического и технологического потенциала СССР. Анализ опыта СССР в мобилизации интеллектуального потенциала в условиях технологической гонки позволяет извлечь ценные уроки для современной России. Важность исследования усиливается в контексте современных санкций и необходимости импортозамещения. Опыт эффективной организации научно-технической деятельности в СССР, включая стимулирование изобретательства и рационализации, представляет собой ценный источник знаний для выработки эффективных стратегий развития отечественного научно-технического комплекса и обеспечения технологического суверенитета.

Подобно современным инициативам в Советском Союзе существовали механизмы стимулирования и поощрения талантов, чтобы они вносили свой вклад в научный и технический прогресс страны. Сфера научно-технического прогресса подвергалась эволюции и модернизации, что в свою очередь приводило к интеграции новейших технологических решений в производственный процесс [1, с. 144–145]. Прогресс в области техники во многом зависел от вовлечения обширного контингента рабочих и специалистов инженерно-технического профиля в деятельность, связанную с инновациями и оптимизацией процессов. В этой связи техническая интеллигенция, вносящая

инновации в рабочие процессы, становилась объектом особого внимания [2, с. 68]. Таким образом, фигура рационализатора и изобретателя, способного существенно модернизировать или усовершенствовать труд, выходила на первый план [2, с. 69].

Особенностью современной историографии является накопление материала о роли и развитии рационализаторского движения в СССР. Исследования в данной области фокусируются на отдельных аспектах и сюжетах, отражающих историю рационализаторов [1–3]. В этом контексте можно выделить работы Г. М. Алексеева «История отечественного изобретательства (1917–1991)» [4], «Движение изобретателей и рационализаторов в СССР, 1917–1982» [5].

Особо актуальным остается рассмотрение деятельности и роли рационализаторов на региональном уровне [6–8]. Историография данной темы демонстрирует ограниченный охват исследований, что связано с ее фокусом на специфике региона. Псковская область являлась более аграрным, нежели промышленным регионом, этим объясняется отсутствие крупных исследований по данной проблематике.

Вместе с тем в духе эпохи тема движения рационализаторов поднималась на страницах периодической печати, в частности «Псковской правды»¹, раскрывающей роль рационализатора персонализировано. Так, за период с 1960 по 1970 г. на ее страницах было опубликовано значительное количество статей по теме рационализаторов и новаторов.

Важную часть источников для статьи составляют неопубликованные документы, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области, в частности в фонде Псковского областного совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (Ф. Р.2746). В материалах отложились дела, хронологически соответствующие рассматриваемому периоду и тематике работы. В данном фонде имеется большой комплекс материалов: статистика, отчеты предприятий, стенограммы заседаний и совещаний и т. п.

Задача нашего исследования состоит в рассмотрении роли и места технической интеллигенции в поддержке технического развития страны на примере Псковской области.

¹ Газете «Псковская правда» – 98 лет! [Электронный ресурс]. Электронная версия газеты. URL: <https://pravdapskov.ru/rubric/17/12971> (дата обращения: 02.07.2024).

Для достижения поставленной цели в работе применялся комплекс общенаучных и специальных подходов исторической науки, включая историко-сравнительный, историко-описательный и историко-системный методы и пр. Применение данного методологического подхода позволило успешно реализовать поставленные исследовательские задачи.

Результаты

В 1960-е гг. внутренняя политика партии демонстрировала стремление к упрочению своих позиций в сфере научно-технического прогресса. В данном случае на первое место вышло движение изобретателей и рационализаторов, инициаторов, совершенствующих процесс производства на предприятии. Декрет СНК РСФСР «Положение об изобретениях» [9, с. 322–324], подписанный В. И. Лениным 30 июля 1919 г., стал первым законодательным актом, регулирующим советское изобретательство. Его положения заложили основы для дальнейшего совершенствования законодательства в сфере изобретательской деятельности. Так, 20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о массовом изобретательстве, в котором подчеркивалось, что изобретательство должно стать неотъемлемой частью деятельности хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций. В дальнейшем по решению Президиума ВЦСПС в 1958 г. было создано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (далее – ВОИР), что послужило основой для организации регионального движения ВОИР в Псковской области [10, л. 1–2].

Для объективной оценки роли и положения инженерно-технических кадров в Псковской области необходимо проанализировать количественные показатели, отражающие численность и динамику роста членов ВОИР. Данный анализ позволит получить достоверные сведения о масштабах и тенденциях популяризации и развития изобретательского движения в регионе (рис. 1).

Статистическая информация была взята из отчетов о работе областного совета ВОИР, материалов сводного статистического отчета о составе и членстве актива ВОИР и производственно-массовой работе [11, л. 9; 12, л. 1–4; 13, л. 1; 14, л. 1; 15, л. 1; 16, л. 1; 17, л. 1]. В архивных источниках имеются пробелы по данным за 1962 г. в связи с плохой сохранностью документа [18, л. 11], кроме того, в отчетах отсутствуют информация за 1963 г.

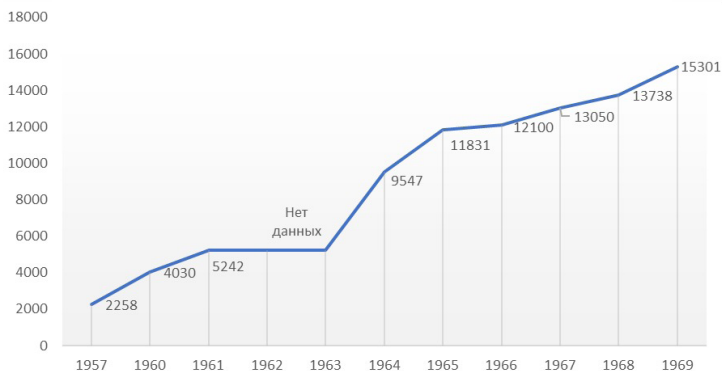

Рис. 1. Статистические данные о количественном составе рационализаторов и изобретателей в Псковской области в 1960-е гг.

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что количество рационализаторов и новаторов в Псковской области за период с 1957 г. по 1970 г. увеличилось в 6,7 раз. Это подтверждает положительную динамику, соответственно и популяризацию движения. Увеличение числа членов ВОИР происходило ежегодно и на очень значительные цифры. В частности, число членов с 1960 по 1961 г. увеличилось на 1212 чел. (23 %), с 1964 по 1965 г. – на 2284 чел. (19 %), с 1965 по 1966 г. – на 269 чел. (2 %), с 1966 по 1967 г. – на 950 чел. (7 %), с 1967 по 1968 г. – на 688 чел. (5 %), с 1968 по 1969 г. – на 1563 чел. (10 %), т. е. среднее арифметическое (без учета 1962 и 1963 гг.) составляло 1161 чел.

Для понимания отношения общества к деятельности рационализаторов обратимся к материалам периодического издания «Псковская правда». Данный источник являлся основным официальным изданием Псковского региона, функционирующим непрерывно с 1917 г. по настоящее время¹. На страницах издания ежегодно публиковались материалы, посвященные рационализаторам, что позволило нам проследить роль и место технической интеллигенции в регионе. В отличие от протоколов заседаний и материалов конференций ВОИР, в периодической печати встречались статьи в формате диалога между

¹ Газете «Псковская правда» – 98 лет! [Электронный ресурс]. Электронная версия газеты. URL: <https://pravdapskov.ru/rubric/17/12971> (дата обращения: 02.07.2024).

корреспондентом «Псковской правды» и техническим специалистом или руководителем предприятия, а в части номеров информация шла напрямую от корреспондента, что расширило наше представление о движении ВОИР.

В публикациях выделяются две группы рационализаторов и изобретателей. Первые работали индивидуально, вторые в бригадах из нескольких специалистов. Индивидуальная форма работа присутствовала, как правило, у более опытных специалистов, правда и сами их предложения имели меньший экономический эффект в связи с индивидуальным типом работы [19; 20]. В статьях особо подчеркивалась важность конкретного изобретателя на предприятии, который не без помощи старшего мастера (технической интеллигенции) и руководителя может грамотно рационализировать производство [21].

Групповая работа представлялась авторам публикаций более эффективной. Такая оценка нашла, например, отражение в статье от 26 марта 1964 г. где описывалась деятельность рационализаторов Псковского машиностроительного завода: Владимир Артемьев, Юрий Семин и Геннадий Аристархов совместно решили задачу экономии ресурсов, усовершенствовав новый вид продукции – высокоскоростные веретена для крутильных машин по производству шинного корда [22]. А в публикации от 25 января 1963 г. сообщалась о достижениях экскаваторщика Глеба Александровича Александрова, который совместно с главным инженером Михаилом Михайловичем Цепуловым и начальником цеха Игорем Николаевичем Макаровским смог сохранить от списания экскаватор, осуществив его техническое усовершенствование [23]. На заводах и предприятиях часто отмечалась групповая работа в сфере рационализаторской деятельности [21; 24–28].

При анализе протоколов заседаний ВОИР и периодической печати можно заметить, что в обоих источниках отмечалась групповая работа как более совершенная, что повлияло на дальнейшее развитие изобретательства и рационализации в Псковской области [29–31; 32, л. 1–2; 33, л. 58]. Так, в ежегодных справках о результатах проверки изобретательской и рационализаторской работы в области отмечалось, что на промышленных предприятиях, стройках и транспорте Псковской области активнее стала применяться эффективная форма творческого содружества рабочих и инженерно-технических работников – комплексно-творческие

бригады рационализаторов. «В настоящее время по области насчитывается более 220 таких бригад» [34, л. 5]. Особенно широко комплексно-творческие бригады начали создаваться во второй половине 1960-х гг. (рис. 2), что можно проследить в сводных данных по развитию технического творчества на территории региона в 1960-е гг. [11, л. 9; 14, л. 1; 15, л. 1; 16, л. 1; 17, л. 1].

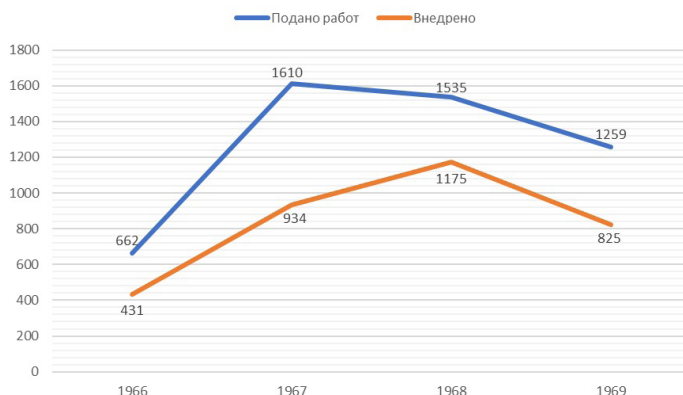

Рис. 2. Статистические данные по развитию технического творчества рационализаторов и изобретателей Псковской области во второй половине 1960-х гг.

Материалы фонда ВОИР первой половины 1960-х гг. представлены фрагментарно. В отчетах отмечалось, что популяризация комплексно-творческих бригад усилила отдачу по созданию патентов и рационализаторских предложений [35, л. 1–3]. Анализ публикаций в «Псковской правде» указывает на тот факт, что доля совместных работ была сопоставима с долей индивидуальных изобретений.

Наиболее серьезное внимание было приковано к проблеме экономической эффективности рационализаторских предложений, что являлось одной из первостепенных задач рационализации на предприятии. Эффективность рассчитывалась в двух плоскостях: финансовой и сырьевой [36, л. 15]. Например, в номере «Псковской правды» от 20 марта 1960 г., указывалось, что предложение Альберта Осиповича Григорьева (Великолукский машиностроительный завод «Торфмаш») позволило сэкономить

около 4 т дефицитных труб, тем самым значительно снизило себестоимость продукции и позволило сэкономить около 12 тыс. р. [21]. В сравнении со среднемесячной заработной платой работающих в отраслях экономики на данный период времени (от 77 до 120 р.)¹ экономический эффект является значительным для предприятия. Вместе с тем отчеты ВОИР и газетные публикации наряду с положительными моментами акцентировали внимание на сложностях: недостаточной поддержки со стороны руководства в процессе оформления патентов [37, л. 104]: просчетах, задержках в реализации рационализаторских предложений [38, л. 7–8].

Обсуждение и выводы

Сочетание данных, полученных из архивных источников с материалами периодической печати, дает представление о роли рационализаторов и новаторов в развитии промышленности на территории Псковской области. Рационализаторы действовали как индивидуально, так и объединенно в комплексно-творческие бригады, что являлось более эффективным способом улучшения технического и материального положения на производстве. Статистические данные о количественном составе рационализаторов подтверждает популяризацию движения в регионе. Формы индивидуальной работы были дифференцированы и не выделялись, в отличие от популяризации комплексно-творческих бригад, которые получили свое развитие со второй половины 1960-х гг.

Анализ источников свидетельствует о значительной роли рабочих кадров в производственном процессе, что подтверждается публикациями в периодических изданиях. Взаимосвязь технической интеллигенции и рабочих на производстве позволяла увеличить экономическую эффективность. В ряде случаев рационализаторам приходилось сталкиваться с трудностями в виде отсутствия помощи и активности руководства/старших мастеров. В целом отмечались типичные проблемы, связанные с халатностью на предприятии, ошибками при подсчете экономических показателей и экономии на производстве.

Таким образом, анализ документов позволяет утверждать, что интеллигенция играла существенную роль в техническом раз-

¹ Сведения о среднемесячной заработной плате за период с 1960 года по июнь 1997 года: письмо № ВС-1-21/1945 от 21 авг. 1997 г.

вители. Совместные усилия рабочих и инженерно-технических специалистов обеспечивали качественный и количественный технический прогресс как в регионе, так и в стране в целом.

Список литературы

1. Маслов Г. А. Научно-технический прогресс и экономика СССР: теория, практика, уроки для современности // Экономическая наука современной России. – 2021. – Т. 95. № 4. – С. 143–148. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-143-148. EDN: IDPGUA
2. Сагдеева Г. С., Сагдеев А. А., Рахматуллин Д. Р. История организации изобретательства и рационализаторства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сб. науч. ст. – Волгоград: Институт стратегических исследований, 2017. – С. 68–70. EDN: YJJYSZ
3. Прищепа А. С. Рационализаторское движение в СССР: новаторство и изобретательство (1950–1960-е гг.) // Ученые записки НовГУ: сб. науч. ст. – Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2018. – С. 20–25. EDN: VRZFUK
4. Алексеев Г. М. История отечественного изобретательства (1917–1991). М.: Известия, 2004. 136 с.
5. Алексеев Г. М. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР (1917–1982 гг.). М.: Мысль, 1983. 270 с.
6. Яхнев И. Н. Движение рационализаторов и изобретателей в СССР // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, 26–27 сентября 2013 г., Екатеринбург: в 2 т. / отв. ред. В. В. Запарий. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. – Т. 2. – С. 301–303.
7. Слудных А. В. Развитие Уральского оптико-механического завода во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в социокультурном контексте // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 287–298. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.287-298. EDN: JYZFCV
8. Тихонов В. И. Движение рационализаторов и изобретателей на промышленных предприятиях Куйбышевской (Самарской) области (1966–1975 гг.) // Вестник Самарского государственного университета: сб. науч. ст. – Самара: ФГАОУ ВО Самарский государственный университет, 2009. – С. 127–130.
9. Декреты Советской власти. 1 апреля – 31 июля 1919 г. Т. 5 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории СССР АН СССР. – М.: Политиздат, 1971. – 720 с.
10. Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 58.
12. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 92.
13. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 105.
14. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 115.
15. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 128.
16. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 142.
17. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 155.
18. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 71.
19. Гончаров И. В шесть раз быстрее // Псковская правда. – 1967. – № 163. – С. 2.
20. Сенин Н. Энтузиаст // Псковская правда. – 1967. – № 196. – С. 2.
21. Фролов И. Вклад рационализаторов // Псковская правда. – 1960. – № 64. – С. 2.
22. Загорский Р. Искатели // Псковская правда. – 1964. – № 73. – С. 2.
23. Алексеев О. Рационализаторы // Псковская правда. – 1963. – № 21. – С. 2.
24. Яковлев Б. Вклад инструментальщиков // Псковская правда. – 1961. – № 200. – С. 2.
25. Ронин А. Вклад новаторов // Псковская правда. – 1965. – № 177. – С. 4.
26. Крылов Н. Рационализаторы – юбилею // Псковская правда. – 1969. – № 167. – С. 1.
27. Творчество рационализаторов // Псковская правда. – 1964. – № 66. – С. 3.
28. Михайлов В. Вклад рационализаторов // Псковская правда. – 1966. – № 188. – С. 2.
29. Изобретателям и рационализаторам Советского Союза // Псковская правда. – 1969. – № 153. – С. 1.

30. Анисимов Н. Дела новаторов // Псковская правда. – 1969. – № 157. – С. 2.
31. Малахов Н. Вклад новаторов // Псковская правда. – 1969. – № 158. – С. 2.
32. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 42.
33. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 96.
34. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 82.
35. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 43.
36. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 88.
37. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 74.
38. ГАПО. Ф.Р. 2746. Оп. 1. Д. 65.

Technical Intelligentsia and the Inventors and Rationalizers Movement in Pskov Region in the 1960s

Timofey V. Vlasov

This work is devoted to the study of the role and influence of intellectuals in the context of stimulating technical progress in the USSR, on the example of the Pskov region in the 1960s. The author analyses the dynamics of rationalisation and inventive activity in the 1960s, relying on the materials of the periodical «Pskovskaya Pravda» and archival documents of the Pskov Regional Council of the All-Union Society of Inventors and Rationalisers (VOIR). The paper attempts to identify the key areas of VOIR members' activity in the Pskov region, as well as the role and influence of intellectuals in the development and support of this movement. The author provides statistical data on the development of invention and rationalisation in the region, statistical reports on the technical creativity of rationalizers and innovators. The role of rationalizers and innovators taking into account the existing shortcomings in the enterprise's work is analyzed.

Key words: rationalizers, innovators, engineering and technical specialists, "Pskovskaya Pravda", scientific and technical progress, VOIR.

For citation: Vlasov, T. V. (2025) Tekhnicheskaya intelligenciya i dvizhenie izobretelej i racionalizatorov v Pskovskoj oblasti v 1960-e gg. [Technical Intelligentsia and the Inventors and Rationalizers Movement in Pskov Region in the 1960s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 203–214. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_203. EDN: HSBQYQ

References

1. Maslov, G. A. (2021) *Nauchno-tehnicheskij progress i ekonomika SSSR: teoriya, praktika, uroki dlya sovremennosti* [Scientific and technological progress and the economy of the USSR: theory, practice, lessons for modern times]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* [Economic science of modern Russia]. No. 4 (95). Pp. 143–148. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-143–148. (In Russ.)
2. Sagdeeva, G. S., Sagdeev, A. A., Rahmatullin, D. R. (2017) *Istoriya organizacii izobreteatelstva i racionalizatorstva* [History of the organization of invention and innovation]. *Aktualnye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences]. No. 4–5 (18). Pp. 68–70. (In Russ.)
3. Prishhepa, A. S. (2018) *Racionalizatorskoe dvizhenie v SSSR: novatorstvo i izobreteatelstvo (1950–1960-e gg.)* [Rationalization movement in the USSR: innovation and invention (1950–1960s)]. *Uchenye zapiski NovGU* [Scientific notes of NovSU]. No. 6 (18). Pp. 20–25. (In Russ.)

4. Alekseev, G. M. (2004) *Istoriya otechestvennogo izobretatel'stva (1917–1991)* [History of domestic invention (1917–1991)]. Moscow: Izvestiya. (In Russ.)
5. Alekseev, G. M. (1983) *Dvizhenie izobretatelej i racionalizatorov v SSSR (1917–1982 gg.)* [Movement of inventors and innovators in the USSR (1917–1982)]. Moscow: Mysl. (In Russ.)
6. Yahnev, I. N. (2013) *Dvizhenie racionalizatorov i izobretatelej v SSSR* [Movement of innovators and inventors in the USSR]. *Ural industrialnyj. Bakuninskie chteniya. Industrialnaya modernizaciya Urala v XVIII–XXI vv.: materialy XI Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 26–27 sentyabrya 2013 g.* [Industrial Ural. Bakunin readings. Industrial modernization of the Urals in the 18th – 21st centuries: materials of the 11th All-Russian Scientific Conference, September 26–27, 2013]. resp. editor: V. V. Zaparii. Ekaterinburg: UMC UPI. Vol. 2. Pp. 301–303. (In Russ.)
7. Sludnyh, A. V. (2023) *Razvitie Uralskogo optiko-mehanicheskogo zavoda vo vtoroj polovine 1940-h – sereдинe 1960-h gg. v sociokulturnom kontekste* [Development of the Ural Optical-Mechanical Plant in the second half of the 1940s – mid-1960s in the sociocultural context]. *Gumanitarnij: aktualnye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* [Humanitarian: current problems of humanities and education]. No. 3 (23). Pp. 287–298. DOI: 10.15507/2078-9823.063.023.202303.287-298. (In Russ.)
8. Tihonov, V. I. (2009) *Dvizhenie racionalizatorov i izobretatelej na promyshlennyyh predpriyatiyah Kuibyshevskoj (Samarской) oblasti (1966–1975 gg.)* [Movement of innovators and inventors at industrial enterprises of the Kuibyshev (Samara) region (1966–1975)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. No. 7 (73). Pp. 127–130. (In Russ.)
9. *Dekrety Sovetskoj vlasti. 1 aprelya – 31 iyulya 1919 g.* (1971) [Decrees of the Soviet government. Vol. V. April 1 – July 31, 1919]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
10. *Gosudarstvennyj arhiv Pskovskoj oblasti* [State Archives of the Pskov Region] (hereinafter – GAPO). F.R. 2746. Op. 1. D. 1.
11. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 58.
12. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 92.
13. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 105.
14. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 115.
15. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 128.
16. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 142.
17. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 155.
18. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 71.
19. Goncharov, I. (1967) *V šest raz bystree. Pskovskaya Pravda*. No. 163. P. 2.
20. Senin, N. (1967) *Entuziast. Pskovskaya Pravda*. No. 196. P. 2.
21. Frolov, I. (1960) *Vklad racionalizatorov. Pskovskaya Pravda*. No. 64. P. 2.
22. Zagorskij, R. (1964) *Iskateli. Pskovskaya Pravda*. No. 73. P. 2.
23. Alekseev, O. (1963) *Racionalizatory. Pskovskaya Pravda*. No. 21. P. 2.
24. Yakovlev, B. (1961) *Vklad instrumentalshikov. Pskovskaya Pravda*. No. 200. P. 2.
25. Ronin, A. (1965) *Vklad novatorov. Pskovskaya Pravda*. No. 177. P. 4.
26. Krylov, N. (1969) *Racionalizatory – yubileyu. Pskovskaya Pravda*. No. 167. P. 1.
27. (1964) *Tvorchestvo racionalizatorov. Pskovskaya Pravda*. No. 66. P. 3.
28. Mihajlov, V. (1966) *Vklad racionalizatorov. Pskovskaya Pravda*. No. 188. P. 2.
29. (1969) *Izobretatelyam i racionalizatoram Sovetskogo Soyuza. Pskovskaya Pravda*. No. 153. P. 1.
30. Anisimov, N. (1969) *Dela novatorov. Pskovskaya Pravda*. No. 157. P. 2.
31. Malahov, N. (1969) *Vklad novatorov. Pskovskaya Pravda*. No. 58. P. 2.
32. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 42.
33. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 96.
34. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 82.
35. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 43.
36. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 88.
37. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 74.
38. GAPO. F.R. 2746. Op. 1. D. 65.

Об авторе

Власов Тимофей Викторович, аспирант, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация; e-mail: timafey13@gmail.com; ORCID ID: 0009-0002-8754-7828

About the author

Vlasov Timofey V., Postgraduate Student, Pskov State University, Pskov, Russian Federation; e-mail: timafey13@gmail.com; ORCID ID: 0009-0002-8754-7828

Статья поступила в редакцию 24.07.2024

Одобрена после рецензирования 09.01.2025

Принята к публикации 17.01.2025

Производство резиновых игрушек в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Часть I

Р. А. Мишков, О. А. Семёнова

На основе архивных делопроизводственных источников Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и технической литературы анализируется состав резиновых игрушек, произведенных на фабриках «Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры» (ТРАРМ, с 1908 г. – «под фирмой “Треугольник”»), Московского товарищества резиновой мануфактуры (МРТМ, впоследствии «Богатырь»), а также рижской фабрики «Проводник», рассматривается технология их изготовления во второй половине XIX – начале XX в. В центре исследовательского интереса вопросы, связанные с пигментацией и окрашиванием изделий, а также их эксплуатационные свойства. Предпринята попытка реконструкции перечня материалов и методов производства игрушек, применявшихся в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Под игрушкой будет пониматься предмет, предназначенный для развлечения детей (кукла, мяч, соска, воздушный шарик). Особое внимание отведено натуральному каучуку как основе резиновых смесей.

Ключевые слова: каучук, резиновая смесь, игрушка, технология, «Треугольник», «Богатырь», «Проводник».

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Мишков Р. А., Семёнова О. А. Производство резиновых игрушек в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Часть I // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 215–236. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_215. EDN: ESWVWE

Введение

Игрушка является одним из ключевых спутников ребёнка в детстве. В дореволюционной литературе под игрушкой подразумевался предмет, «предназначенный для развлечения детей» [1, с. 1]. Она и поныне выполняет множество функций, способствуя физическому, интеллектуальному, эстетическому и моральному воспитанию мальчиков и девочек, познанию окружающего мира, развитию мышления, речи, памяти, воображения, внимания и иных психических процессов. Игрушки дня сегодняшнего многократно рассмотрены, их химический состав и технология изготовления вполне известны. Однако мало кто задумывается об истории производства резиновых детских изделий в дореволюционной России.

Игрушка как вещь, сопровождающая повседневную жизнь ребёнка, стала предметом исследовательского интереса в конце XIX в. Дореволюционные авторы, такие как П. А. Литвинский [1], главным образом уделяли внимание воспитательным и образовательным функциям игрушек, их прикладному значению и классификации.

В это же время возникает интерес и к санитарно-гигиенической пригодности резиновых изделий. Одним из первых научных исследований стала докторская диссертация врача, чиновника Министерства финансов А. И. Буловского «Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения», защищённая в конце XIX в. Эта работа ценна тем, что дает информацию об анализе химического состава детских резиновых изделий¹. Преимущественно практический, нередко экспериментальный характер имели исследования советских учёных-гигиенистов и врачей [2–8].

С точки зрения материала, долгое время объектом внимания дореволюционных и советских ученых были именно игрушки из дерева, глины, мастичной массы (размельченная бумага, мел, клей и т. д.) и т. д. [9–12].

В современной историографии изучение материальной культуры детства дореволюционной России также является одним из популярных и активно развивающихся направлений. Предметами исследований становятся детская мебель [13–14], игрушки [15–17], одежда [18] и средства гигиены [19–20].

¹ Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. 116 с.

В центре данного научного интереса будут вопросы, связанные с резиновыми детскими игрушками, их пигментацией и окрашиванием, санитарно-гигиенической пригодностью, а также их эксплуатационными свойствами. Цель работы – установить степень пригодности данных изделий для использования детьми. Однако вести исследования о санитарно-гигиенических характеристиках дореволюционных резиновых игрушек без выяснения их химического состава и технологии изготовления не представляется корректным. Таким образом, восполнить данный пробел, используя метод реконструкции, а именно выявить и проанализировать химический состав резиновых игрушек российского промышленного производства второй половины XIX – начала XX в., а также рассмотреть технологию изготовления продукта – цель настоящей статьи.

Источниковая база данной работы строится на материалах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), а также источниках личного происхождения. Отметим, что в последней категории источников, игрушки упомянуты мимоходом, лишь как вещь [21, с. 46]. Иногда встречаются данные об их виде или материале [22, с. 3; 23, с. 6, 13–14; 24, с. 32, 34, 42; 25, с. 71, 111, 119; 26, с. с. 70, 569, 578; 27, с. 25]. Скучное внимание к вопросу игрушек было характерно даже для крайне внимательных родителей. Примером может служить Е. С. Зарудная-Кавос, дневники которой изобилуют различными данными о её потомстве, но не содержат сколько-нибудь ценной информации об игрушках [28–29]. Один из редких примеров: «Раз он меня повёл к мячику, кот[орый] лежал на полу и сказал: “Мама подыми”» [28, л. 6].

Более обширные данные об игрушках приводятся крайне редко. Одним из таких случаев стали воспоминания художника, графика, писателя А. Н. Бенуа. Его работа уникальна наличием двух полноценных глав, посвящённых исключительно игрушкам. И среди них автор выделил всевозможных солдатиков, разного рода оптические игрушки и некоторые другие. Все они были изготовлены из папье-маше, бумаги, дерева и даже металла. Некоторые из изделий были самодельными. Однако резина как материал для игрушек не упоминалась [30].

Химический состав резиновых игрушек

Работа над получением любого резинового изделия связана с резиновой смесью – химическим «сплавом» веществ, необходимых для её изготовления. В исследуемый период в российской резиновой промышленности основой данных смесей был натуральный каучук – природный цис-полиизопрен, типичный представитель эластомеров (высокомолекулярных соединений), обладающих способностью к большим обратимым высокоэластическим деформациям в диапазоне температур от -60 до $+200^{\circ}\text{C}$ ¹). В начале XX в. темпы прогресса в области синтетических каучуков вышли на невиданный доселе уровень [31, с. 7], однако природный материал не утрачивал лидерства [32, с. 106; 33].

Необходимо также обозначить грани между несколькими понятиями: латекс, гуттаперча и натуральный каучук. Латекс – млечный сок каучуконосных растений, водная коллоидная дисперсия натурального каучука, обычно белого цвета, включающая также небольшие количества белков, смол и минеральных веществ [34, с. 7, стлб. 13]. Гуттаперча – кожеподобный продукт коагуляции (свёртывания) млечного сока (латекса) гуттаперченосных растений. Основным её компонентом является гутта – высокомолекулярный трансполиизопрен, геометрический изомер углеводорода натурального каучука [35, с. 469]. Геометрическими изомерами являются соединения одинакового химического состава, имеющие разное расположение атомов-заместителей и, следовательно, неодинаковый набор физических свойств и характеристик. Соответственно, термины «гуттаперча» и «натуральный каучук» обозначают родственные вещества и не являются синонимами. В этой статье гуттаперче внимание уделяться не будет, а под каучуком будет иметься в виду его натуральный вид, если это не оговорено особо.

По данным Т. Левинсона, растения, вырабатывающие латекс, классифицируются в 40 семейств и насчитывают примерно 21,5 тыс. видов [36, р. 66]. Кроме того, чистый каучук может извлекаться не только из латекса [37, с. 240]. Однако степень эффективности накопления чистого каучука среди всего многообразия растений различна. В XIX – начале XX в. ключевым источником натурального каучука являлся латекс гевеи бра-

¹ Осовская И. И., Савина Е. В., Левич В. Е. Эластомеры: учеб. пособие. СПб.: С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2016. С. 6.

зильской из семейства молочайных (её называли также каучуковой лжесмоковницей [38, с. 6]). Ареал произрастания гевеи – Центральная и Южная Америка, прежде всего окрестности р. Амазонки. Имели место и другие виды гевеи, различия между которыми минимальны и для нас не принципиальны [40, с. 25]. Среди американских каучуконосов стоит также отметить кастиллу эластичную из семейства тутовых. Она являлась «первой скрипкой» до начала «каучуковой лихорадки», сведения о которой можно встретить в ряде исследований [32, с. 106; 37, с. 240]. Диссертация А. И. Буловского содержит данные о применении азиатских (индийских) растений: фикуса эластичного (каучуковой смоковницы) из семейства крапивных, а также малайского (ост-индского) каучука из семейства апоциновых (кутровых). Также автор указывал на добычу последнего вида в Восточной Африке и на Мадагаскаре¹.

Таблица 1

Концентрация чистого каучука²

Hevea brasiliensis (Гевея бразильская)		Ficus elastica (Фигус эластичный)	
Вещество	Концентрация, %	Вещество	Концентрация, %
Вода и минеральные соли	56,37	Вода	82,30
Чистый каучук	31,70	Чистый каучук	9,57
Растительный белок	1,90	Смола, растворимая в спирте и нерастворимая в эфире	1,58
Азотистые пигментирующие вещества	7,00	Магнезиальные соли органических кислот	0,36
Вещества, растворимые в воде	2,90	Вещества, растворимые в воде	2,18
Прочие вещества	0,13	Калийные и натриевые соли	4,01
Итого:	100	Итого:	100

¹ Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 8.

² Сост. по: Лейхман Л. К. Каучук и гуттаперча. М., 1915. С. 3–4; Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 9–10.

Лидерство гевеи диктовалось высоким содержанием чистого каучука в её млечном соке, что можно проиллюстрировать в табл. 1. Предварительно заметим, что приведённые данные были получены во второй и третьей четверти XIX в. при помощи применявшихся тогда технологий.

Как видно из табл. 1, концентрация добывавшегося технологиями XIX в. чистого каучука в латексе гевеи более чем в три раза превышает таковую в фикусе эластичном.

Добытый латекс подвергался обработке разными способами. Южно-американский метод предполагал сгущение латекса путём «окуривания» в горячем дыму. «Главным орудием, – писал И. Игнатъев – служит особый глиняный горшок без дна и с узким длинным горлом. На земле разводится сильный огонь, в который бросаются орехи местной пальмы, дающие при горении густой пахучий дым. Над костром промышленник укрепляет горшок так, чтобы дым, собираясь в нём, выходил струёй... Когда струя направится должным образом, серингеро (добытчик) берёт особую веслообразную лопатку, покрывает её слоем глины и опускает в чан [с латексом]. Вынув лопату... он держит её в дыму, непременно вращая. Под влиянием нагревания, вода, входящая в состав сока, постепенно испаряется и на месте остаётся тонкая плёнка каучука» [38, с. 11–12]. Данная операция проводилась до тех пор, пока на лопатке не образовывался ком каучука, после чего полученный продукт светло-желтоватого цвета подвергался высушиванию в специальных помещениях.

Другой способ, применявшийся в Мексике, Центральной Америке, Колумбии, Венесуэле, Эквадоре, Перу и островах Карибского моря, предполагал коагуляцию латекса путём погружения в яму, стенки которой были покрыты соком акты (осоки). Полученный ком каучука также подвергался сушке. Наконец, индийский метод предполагал сгущение латекса при помощи кипящей воды. Данные методы давали сырьё низшего качества в сравнении с каучуком, полученным южноамериканским способом. Это выражалось в большей концентрации воды и иных примесей [38, с. 13–18].

На «Треугольник» натуральный каучук попадал прежде всего из Великобритании [40, с. 22]. Другие российские предприятия, по всей вероятности, также пользовались «британским» сырьём, поскольку Туманный Альбион являлся крупнейшим

каучуковым хабом. Данный вывод подтверждается статистическими данными (табл. 2).

Таблица 2

Импорт и экспорт натурального каучука во второй половине XIX в¹.

Импорт натурального каучука в 1862 г., т		
Великобритания	Франция	Германия
3033	900	–
Импорт натурального каучука в 1873 г., т		
7724,55	1250	7500
Импорт натурального каучука во второй половине 1880-х гг., т		
11815,5 (1889)	–	2155,1 (1886)
Страна	Объём британского экспорта в 1889 г., т	
США	2330,85	
Германия	1950,2	
Россия	884,45	
Франция	571	

В свою очередь, Великобритания до начала 1900-х гг. черпала каучук прежде всего из Бразилии. Так, согласно данным за 1889 г., импорт бразильского каучука составил чуть более 6,1 млн кг в то время как все остальные источники (ряд европейских стран, Колумбия, Эквадор, многочисленные африканские и азиатские колонии) поставили 5,6 млн кг². В начале 1900-х бразильская доля стала сокращаться. В 1912 г. Бразилия потерпела сокрушительный обедняющий удар. «Пальма первенства» перешла к британским колониям, прежде всего Цейлону и Малайе [37, с. 236, 238]. В контексте нашего исследования этот фактор важен тем, что бразильские сорта каучука имели высокое качество, отчасти благодаря вышеописанному способу его добычи. Установить, какой способ добычи применялся в английских колониях, а также какие сорта каучука применялись в российском производстве различных групп товаров едва ли возможно.

Натуральный каучук – достаточно чистое вещество (около 94 % составляет полиизопрен), ненасыщенная химическая природа

¹ Сост. по: Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 20–21, 25.

² Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 25–26.

которого объясняет высокую реакционную способность. Однако в состав резиновой смеси входили и другие вещества. Состав смесей, дозировки веществ и рецепт изготовления зависит от детали или изделия, которое предполагается получить на выходе. Точных сведений о рецептуре смеси для изготовления различных видов игрушек, как и о разнообразии смесей, использовавшихся в России в XIX – начале XX в. не имеется. В связи с этим предпринимается попытка реконструировать перечень веществ, использовавшихся в отечественном промышленном производстве резиновых игрушек во второй половине XIX – начале XX в. Для достижения цели будут применяться в том числе материалы более позднего периода в той части, где они могут оказаться релевантными.

Многообразие применяемых в резиновой промышленности веществ классифицируется на несколько групп. Для нас актуальны следующие: мягчители, пластификаторы, наполнители, противостарители, вулканизаторы, ускорители вулканизации, а также красители.

К мягчителям принято относить вещества, способствующие облегчению и удешевлению процесса изготовления и обработки резиновых смесей [41, с. 14]. Так, Е. А. Стрижак и Т. Н. Чуденкова отмечают, что мягчителями являются вещества, не влияющие на морозостойкость резин [42, с. 5]. Вместе с тем необходимо заметить, что грань между мягчителями и пластификаторами нередко отсутствует. Ряд пластификаторов выполняет двойные функции. Пластификаторами являются вещества, способствующие снижению температуры стеклования (перехода из жидкоподобного, эластичного состояния в твёрдое), вязкости и текучести, адгезионных свойств. Снижение вязкости также способствует упрощению приготовления и формования резиновой смеси, улучшению распределения сыпучих ингредиентов (т. е. увеличению потенциального содержания наполнителей). Кроме того, некоторые пластификаторы способствуют увеличению клейкости и морозостойкости, динамической выносливости и сопротивляемости старению, а также снижению усадки – сокращения объёма готового изделия после вулканизации. Вместе с тем введение отдельных пластификаторов уменьшает прочность и напряжение при удлинении резин¹.

¹ Основы рецептуростроения эластомерных композиций: учеб.-метод. пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности 1–48 01 02 «Химическая технология органических веществ, ма-

В своей памятке-пособии клейщица резиновой обуви в 1976 г. Л. М. Буртина отнесла к числу мягчителей мазут, рубракс, вазелин, петролатум, парафин, вазелиновое и соляровое масла, а также «различные смолы и синтетические вещества» [41, с. 14]. Более близкая к исследуемому периоду литература указывает на сосновую смолу, воски, «продукты перегонки каучука и старой резины», стеарин, жирные кислоты [43, с. 65]. Дополнительное уточнение позволяет говорить о канифоли, стеариновой и олеиновой кислотах, кумароновой смоле¹. Отчасти верифицировать представленные данные позволяют архивные материалы, имеющиеся в фонде «Треугольника» в ЦГИА СПб. Среди документации о патентах, привилегиях и товарных знаках фирмы имеется указание на применение нефтепродуктов и каменноугольной смолы [44, л. 212, 214]. Мазут, рубракс, вазелин и парафин, их масла – продукты нефтепереработки. Кумароновая смола – продукт переработки каменноугольной смолы. Другие российские фабрики, вероятнее всего, использовали те же материалы. В частности, А. М. Панфилова в своей монографии об истории «Богатыря» среди прочего указывала на применение мазута и смолы [45, с. 13].

Наполнители – это вещества или соединения, обеспечивающие искомые физико-механические и эксплуатационные свойства резиновой смеси и, следовательно, готового изделия (износостойкость, прочность и др.), а также способствующие снижению их стоимости. Л. М. Буртина подразделила наполнители на активные и неактивные. К числу первых она отнесла вещества, позволяющие получить композитный материал с более высокими физико-механическими свойствами – черные и «белые» сажи [41, с. 13]. Чёрной сажей назван технический углерод. В период Первой мировой войны «Треугольник» действительно делал заказы на поставку данного материала, в частности из Нью-Йорка [33, д. 403, л. 9 об. – 10]. Однако, согласно данным Н. В. Белозерова, отечественная резиновая отрасль стала применять чёрную сажу лишь в 1910 г. для производства протекторов. Дальнейший же рост использования технического углерода связан с развитием технологий синтетических каучу-

териалов и изделий) специализации 1–48 01 02 05 «Технология переработки эластомеров» / Ж. С. Шашок, А. В. Касперович, Е. П. Усс. Минск: БГТУ, 2013. С. 6–7.

¹ Сырье и материалы для производства обувных резиновых пластин и деталей // Shoeslib [Электронный ресурс]. URL: <http://shoeslib.ru/books/item/f00/s00/z00000006/st017.shtml#>: (дата обращения: 25.10.2024).

ков [46, с. 191]. На применение сажи (без уточнения конкретного вида) указывали А. М. Панфилова [45, с. 13] и исследователь истории «Треугольника» Б. И. Шабалин [40, с. 78]. Однако в их случае речь шла о производстве галош.

Одним из активных наполнителей в резиновых смесях для производства игрушек в XIX – начале XX в. являлся фактис¹. Ф. Габор в середине 1930-х гг. привёл данные о якобы устаревших «игрушечных» резиновых смесях, среди которых во всех случаях присутствует фактис [47, с. 828]. По словам профессора Ф. Франка, данное вещество является «одним из важнейших органических наполнителей» [43, с. 48]. Против данной версии говорит лишь то обстоятельство, что авторами статей в упоминаемой здесь книге являются иностранные авторы, преимущественно немцы. Их данные касаются прежде всего европейских фабрик и потому в нашем исследовании могут считаться лишь вероятными.

Уверенно мы можем говорить об использовании рядом мировых и российских фабрик цинковых белил – оксида цинка. А. И. Буловский в своём докладе III секции Российского общества охраны народного здоровья, сделанном 12 марта 1897 г., указывал на наличие цинковых белил в ряде резиновых изделий, а также на их применение в качестве красителей [48, с. 3, 6–7]. Однако известно также, что оксид цинка при контакте с натуральным каучуком обладает свойствами активного наполнителя [46, с. 203–204].

К «белым» сажам относится прежде всего диоксид кремния в виде кремнезёма. Учитывая невысокую токсичность данного соединения [49, с. 1046–10469, 1072–1074], мы можем предполагать их использование в «игрушечных» резиновых смесях в качестве наполнителя. Однако, согласно данным А. И. Буловского [48, с. 3, 7], диоксид кремния попадал в резиновые смеси в виде пемзы, которую Л. М. Буртина отнесла к числу неактивных наполнителей в силу разных физико-химических свойств этих веществ.

Неактивными наполнителями являются вещества или соединения, вводящиеся в состав для придания смеси и конечному изделию технологических и специфических свойств, таких

¹ Фактис – тех. суррогаты каучука; изготавливаются обычно из сурепного масла (реже из льняного или хлопкового), к которому прибавлена хлористая сера; применяется как прибавка к каучуку при производстве резиновых изделий, а также для изготовления губок, резинок и др. эластичных изделий (Большой словарь иностранных слов. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D1%81?ysclid=m6npow2lh9947544261 (дата обращения: 08.10.2024).

как теплостойкость, а также снижения их стоимости. К этой группе, помимо пемзы, Л. М. Буртина причислила мел, каолин, барит, тальк и др. [41, с. 13–14]. На применение мела указывали Б. И. Шабалин, А. М. Панфилова и Ф. Габор [50, с. 78; 45, с. 13; 47, с. 828]. Сведения об использовании талька в производстве игрушек на «Треугольнике» можно обнаружить среди архивных данных [51, л. 27 об.]. Применялся он в технологическом процессе для опудривания сырых полуфабрикатов с целью предотвращения слипания с формами [52, с. 12; 46, с. 204]. Указаний на применение каолина в исследуемый период не обнаружено.

Интересна ситуация с баритом – А. И. Буловский и Ф. Габор указывают на его применение [48, с. 3, 7; 47, с. 828]. Однако, согласно результатам опытов А. И. Буловского в области концентрации веществ в игрушках, данное вещество в массе своей использовал лишь «Проводник». Также он был обнаружен в некоторых образцах производства МРТМ, будущего «Богатыря». Доктор медицины произвёл 36 опытов, рассматривая куклы, соски, кольца, куски резины и насосцы для грудей разного цвета. Один из опытов касался изделия рижской фабрики «Мюндель». В нём, аналогично продуктам петербургского гиганта, барит обнаружен не был, однако столь малое количество образцов не позволяет однозначно причислить эту фабрику к одной из имеющихся категорий¹.

Таким образом, уверенно мы можем говорить о применении в качестве наполнителей цинковых белил, мела, барита и пемзы. Остальные вещества следует считать вероятными.

Длительное хранение и использование резиновых изделий, в том числе игрушек, как известно, ведёт к изменению их физических, химических и механических свойств из-за влияния кислорода, озона, температурного и светового воздействия. Сопротивляться этому процессу призваны «доблестные рыцари» – противостарители. Из числа веществ, которые Л. М. Буртина отнесла к данной группе, мы можем допустить лишь использование парафина и воска [41, с. 13]. Остальные упомянутые вещества, такие как неозон Д и альдоль-альфа-нафтиламин, судя по упоминаемой здесь дореволюционной литературе, не применялись. Да и не могли быть применены, учитывая

¹ Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 53–68.

их токсичность [53, с. 40–42] и негативное влияние на организм рабочих в условиях отсутствия средств индивидуальной защиты и вытяжной вентиляции [50, с. 62]. А. И. Буловский указывал на применение талька¹. Механизм действия данных веществ – физический – они образовывали на поверхности резинового изделия тонкую антиокислительную плёнку². Кроме того, если ориентироваться на данные Ф. Франка, то фактис также выполнял роль противостарителя [43; 48].

Вулканизаторы – вещества или соединения, необходимые для вулканизации – процесса, в результате которого резиновая смесь теряет свои пластические свойства и превращается в резину путём поперечного сшивания макромолекул каучука. Применялись хлористая сера либо пары серы, а также пентасернистая сурьма [51, л. 27; 33, д. 403, л. 9 об.–10]³. Для сокращения времени вулканизации и затрат серы применялись ускорители вулканизации – оксиды металлов (цинка, свинца, калия, магния, железа, алюминия и др.) [43, с. 62]⁴. Если отталкиваться от результатов опытов А. И. Буловского, то легко заметить, что в отечественном производстве нередко использовали все упомянутые оксиды одновременно⁵.

Наконец, красители – соединения, добавляемые в резиновую смесь для придания цвета готовому изделию. Основными цветами в русской резиновой отрасли в исследуемый период были чёрный, серо-белый и красный. Для получения серо-белой резины применялись цинковые и свинцовые белила, красной – пентасернистая сурьма [52, с. 14]. Получение чёрной резины, видимо, было результатом использования двойного оксида железа⁶.

Отвечая на вопрос об отсутствии в настоящей статье более-менее точных дозировок веществ и химических соединений, необходимо отметить несколько обстоятельств. Во-первых, стоит учесть большое разнообразие выпускавшихся изделий. К примеру, альбом эскизов игрушек «Треугольника» содержит в себе более сотни образцов сосок, колец и кукол [54].

¹ Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 31.

² Общая химическая технология органических веществ: учеб. пособие для хим. техникумов МХП / Б. М. Богословский, П. Н. Змий, Д. Д. Зыков. М.: Госхимиздат, 1955. С. 366.

³ Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: дис. ... д-ра медицины. Санкт-Петербург, 1896. С. 68–69.

⁴ Там же. С. 53–69.

⁵ Там же. С. 53–69.

⁶ Там же. С. 63.

Более того, для изготовления кукол могло быть применено два вида смеси – одна для более мягкой головы, а вторая – для всего остального тела. И вот здесь обнаруживается ещё одна проблема. Из 36 результатов опытов, произведённых А. И. Буловским, лишь 19 содержат полные дозировки полученных веществ. Кроме того, не все из этих 19 результатов касаются отечественных фабрик. По всей видимости, это те немногие данные, которыми мы располагаем на данный момент. Таким образом, приведение каких-либо числовых данных трудноосуществимо, нецелесообразно и малообъективно.

В итоге мы видим, что минимальный набор необходимых химических веществ и соединений для производства резиновой игрушки состоял из натурального каучука, мазута, парафина, цинковых белил, мела, пемзы, а также красителей, если учитывать, что некоторые из перечисленных соединений выполняли несколько ролей. На практике набор химикалий был шире за счёт веществ и соединений, необходимых для технологического процесса.

Процесс изготовления

Технологический процесс изготовления резиновых игрушек в исследуемый период не получил должного освещения. Литература по истории крупнейших резиновых заводов того времени – «Треугольника» и Московского товарищества резиновой мануфактуры (впоследствии «Богатырь») [40; 45; 50] в лучшем случае схематично иллюстрирует процесс. Развитие ключевого конкурента «Треугольника», рижского «Проводника», не получило должного освещения в литературе.

Некоторую ясность в вопрос вносят архивные документы и технические работы о каучуке дореволюционного периода.

Наиболее информативным в вопросе производства игрушек является фонд 24 «Комитет по техническим делам Министерства торговли и промышленности» РГИА, где собраны документы о патентовании изобретений. Дело 1002 «О выдаче привилегии иностранной фирме “Вулкан, Фабрика резиновых изделий Вейсс и Бесслер” на резиновую соску» содержит сведения о том, что в феврале 1911 г. Комитетом по техническим делам фирмы было подано заявление в Министерство торговли и промышленности. В нём выражалась просьба считать недействительными выдан-

ные иностранной фирме «Вулкан, Фабрика резиновых изделий Вейсс и Бесслер» охранное свидетельство и привилегию на некое улучшение способа производства сосок. В доказательство своей просьбы заявители подробно расписали процесс изготовления сосок. Выяснилось, что применялись два метода: клеевой и обмакивания [51, л. 27–27 об.]. Поскольку соска – такая же «игрушка», мы можем опираться на эти данные и для других образцов.

Начнём с клеевого метода. Полный путь игрушки от натурального каучука до готового изделия состоял из нескольких операций. Попав на завод, каучук лучших сортов («Пара») промывался, просушивался и взвешивался, более скромные сорта предварительно вываривались в воде со щёлоком или известью [38, с. 22–24]. Затем каучук отправлялся в резиносмесители, к нему добавлялись наполнители, противостарители и прочие ингредиенты. Одним из вариантов такой машины была «Diable»: «Она состояла из неподвижной чугунной цилиндрической коробки с дверцей. Внутри машины вращается чугунный вал с насаженными на нём мешалками, которые захватывают куски резины, бросаемые туда, и разминают их...» [52, с. 8]. После полученная бесформенная резиновая смесь поступала на вальцовку. Суть операции заключалась в многократном прохождении смеси через зазор между вальцами с целью придания ей формы полос и пластичного состояния. При последующих циклах к смеси равномерно добавляли серу. Под действием сжатия и сдвига все вещества равномерно распределялись в каучуке [41, с. 22–23; 55, с. 8–15]. Следующий этап – каландрование. Каландр – система из нескольких вальцов, внутри которых циркулировал пар. Расстояние между вальцами было настраиваемым. В нашем случае цель операции – листование, т. е. получение резинового полотна определённой толщины. Финишной прямой перед следующим этапом была закройка.

Дальнейший путь пластины зависел от того, какое изделие планировалось получить. Если речь шла о полых мячиках, то из полученной пластины при помощи штанца вырезались сегменты шара. После этого соединённые между собой клеем два «слегка выпукло изогнутых, резиновых листка» попадали в форму, где посредством давления газа раздувались [56, л. 4]. На недостаток данного способа обратили внимание иностранцы Г. Берсторф и Э. Мейер, претендуя на привилегию в 1902 г.

Они указывали: «Вследствие такого неравномерного распределения материала, происходит более или менее значительное отклонение мячика от шаровой формы. Кроме того, по этому способу нельзя производить, механическим путем, мячиков значительного диаметра». Взамен они предлагали составлять шар из «двух выпуклых половинок, но из цилиндрического кожуха и двух плоских или выпуклых днищ. Такой корпус первоначально уже более подходит к сферической форме, а при следующем, затем, раздувании не имеется частей, которые должны так сильно растягиваться, как при прежнем способе». Привилегия была успешно получена [56, л. 4]. Вулканизация таких мячей производилась при помощи особого пресса из двух полых коробок, нагреваемых подаваемым по трубке паром. Нижняя неподвижная коробка накрывалась верхней, прижималась винтами. Заготовку изделия помещали в форму, посыпанную тальком, сдавливали и нагревали [52, с. 12].

Чуть более подробно в делопроизводстве петербургского резинового гиганта отразился процесс изготовления соски в начале XX в. При применении клеевого метода операция производилась следующим образом: «Из резиновой пластины при помощи штанца вырубает куски, которые, склеенные краями своими, образуют приблизительно форму соски. Нижний край... заворачивается и их надевают на деревянные, стеклянные или металлические формы, смазывают предварительно мылом или глицерином и вулканизуют снаружи. После этого их выворачивают наизнанку и подвергают вулканизации с другой стороны. Вулканизация производится погружением резины в хлористую серу, растворённую какой-либо жидкостью, растворяющей каучук, или парами серы» [51, л. 27]. Есть основания полагать, что операция производилась в специальных вулканизационных котлах, которые могли заполняться жидкой хлористой серой. В таком случае использовалось термическое воздействие в 120–180 °С. При вулканизации парами серы их подача осуществлялась под давлением, с тем же термическим воздействием [57, с. 99]. За счёт температуры обеспечивалась равномерная вулканизация покрытия и его необходимая твёрдость.

Недостаток клеевого метода – высокая трудозатратность изготовления детализированных игрушек сложных форм. Отсюда – второй метод изготовления – обмакивание.

В материалах о сосках описана операция изготовления бесшовных изделий. Очищенная и в некоторых случаях снабжённая различными примесями, резиновая смесь вальцевалась и обрабатывалась в каком-либо составе, растворяющем каучук (например, бензин или бензол). В полученный раствор необходимое количество раз погружались металлические, стеклянные или деревянные формы вплоть до достижения требуемой толщины. Каждое погружение производилось после высыхания предыдущего слоя. Затем операция производилась примерно так же, как и при клеевом методе – нижний край заворачивался, изделие подвергалось предварительной вулканизации, снималось с формы, посыпалось тальком, мукой или промачивалось в мыльном или глицериновом растворе, после чего следовала окончательная вулканизация. Таким способом изготавливались чёрные, красные, белые, прозрачные и иные соски [51, л. 27–27 об.].

О том, что такой метод применялся свидетельствует работа Р. Хоффера, в которой он описывал схожий процесс, только на примере изготовления воздушных шариков [58, с. 94].

На последнем этапе производства игрушки изделие подлежало окраске. Оно поступало в соответствующее отделение, где обретало свой цвет в руках рабочих [38, с. 31; 59, с. 37]. Кроме того, продукт мог быть покрыт лаком из оливкового масла и тюленьего жира для формирования защитной плёнки и дополнительно игрушки могли иметь пищалку [41, с. 15; 60, с. 238].

Обсуждение и выводы

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. самыми главными производителями резиновых игрушек были Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры (ТРАРМ, «Треугольник»), Московское товарищество резиновой мануфактуры (МРТМ, «Богатырь») и рижская фабрика «Проводник» [61].

Среди веществ, которые составляли резиновую смесь в исследуемый период, присутствовали натуральный каучук, а также мягчители, пластификаторы, наполнители, противостарители, вулканизирующие вещества и ускорители вулканизации, а также красители. С высокой вероятностью в производстве резиновых игрушек использовались нефтепродукты (такие как мазут и парафин), каменноугольная смола, цинковые белила, пемза,

барит, мел, воски. Сера использовалась в виде паров, в своём хлористом обличье, а также в составе пятисернистой сурьмы. Для окрашивания применялся целый комплекс органических и неорганических соединений.

Технология изготовления резиновых игрушек включала в себя очистку и высушивание каучука, изготовление резиновой смеси, которая либо шла на формовку, вальцовку и листование (при применении клеевого метода), либо становилась раствором (при применении обмакивания). Вулканизированное изделие могло быть выпущено неокрашенным или подкрашенным. Качество изделия и точность его формы зависели от конкретного метода производства¹.

Продолжение следует

Список литературы

1. Литвинский П. А. Игрушки, их назначение и выбор // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. Вып. XIII. СПб.: Тип. СПб. АО печ. дела Е. Евдокимов, 1899. 44 с.
2. Ляхович М. Л., Рабинович Т. И. Гигиена детской игрушки // Гигиена и санитария. – 1950. – № 7. – С. 33–37.
3. Школьников К. Л. К вопросу о гигиенической характеристике детских игрушек // Гигиена и санитария. – 1951. – № 4. – С. 51–52.
4. Кантор Д. И. О динамике уменьшения числа микробов в воздухе закрытых помещений под влиянием естественных факторов // Гигиена и санитария. – 1951. – № 8. – С. 11–15.
5. Кантор Д. И. Об эффективности ультразвуковых волн как обеззараживающего средства // Гигиена и санитария. – 1954. – № 4. – С. 10–13.
6. Кантор Д. И., Флоринский В. А., Азбель М. А. Облучение детских игрушек ультрафиолетовыми лучами с целью дезинфекции // Гигиена и санитария. – 1956. – № 6. – С. 79–80.
7. Баданов М. И., Гирш Н. Я., Широ С. И. Обеззараживание детских игрушек // Гигиена и санитария. – 1938. – № 5. – С. 35–46.
8. Васенина Н. Т. Гигиеническая характеристика некоторых анилиновых красок, применяемых при изготовлении игрушек // Гигиена и санитария. – 1955. – № 1. – С. 29–32.
9. Бартрам Н. Игрушка – радость детей: родителям и детям. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1912. 144 с.
10. Церетелли Н. Русская крестьянская игрушка. М.: Academia, 1933. 261 с.
11. Россихина С. В. Русская народная игрушка. М.: КОИЗ, 1959. 64 с.
12. Богуславская И. Я. Русская глиняная игрушка. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1975. 142 с.
13. Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX – начала XX в. // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1 (54). – С. 30–39. EDN: YGTEUV
14. Мицюк Н. А. Новое родительство и материальная культура раннего детства в городских семьях начала XX века // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 г. / отв. ред. В. А. Веременко. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 46–51. EDN: VRCWUZ
15. Бурлуцкая Е. В. «У меня игрушек много...». Предметный мир детской досуговой повседневности на рубеже XIX–XX вв. по материалам периодических изданий // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы междунар. науч.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 241–242.

конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Верemenko. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 222–228. EDN FIFYZS.

16. Костюхина М. С. Записки куклы: модное воспитание в литературе для девиц конца XVIII – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 301 с.

17. Дизайн детства: игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней / под ред. Меган Брендю-Фаллер; пер. с англ. А. Ландиховой. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 484 с.

18. Серебрякова К. Г. Детский костюм XVIII – первой четверти XX века. М.: Гос. ист. музей, 2010. 207 с.

19. Верemenko В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. – 2022. – № 7–2. – С. 18–30. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48. EDN UWMZGE.

20. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.); сборник документов и материалов / отв. ред. В. А. Верemenko. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – 448 с. EDN GVPIOF.

21. Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк. Л.: Academia, 1930. 320 с.

22. Андреев В. Л. Детство. М.: Сов. писатель, 1966. 275 с.

23. Романов Г. К. В Мраморном дворце. М.: Вече, 2001. 400 с.

24. Ваксель О. А. «Возможна ли женщине мёртвой хвала?»: воспоминания и стихи / сост. и послесловие А. С. Ласкина. М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2012. 427 с.

25. Водовозова Е. Н. На заре жизни и другие воспоминания. Т. 1. М.–Л.: Academia, ф-ка книги «Кр. пролетарий», 1934. 659 с.

26. Дневники императора Николая II. Т. 1. 1894–1904 / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. 1100 с.

27. Маяковский В. В. Сочинения в двух томах. Т. 1 / сост. А. Михайлов. М.: Правда, 1987. 777 с.

28. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 445. Оп. 1. Д. 8.

29. ИРЛИ РАН. Ф. 445. Оп. 1. Д. 12–13.

30. Бенуа А. Н. Мои воспоминания в пяти книгах. Книги 1–3. / изд. подг. Н. И. Александрова и др. М.: Наука, 1980.

31. Кондаков И. Л. Синтетический каучук, его гомологи и аналоги. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. VI, 3–154 с.

32. Кастилла эластичная (*Castilla elastica Cerv.*) – почти забытый каучуконос / А. М. Сагитов, С. Ю. Золкин, Б. Р. Кулуев и др. // Биомика. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 106–137. – DOI 10.31301/2221–6197.bmcs.2021–9. EDN SJFHVТ.

33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 15. Д. 400–403.

34. Большая Советская энциклопедия (БСЭ) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – 1-е изд. Т. 32: Каучук-Классон. – М.: Советская энциклопедия, 1936. – 432 с.

35. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 7: Гоголь-Дебит. М.: Советская энциклопедия, 1972. – 607 с.

36. Lewinsohn T. M. The geographical distribution of plant latex // *Chemoecology*. – 1991. – Vol. 2. – P. 64–68. DOI: 10.1007/bf01240668

37. Натуральный каучук, его источники и составные части / Б. Р. Кулуев, Р. Р. Гарифудинов, И. В. Максимов и др. // Биомика. – 2015. – Т. 7. – № 4. – С. 224–283. EDN: VKCJGL.

38. Игнатъев И. Каучук, его добывание и обработка. М.: изд. кн. скл. М. В. Ключкина, 1913. 32 с.

39. Бызов Б. В. Природный каучук. Л.: Госхимтехиздат. Ленингр. отд-ние, 1932. 100 с.

40. Шабалин Б. И. Красный Треугольник. 75 лет. 1860–1935. Л.–М.: История заводов, 1935. 339 с.

41. Буртина Л. М. Памятка-пособие клейщице резиновой обуви. М.: Химия, 1976. 81 с.

42. Стрижак Е. А., Чуденкова Т. Н. Использование синтетических смол в качестве пластификатора резин // Научный журнал. – 2019. – № 10(44). – С. 5–8. EDN: OUNZZE.

43. Гаузер Э. Технология резины. Т. 1 / пер. с нем. под общ. ред. инж. Л. М. Горбунова и А. В. Буштуева. М.: Онти. Глав. ред. хим. лит-ры, 1936. 748 с.

44. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1179. Оп. 28. Д. 1.

45. Панфилова А. М. История завода «Красный богатырь». (1887–1925 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 227 с.
46. Белозеров Н. В. Технология резины. М.: Химия, 1979. 472 с.
47. Гаузер Э. и др. Технология резины / пер. с нем. под общ. ред. Л. М. Горбунова и А. В. Буштуева Т. 2. М.: Онти. Глав. ред. хим. лит-ры, 1937. 749–1456 с.
48. Буловский А. И. Некоторые резиновые изделия с гигиенической точки зрения: Докл. 3-й секции Русского о-ва охранения нар. здравия 12 марта 1897 г. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, ценз. 1897. 14 с.
49. Айлер Р. Химия кремнезёма. Ч. 2. / пер. с англ. Л. Т. Журавлева; под ред. В. П. Прянишникова. М.: Мир, 1982. 421–1127 с.
50. Шабалин Б. И. Фабрика на Обводном: Очерк истории завода «Красный треугольник». Л.: Лениздат, 1949. 340 с.
51. РГИА. Ф. 24. Оп. 17. Д. 1002.
52. Лейхман Л. К. Каучук и гуттаперча. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1915. 26 с.
53. Кельман Г. Я. Токсические свойства химикатов-добавок для полимерных материалов. М.: Медицина, 1974. 127 с.
54. Российско-Американская резиновая мануфактура. Игрушки: альбом рисунков. СПб.: б. и., 1913. 11 с.
55. Анчарова М. С. Вальцовщицы А. Н. Кошелева и К. Н. Шмидт, завод «Красный богатырь». М.: Изд. и филиал тип. изд-ва «Моск. большевик», 1945. 36 с.
56. РГИА. Ф. 24. Оп. 11. Д. 648.
57. Гуммирование химического оборудования / Л. Г. Богатков, А. С. Булатов, Н. К. Глобин и др. М.: Химия, 1977. 208 с.
58. Хоффер Р. Каучук и гуттаперча: описание добывания и свойств каучука и гуттаперчи и их обработка фабричным способом, производство вулканизированного каучука и роговой резины, композиции из каучука и гуттаперчи, непромокаемые и эластичные ткани и пр. / пер. со 2-го, послед. нем. изд. П. Гросс. СПб.: Журн. «Техника, ремесла и с.-х. архитектура», 1907. 112 с.
59. Т-во «Проводник». Заводы в Риге: альбом. Б.М., 1906.
60. Былого счастья обзор...: семейный досуг, праздники, развлечения, в фотографиях и воспоминаниях конца XIX – начала XX вв. / авт.-сост. В. Н. Занозина. СПб.: Лики России, 2010. 333 с.
61. РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1452.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

60/40 %

Rubber Toys Production in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Part 1

Roman A. Mishkov, Olga A. Semyonova

Based on archival records of Russian State Historical Archive, Central State Historical Archive of St. Petersburg and technical literature, the authors analyze the composition of rubber toys produced at the factories of Russian-American Rubber Manufacturing Company (TRARM, since 1908 – under “Triangle” company), Moscow Rubber Manufacturing Company (MRTM, subsequently “Bogatyr”), as well as the Riga factory “Conductor”, and the technology of their manufacturing in the second half of the 19th – early 20th centuries. The research focuses on issues related to pigmentation and staining of products, as well as their operational properties. The authors attempt to reconstruct the list of materials and methods

of toy production used in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. A toy is understood as an object intended for the children entertainment (doll, ball, pacifier, balloon). Special attention is paid to natural rubber, as the basis of rubber compounds.

Key words: rubber, rubber compound, toy, technology, “Treugol’nik”, “Bogatyr”, “Provodnik”.

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00421, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Mishkov, R.A., Semenova, O.A. (2025) Proizvodstvo rezinovykh igrushek v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. CHast' 1 [Rubber Toys Production in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Part 1]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 215–236. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_215. EDN: ESWVWE

References

1. Litvinskij, P. A. (1899) *Igrushki, ih naznachenie i vybor* [Toys, their purpose and choice]. *Enciklopediya semejnogo vospitaniya i obucheniya* [Encyclopedia of Family education and Training]. Vyp. XIII. Saint Petersburg: tip. Spb. AO pech. dela E. Evdokimov. (In Russ.)
2. Lyahovich, M. L., Rabinovich, T. I. (1950) *Gigiena detskoj igrushki* [Hygiene of children's toys]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 7. Pp. 33–37. (In Russ.)
3. SHkol'nikova, K. L. (1951) *K voprosu o gigienicheskoj karakteristike detskih igrushek* [On the issue of the hygienic characteristics of children's toys]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 4. Pp. 51–52. (In Russ.)
4. Kantor, D. I. (1951) *O dinamike umen'sheniya chisla mikrobov v vozduhe zakrytykh pomeshchenij pod vliyaniem estestvennykh faktorov* [On the dynamics of reducing the number of microbes in indoor air under the influence of natural factors]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 8. Pp. 11–15. (In Russ.)
5. Kantor, D. I. (1954) *Ob effektivnosti ul'trazvukovykh voln kak obezrazhivayushchego sredstva* [On the effectiveness of ultrasonic waves as a disinfectant]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 4. Pp. 10–13. (In Russ.)
6. Kantor, D. I., Florinskij, V. A., Azbel', M. A. (1956) *Obluchenie detskih igrushek ul'trafiolotovymi luchami s cel'yu dezinfekcii* [Irradiation of children's toys with ultraviolet rays for disinfection purposes]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 6. Pp. 79–80. (In Russ.)
7. Badanov, M. I., Girsh, N. YA., SHirro, S. I. (1938) *Obezrazhivanie detskih igrushek* [Disinfection of children's toys]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 5. Pp. 35–46. (In Russ.)
8. Vasenina, N. T. (1955) *Gigienicheskaya karakteristika nekotorykh anilinovykh krasok, primenyaemykh pri izgotovlenii igrushek* [Hygienic characteristics of some aniline paints used in the manufacture of toys]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 1. Pp. 29–32. (In Russ.)
9. Bartram, N. (1912) *Igrushka – radost' detej: roditelyam i detyam* [A toy is a joy for children: parents and children]. Moscow: Tip. t-va I. D. Sytina. (In Russ.)
10. Ceretelli, N. (1933) *Russkaya krest'janskaya igrushka* [Russian peasant toy]. Moscow: Academia. (In Russ.)
11. Rossihina, S. V. (1959) *Russkaya narodnaya igrushka* [Russian folk toy]. Moscow: KOIZ. (In Russ.)
12. Boguslavskaya, I. YA. (1975) *Russkaya glinyanaya igrushka* [Russian clay toy]. Leningrad: "Iskusstvo". Leningr. otd-nie. (In Russ.)
13. Pushkareva, N. L., Micyuk, N. A. (2017) *Modernizaciya material'noj kul'tury rannego detstva v rossijskih dvoryanskij sem'jah vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Modernization of the early childhood material culture in the Russian nobility families of the second half of the 19th – Early 20th century]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal]. No. 1 (54). Pp. 30–39. (In Russ.). EDN: YGTEUV
14. Micyuk, N. A. (2022) *Novoe roditel'stvo i material'naya kul'tura rannego detstva v gorodskih sem'jah nachala XX veka* [New parenthood and the material culture of early childhood in urban families of the early 20th century]. *Domashnyaya povsednevnost' naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': mater. mezhdunar. nauch. konf.* [Home everyday life of Russian population: history and modernity. Collection of materials of the international scientific conference], St. Petersburg, 07–09 April 2022. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 46–51. (In Russ.). EDN: VRCWUZ
15. Burluckaya, E. V. (2023) *«U menya igrushek mnogo...». Predmetnyj mir detskoj dosugovoj povsednevnosti na rubezhe XIX–XX vv. po materialam periodicheskij izdanij* [“I have a lot of toys...”. The objective world of children's leisure everyday life at the turn of the 19th – 20th centuries based on periodicals' materials]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost': mater. mezhdunar. nauch. konferencii* [Family and Childhood in Everyday life: History and modernity: materials of the international scientific conference]. St. Petersburg, 06–08 April 2023. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 222–228. (In Russ.). EDN FIFYZS.
16. Kostyuhina, M. S. (2017) *Zapiski kukly: modnoe vospitanie v literature dlya devic konca XVIII – nachala XX veka* [Notes of a doll: fashionable education in literature for girls of the late 18th – early 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

17. *Dizajn detstva: igrushki i material'naya kul'tura detstva s 1700 goda do nashih dnei* (2021) [Childhood design: toys and the material culture of childhood from 1700 to the present day]. Ed. Megan Brendou-Faller; transl. A. Landihova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
18. Serebryakova, K. G. (2010) *Detskii kostyum XVIII – pervoj chetverti XX veka* [Children's costume of the 18th – first quarter of the 20th century]. Moscow: Gos. ist. muzej. (In Russ.)
19. Veremenko, V. A. (2022) *Tualet i vanna: gigiena tela v gorodskikh dvoryansko-intelligentskikh sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Toilet and bath: body hygiene in urban noble-intelligent families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii* [History issues]. No. 7–2. Pp. 18–30. (In Russ.). DOI 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48. EDN UWMZGE.
20. *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX vv.): sbornik dokumentov i materialov* (2023) [Childhood hygiene in St. Petersburg and the St. Petersburg province (mid-XVIII – early XX centuries): collection of documents and materials]. Ed. V. A. Veremenko. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. (In Russ.). EDN GVPIOF.
21. Beketova, M. A. (1930) *Aleksandr Blok. Biograficheskij ocherk* [Alexander Blok. Biographical sketch]. Leningrad: Academia. (In Russ.)
22. Andreev, V. L. (1966) *Detstvo* [Childhood]. Moscow: Sov. pisatel'. (In Russ.)
23. Romanov, G. K. (2001) *V Mramornom dvorce* [In the Marble Palace]. Moscow: Veche. (In Russ.)
24. Vaksel', O. A. (2012) «Vozmozhna li zhenshchine myortvoj hvala?»: vospominaniya i stihi [“Is praise possible for a dead woman?”: memoirs and poems]. Comp. A. S. Laskin. Moscow: Izd. centr Rossijskogo gos. humanitarnogo un-ta. (In Russ.)
25. Vodovozova, E. N. (1934) *Na zare zhizni i drugie vospominaniya* [At the dawn of life and other memories]. Vol. 1. Moscow–Leningrad: Academia, f-ka knigi «Kr. proletarij». (In Russ.)
26. *Dnevnik imperatora Nikolaya II* (2011) [Diaries of Emperor Nicholas II]. Vol. 1. 1894–1904. Ed. S. V. Mironenko. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
27. Mayakovskij, V. V. (1987) *Sochineniya v dvuh tomah* [Essays in two volumes]. Vol. 1. Comp. A. Mihajlov. Moscow: izd. «Pravda». (In Russ.)
28. *Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom) Rossijskoj akademii nauk* [Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences] (hereinafter – IRLI RAN). F. 445. Op. 1. D. 8.
29. IRLI RAN. F. 445. Op. 1. D. 12–13.
30. Benua, A. N. (1980) *Moi vospominaniya v pyati knigah* [My memories in five books]. Books 1–3. Moscow: Nauka. (In Russ.)
31. Kondakov, I. L. (1912) *Sinteticheskij kauchuk, ego gomologi i analogi* [Synthetic rubber, its homologues and analogues]. YU'rev: Tip. K. Mattisena. (In Russ.)
32. *Kastilla elastichnaya (Castilla elastica Cerv.) – pochti zabytyj kauchukonos* (2021) [Castilla elastica (Castilla elastica Cerv.) – an almost forgotten rubber carrier]. *Biomika* [Biomics]. A. M. Sagitov, S. YU. Zolkin, B. R. Kuluev etc. Vol. 13. No. 2. Pp. 106–137. (In Russ.). DOI 10.31301/2221–6197.bmcs.2021–9. EDN SJFHV7.
33. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 23. Op. 15. D. 400–403.
34. *Bol'shaya Sovetskaya enciklopediya* (1936) [The Great Soviet Encyclopedia]. Ed. O.YU. SHmidt. Vol. 32: Kauchuk-Klasson. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
35. *Bol'shaya Sovetskaya enciklopediya* (1972) [The Great Soviet Encyclopedia]. Ed. A. M. Prohorov. Vol. 7: Gogol'-Debit. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. (In Russ.)
36. Lewinsohn, T. M. (1991) The geographical distribution of plant latex. *Chemoecology*. Vol. 2. Pp. 64–68. DOI 10.1007/bf01240668
37. *Natural'nyj kauchuk, ego istochniki i sostavnye chasti* (2015) [Natural rubber, its sources and components]. *Biomika* [Biomics]. B. R. Kuluev, R. R. Garafutdinov, I. V. Maksimov etc. Vol. 7. No. 4. Pp. 224–283. (In Russ.). EDN VKCJGL.
38. Ignat'ev, I. (1913) *Kauchuk, ego dobyvanie i obrabotka* [Rubber, its extraction and processing]. Moscow: Izd. kn. skl. M. V. Klyukina. (In Russ.)
39. Byzov, B. V. (1932) *Prirodnyj kauchuk* [Natural rubber]. Leningrad: Goskhimtekhnizdat. Leningr. otd-nie. (In Russ.)
40. SHabalin, B. I. (1935) *Krasnyj Treugol'nik. 75 let. 1860–1935* [The Red Triangle. 75 years. 1860–1935]. Leningrad-Moscow: Istoriya zavodov. (In Russ.)
41. Burtina, L. M. (1976) *Pamyatka-posobie klejshchice rezinovej obuvi* [Memo-manual rubber shoe gluer]. Moscow: Himiya. (In Russ.)
42. Strizhak, E. A., CHudenkova, T. N. (2019) *Ispol'zovanie sinteticheskikh smol v kachestve plastifikatora rezin* [The use of synthetic resins as a rubber plasticizer]. *Nauchnyj zhurnal* [Scientific Journal]. No. 10(44). Pp. 5–8. (In Russ.). EDN OUNZZE.
43. Gauzer, E. (1936) *Tekhnologiya reziny* [Rubber technology]. Vol. 1. Eds. L. M. Gorbunov and A. V. Bushtuev. Moscow: Onti. Glav. red. him. lit-ry (In Russ.)
44. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Historical Archive of St. Petersburg] (hereinafter – CGIA Spb). F. 1179. Op. 28. D. 1.
45. Panfilova, A. M. (1958) *Istoriya zavoda «Krasnyj bogatyr'» (1887–1925 gg.)* [The history of the Krasny Bogatyr plant (1887–1925)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.)
46. Belozero, N. V. (1979) *Tekhnologiya reziny* [Rubber technology]. Moscow: Himiya. (In Russ.)

47. Gauzer, E. (ed.) (1937) *Tekhnologiya reziny* [Rubber technology]. Vol. 2. Eds. L. M. Gorbunov and A. V. Bushtuev. Moscow: Onti. Glav. red. him. lit-ry. (In Russ.)
48. Bulovskij, A. I. (1897) *Nekotorye rezinovyje izdeliya s gigienicheskoj točki zreniya: Dokl. 3-j sekcii Russkogo o-va ohraneniya nar. zdoroviya 12 marta 1897 g.* [Some rubber products from a hygienic point of view: Report of the 3rd Section of the Russian Island of National Health Protection on March 12, 1897]. Saint Petersburg: tip. P. P. Sojkina, cenz. (In Russ.)
49. Ajler, R. (1982) *Himiya kremnezyma* [Chemistry of silica]. Part 2. Transl. L. T. Zhuravlev, ed. V. P. Pryanishnikov. Moscow: Mir, 1982. (In Russ.)
50. SHabalin, B. I. (1949) *Fabrika na Obvodnom: Ocherk istorii zavoda «Krasnyj treugol'nik»* [Factory on the By-pass: An outline of the history of the Krasny Triangle factory]. Leningrad: Lenizdat, 1949. (In Russ.)
51. RGIA. F. 24. Op. 17. D. 1002.
52. Lejzman, L. K. (1915) *Kauchuk i gutta-percha* [Rubber and gutta-percha]. Moscow: Tipo-lit. V. Rihter. (In Russ.)
53. Ke'l'man, G. YA. (1974) *Toksicheskie svoystva himikatov-dobavok dlya polimernyh materialov* [Toxic properties of chemical additives for polymer materials]. Moscow: Medicina. (In Russ.)
54. Rossijsko-Amerikanskaya rezinovaya manufaktura. Igrushki: al'bom risunkov (1913) [Russian-American rubber manufactory. Toys: an album of drawings]. Saint Petersburg: b.i. (In Russ.)
55. Ancharova, M. S. (1945) *Val'covshchicy A. N. Kosheleva i K. N. SHmidt, zavod «Krasnyj bogatyr'»* [Mill operators A. N. Kosheleva and K. N. Schmidt, Krasny Bogatyr factory]. Moscow: izd. i filial tip. izd-va «Mosk. bol'shevik». (In Russ.)
56. RGIA. F. 24. Op. 11. D. 648.
57. *Gummirovaniye himicheskogo oborudovaniya* (1977) [Gumming of chemical equipment]. Eds. L. G. Bogatkov, A. S. Bulatov, N. K. Globin. Moscow: Himiya. (In Russ.)
58. Hoffer, R. (1907) *Kauchuk i guttapercha: opisaniye dobyvaniya i svoystv kauchuka i guttaperchi i ih obrabotka fabrichnym sposobom, proizvodstvo vulkanizirovannogo kauchuka i rogovoy reziny, kompozicii iz kauchuka i guttaperchi, nepromokaemye i elastichnye tkani i pr.* [Rubber and gutta-percha: description of the extraction and properties of rubber and gutta-percha and their processing by factory method, production of vulcanized rubber and horn rubber, compositions of rubber and gutta-percha, waterproof and elastic fabrics, etc.]. Saint Petersburg: zhurn. "Tekhnika, remesla i s.-h. arhitektura". (In Russ.)
59. T-vo «Provodnik». *Zavody v Rige: al'bom* (1906) ["Explorer" company. Factories in Riga: album]. (In Russ.)
60. *Bylogo schastiya obzor...: semejnyj dosug, prazdniki, razvlecheniya, v fotografiiah i vospominaniyah konca XIX – nachala XX vv.* (2010) [Past happiness review ...: family leisure, holidays, entertainment, in photographs and memoirs of the late 19th – early 20th centuries]. Comp. V. N. Zanozina. Saint Petersburg: Liki Rossii. (In Russ.)
61. RGIA. F. 32. Op. 1. D. 1452.

Об авторах

Мишков Роман Алексеевич, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: crazyallover0@gmail.com; ORCID ID: 0009-0009-3412-8196

Семёнова Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7130-9038

About the authors

Mishkov Roman A., Postgraduate Student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: crazyallover0@gmail.com; ORCID ID: 0009-0009-3412-8196

Semyonova Olga A., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Senior Lecturer, Department of History, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: ivanova.olga.al@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7130-9038

Статья поступила в редакцию 11.11.2024

Одобрена после рецензирования 05.12.2024

Принята к публикации 11.12.2024

Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945)

Фотография для журнала Popular radio

Архив РАН. Ф. 641. Оп. 3. Д. 94. Л. 41

А.А. Глаголева-Аркадьева в Московской магнитной лаборатории.

Начало 1920-х гг.

Архив РАН. Ф. 641. Оп. 3. Д. 94. Л. 65

А. А. Глаголева-Аркадьева и В. К. Аркадьев в Электромагнитной лаборатории им. Максвелла

Архив РАН. Ф. 641. Оп. 2. Д. 44. Л. 1

К статье О. А. Вальковой

**Ольга Андреевна Старосельская-Никитина –
домашняя наставница**
ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209. Л. 85

О. А. Старосельская-Никитина (1885–1969)
Иконотека Института истории естествозна-
ния и техники им. С. И. Вавилова РАН

О. А. Старосельская-Никитина (1885–1969)
Иконотека Института истории естествозна-
ния и техники им. С. И. Вавилова РАН

К статье О. А. Вальковой

Рис. 1. А. Н. Боголюбов с сыном В. А. Боголюбовым
(г. Калинин, 7 мая 1934 г.) Автор статьи датирует фотографию второй
половиной 1930 г. – первой половиной 1931 г. [10]

К статье Р. А. Бадикова

Рис. 2. А. Н. Боголюбов (16 сентября 1945 г.) [41]

К статье Р. А. Бадикова

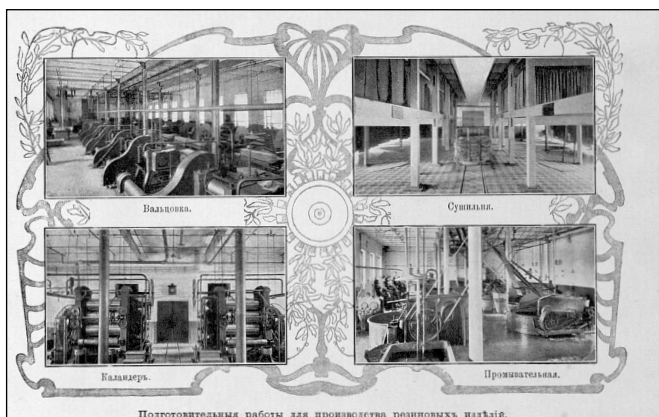
Резиновые игрушки Т-ва Российско-Американской резиновой мануфактуры под фирмою «Треугольник». Плакат. СПб.: Теодор Киббель, 189?: хромолитография. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009943122?page=1&rotate=0&theme=white>

Происхождение сырого материала («Треугольник»)

Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник». СПб.: Тип. Дж. Ив. Шумахер, 1905

К статье Р. А. Мишкова, О. А. Семёновой

Подготовительные работы для производства резиновых изделий («Треугольник»)
Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник». СПб.:
Тип. Дж. Ив. Шумахер, 1905

Проводник

Резиновые игрушки: плакат. Рига: Лит. Шнакен-
бург, 1902: хромолитография. URL: [https://viewer.rsl.
ru/ru/rsl01009970533?page=1&rotate=0&theme=white](https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01009970533?page=1&rotate=0&theme=white)

К статье Р. А. Мишкова, О. А. Семёновой

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен одним файлом:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Original article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

• **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. NB! В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. Пример: *Everyday Life of Murmansk Women and the Beginning of the Women's Movement on the Kola Peninsula During the "Perestroika" Years*.

• **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120–150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».

• **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.

• **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.

• **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.

• **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.

• **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.

• **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок).

• **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:

- ФИО (полностью);
- Ученая степень;
- Ученое звание;
- Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
- Город;
- Страна;
- Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
- E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах: TIFF (300 dpi), PNG, JPG/JPEG.

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

Правила оформления литературы

(10 кегль, абзацный отступ – 0,4) Список литературы содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). Список оформляется в порядке цитирования (упоминания в работе). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU в верху страницы).

МОНОГРАФИЯ

— Езерский Н. Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с. EDN: ABCDEF

— Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с. EDN: YNFSLI

КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

— Гендерный подход в дошкольной педагогике / отв. ред. Л. В. Штылева. Мурманск: КРЦДОи РЖ, 2001. 200 с. EDN: ABCDEF

— Женская активность: история и современность / отв. ред. С. В. Сиражулинова, О. С. Мутиева, Н. Л. Пушкарева. Махачкала: АЛЕФ, ДГУНХ, 2021. 325 с. EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

— Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 101–114. EDN: PUVFWL

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

— Веремченко В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320–354. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101. EDN: KCFJDI

СТАТЬИ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)

— Зайцева С. В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2-х т. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радица. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 180–182. EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

— Ващева И. Ю. «Церковные истории» поздней античности: социальные функции, смысл и назначение // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени: сб. науч. ст. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. С. 5–18. EDN: HUFYXJ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

— Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513.

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Puar J. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability. Durham; London: Duke University Press, 2017. 296 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Wenneras C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // Nature. 1997. Vol. 387. No. 6631. Pp. 341–343.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

— История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Historical Archives of the European Union. Available at: <https://www.eui.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (accessed 20 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

— Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

— Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

— Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с. EDN: NQHTVX

— Идрисова Э. С. Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с. EDN: NKMWTDN

References

References должны быть представлены на латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать автоматический машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке;
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например <http://translit-online.ru/>, используя две основные формулы:

Для научных статей

— Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the Headline of the Article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnika* [Translation of the Headline of the Source]. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russ.)

Для книг

— Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the Headline of the Book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russ.)

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

— Abramov, YA. V. (1900) *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday Schools. Their Past and Present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva. (In Russ.). EDN: ABCDEF

КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

— Shtyleva, L. V. (2001) (ed.) *Gendernyy podhod v doskol'noj pedagogike: teoriya i praktika* [Gender approach in preschool pedagogy: theory and practice]. Murmansk: KRTsDOi RZh. (In Russ.). EDN: ABCDEF

— Sirazhudinova, S. V., Mutieva, O. S., Pushkareva, N. L. (2021) (eds.) *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's activism: history and modernity]. Mahachkala: DGU. (In Russ.). EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

— Sinova, I. V. (2016) *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the Working Population in Urban Society in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.). EDN: WIDAQZ

СТАТЬИ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)

— Zajceva, S. V. (2018) *Sud'ba nezakonno-rozhdennykh detej i ih materej v rossijskikh gorodakh vo vtoroj polovine XIX v.* [The Fate of Illegitimate Children and Their Mothers in Russian Cities in the Second Half of the 19th Century]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban Women and Citizens in the Political, Economic and Cultural Processes of Russian Urbanization of the 14th–21st Centuries]. Proceedings of the 11 International Scientific Conference RAIZHI and IEA RAS, 4–7 October 2018, Nizhny Novgorod. In 2 vols. Eds. N. L. Pushkareva, N. A. Granskaya, N. K. Radina. Moscow: IEA RAS. Vol. 1. Pp. 180–182. (In Russ.) EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

— Vashcheva, I. Yu. (2011) «Tserkovnye istorii» pozdnei antichnosti: sotsial'nye funktsii, smysl i naznachenie [“Church Histories” of Late Antiquity: Social Functions, Origin and Purpose]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Almanac on the History of the Middle Ages and the Early Modern Era]. Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 5–18. (In Russ.). EDN: HUFYXJ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (33)

2025

Редакторы **Т. Г. Захарова, А. А. Титова**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 10.03.2025. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,5.
Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ № 2013

На обложке размещена икона
«Святые благоверные князь Петр
и княгиня Феврония Муромские»,
Центральный музей древнерусской культуры
и искусства имени Андрея Рублева, Россия

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru